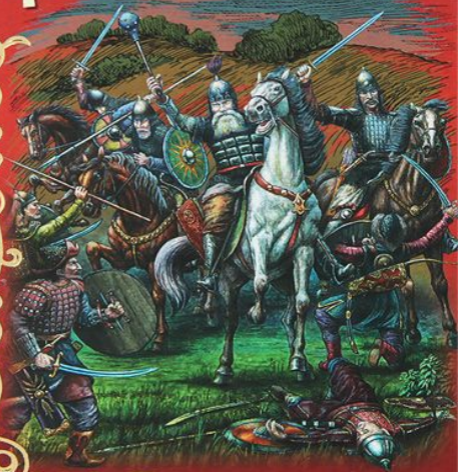
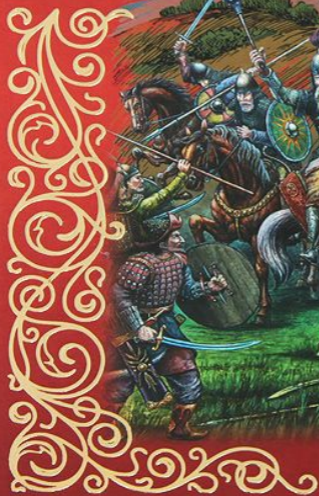

Александр Красницкий

РУСИЧИ

Книжный ЛОМ

Русичи //Книжный дом, Минск, 2013

ISBN: 978-985-17-0662-0

FB2: , 18.05.2019, version 1.0

UUID: FE568E49-8931-45B3-9DD6-A0852E5BE169

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Иванович Красницкий

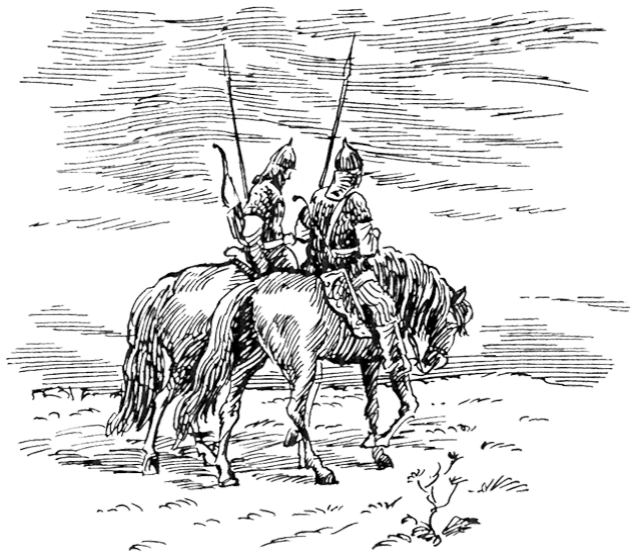
Русичи (История России в романах)

В книгу вошли два наиболее известных романа автора — "Князь Святослав" и "Красное Солнышко". Они повествуют о жизни и деяниях двух великих князей киевских: Святославе и его младшем сыне Владимире, о суровом, полном драматизма и интриг времени становления русской государственности...

Содержание

#1	0006
Князь Святослав	0006
#1	0007
ПРОЛОГ	0007
1. ГДЕ ВЯТИЧИ?	0010
2. АЛК ИЗ РОДА СТАРОГО СМЕДА	0016
3. ЧЁРНАЯ СТРЕЛА	0027
4. ЗЕЛЁНАЯ ВЕТКА МИРА	0035
5. ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ	0047
6. ДРУЖИННОЕ БРАТСТВО	0057
7. ДИКОЕ ПОЛЕ	0066
8. ИТИЛЬ — ЖЕСТОКИЙ ГОРОД	0078
9. ИДУ НА ВЫ!	0087
10. ТРЕВОГИ ЦАРЯ ИОСИФА	0102
11. БИТВА ПРИ ИТИЛЕ	0112
12. ПОГОНЯ	0128
13. МУДРОСТЬ ПОЛКОВОДЦА	0146
14. ШТУРМ САРКЕЛА	0158
15. ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА	0171
Красное Солнышко	0192
#1	0193
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	0193
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	0287
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	0381

Русичи

Князь Святослав

КНЯЗЬ

СВЯТОСЛАВ

ПРОЛОГ

Зенькое оконце пропускало в келью совсем немного света. Старик подслеповато щурился, с трудом разбирая выцветшие строчки. Совсем ветхой стала книга, давно пора бы перебелить её на чистых листах пергамента[1], да всё руки не доходили. Смутные наступили времена: то князья между собой воюют, то смерды бунтуют, то степняки набегают из Дикого Поля на порубежные деревни. Не случилось подобного при первых киевских князьях, Олеге Вещем и Игоре Старом. И при князе-витязе Святославе не было. Сам походами в дальние земли ходил, а на Руси было тихо. Древние сказания нынешним князьям как бы в укор, а кто укору любит? Давненько никто не заказывал списки со старой летописи. А тут вдруг счастье привалило: приехал в мона-

стырь молодой переяславский князь Владимир Мономах, попросил для себя летопись с самого начала переписать. И смышлёного отрока прислал, разумеющего книжную науку. Сам-то летописец дряхлым стал, пальцы дрожат, гусиное перо не слушается, а переписать книгу — труд великий.

Так и работали вдвоём. Летописец медленно диктовал, сверяясь со старым списком, а отрок проворно вычерчивал на пергаменте чёрные квадратные буквы, словно бусинки нанизывал на нитку.

За полтора месяца переписали всю старину, от сотворения мира до княгини Ольги. Сегодня о князе Святославе рассказ.

— «Когда князь Святослав вырос и возмужал, — нараспев читал старец, стал он собирать много воинов храбрых. И легко ходил в походах, как пардус[2], и много воевал. В походах же не возил за собой ни возов, ни котлов, не варил мяса, но, тонко порезав конину, или зверину, или говядину и зажарив на углях, так и ел. Не имел он и шатра, но спал, подстелив потник, с седлом в головах. Таими же были и все прочие воины его. И посы-

дал в иные земли со словами: „Иду на вы!“».

Отрок положил гусиное перо, пошевелил занемевшими пальцами.

— Пиши, пиши, — несердито поторопил старик, — зимний день короток!

— Пишу, отче!

— «В лето шесть тысяч четыреста семьдесят третье[3] пошёл Святослав в землю вятичей и спросил: „Кому дань даёте?“ И сказали вятичи: „Хазарам...“».

Летописец замолчал, пододвинул книгу ближе к свету.

— Что ещё писать о земле вятичей? — поднял голову отрок.

— Ничего больше в старом списке нет, и ты не пиши, — помедлив ответил летописец. — Но старики вспоминали, что будто так было...

1. ГДЕ ВЯТИЧИ?

еликими лесами покрыта земля вятичей. Тянулись вятичские леса от Оки-реки до самой Волги.

И за Волгой тоже были леса, но обитали там люди уже не славянского племени. А вятичи были славянами, хоть не признавали власти киевского князя и жили от других славянских племён как бы отдельно.

И дальше бы они так жили, но в 964 году князь Святослав начал свой поход на восток. Ладьи княжеского войска поплыли по Оке, великой реке вятичей.

Тянулись по берегам нескончаемые леса. Медно-красные сосны над песчаными обрывами, как воины в строю. Ветер тревожно гудел в ветвях, швырял в светлую окскую воду сосновые шишки.

Вечерами на берег выходили медведи. Вытягивая лобастые головы, смотрели на ладьи и прятались в кустах, напуганные рёвом боевых труб и плеском множества вёсел.

Проносились над водой громкоголосые птичьи стаи.

В омутах плескалась богатырская рыба-сом.

Кабаны проворно перебегали зелёные лужайки.

Земля вятичей щедро являла путникам свои богатства, обилие зверя, птицы и рыбы. Не видно было только людей, населявших её. Избы на берегу стояли пустыми, рыбацьи челны унесены в овраги и укрыты под кучами хвороста. Дороги, ведущие вглубь леса, перегороджены завалами из подрубленных деревьев. Наверно, вятичи не ждали добра от княжеского войска и спрятались в укромных местах. Но они были где-то близко: над лесом то и дело поднимались столбы чёрного дыма, предупреждая об опасности.

Лёгкие сторожевые ладьи, далеко опередив большие суда, крались возле самого берега, сворачивали в устья речек и ручьёв, оста-

навливались у пустых деревень. Дозорные ратники взбирались на высокие деревья и по долгу обозревали окрестности. Возвращаясь к княжеской ладье, они виновато разводили руками:

— Нет людей, княже!

Святослав недовольно хмурил брови. Задумано великое дело, поставить под власть Киева обширную и многолюдную землю вятичей, чтобы они, сообщая с другими славянскими племенами, крепили державу и давали отпор врагам. А врагов у Руси было много. Из Дикого Поля нападали кочевники-печенеги, разбойничали на границе. Хазары оседлали устье великой реки Волги, мешали русской торговле с восточными странами. А за тёплым морем притаились коварные византийцы, их император мечтал поставить Русь под свою руку. Пришло время показать им силу Руси!

Могучее войско двигалось за князем Святославом, и не было силы, способной ему противостать. Но непонятное исчезновение вятичей нарушало замыслы князя. Кого здесь побеждать? Медведей, что ли?

Князь Святослав был молод, но давно уже познал строгие законы войны. Первый свой поход он совершил трёхлетним мальчиком. Лесные жители-древляне убили его отца, киевского князя Игоря Старого, и единственный сын должен был мстить.

На широкой поляне сошлись два войска — киевское и древлянское. По обычаю, сражение начинал князь, и маленький Святослав метнул копьё. Копьё упало на землю возле самых ног коня, потому что непосильно тяжёлым оказалось для мальчика боевое оружие, но воеводы закричали:

— Князь начал битву! Последуем, дружина, за князем!

И ринулись вперёд отважные киевские дружинники и победили древлян, и восславили киевляне нового воителя за землю русскую — князя Святослава Игоревича...

Много было потом сражений и походов. Всё легче и легче казалось князю Святославу боевое копьё. Уже не находилось храбрецов, которые осмелились бы выйти против него на поединок. Седобородые воеводы со вниманием слушали советы молодого предводителя.

ля, признавая его воинскую мудрость. Имени князя Святослава стали бояться враги. Он совершал с дружиной стремительные переходы, неожиданно обрушивался на врага и неизменно побеждал.

Но нынешний поход начинался неудачно, вятичи уклонялись от встречи. Снова и снова князь Святослав посылал вперёд сторожевые лады:

— Возьмите языка! Узнайте, где искать вятичских старейшин!

Но вятичи будто растворились в своих немеренных лесах.

Вечерами, собираясь на берегу возле костров и прислушиваясь к таинственным шорохам леса, воины шептались о неуловимых лесных жителях, которые будто бы умеют превращаться в диких зверей.

«Может медведи, которые выходили к реке, и есть заколдованные вятичи? Надо принести жертвы Перуну[4], чтобы он расколдовал лесных людей и отдал нам в руки!»

Старый воевода Свенельд, служивший и отцу Святослава — князю Игорю, и матери его — княгине Ольге, посоветовал высадить

на берег конную дружину и углубиться в лес. Как видно, вятичи без сожаления покидают свои деревни, но есть у них священные места — капища, где стоят деревянные идолы. Вятичи весьма почитают идолов и не отдадут их без боя. Важно только найти такое капище, вятичи сами сбегутся отовсюду, чтобы защитить своих богов, и тогда можно поговорить со старейшинами.

— А с дружиной меня пошли, княже, или какого-нибудь другого воеводу, — закончил Свенельд. — Так будет ладно...

— Сам пойду с дружиной в лес! — решил Святослав.

Воевода склонил голову, повинувшись княжеской воле.

2. АЛК ИЗ РОДА СТАРОГО СМЕДА

Троку Алку было столько лет, сколько пальцев на трёх руках и ещё два года. Он не достиг возраста взрослого мужчины, но и мальчиком его в деревне уже не считали. Старейшина рода Смед вручил юноше длинный прямой нож и колчан с боевыми стрелами; стрелы были длинные, тяжёлые, с железными наконечниками и с родовыми знаками на чёрных древках, с чёрными же перьями.

Печенег Пур, который пас родовое стадо на лугах за речкой Смедвой, хотел подарить Алку кривую саблю, но старейшина велел повременить. Носить меч или саблю полагалось только взрослому мужчине, а Алк ещё отрок. Таков обычай.

Алк не обиделся на старого старейшину. Не по своему нерасположению он не разре-

шил взять саблю, а по обычаю. Обычаями род держится...

А дружить с Пуром старейшина запретить не мог. Печенег научил Алка лихо скакать на коне и разговаривать на печенежском языке. Не многие взрослые это умели.

До торжественного обряда посвящения в воины Алк жил не с родителями и младшими братьями, а в особой избе на краю деревни, с такими же, как он сам, отроками. Через год, достигнув полного совершеннолетия, Алк получит саблю, построит собственную избу и будет сидеть на совете со взрослыми мужчинами. Пока же ему лишь доверяют сторожить ночью деревню и ходить в цепи загонщиков на охоте.

В здешние места род Смеда переселился не очень давно. Безымянную речку, возле которой построили деревню, люди называли по имени старейшины Смедвой.

Алк гордился, когда незнакомые охотники, расспросив, кто он такой и из какого рода, уважительно отзывались о старом Сmede. И он ещё гордился, что на земле его рода было капище.

Уже на памяти Алка пожар спалил старую Священную Рощу, где обитали родовые боги. Люди вынесли из огня деревянных идолов и поставили их на пологом холме возле самой деревни. Старейшины соседних родов стали собираться у очага Смеда, чтобы обсудить общие дела и принести жертвы богам. Получалось, что Смед вроде бы старший над всеми старейшинами.

Едва донеслись слухи о походе князя Святослава, старейшины многих родов пришли к Смеду. О чём они говорили на совете, Алк не знал, потому что даже многие взрослые мужчины не были допущены в избу. Но по обильным жертвам, принесённым в тот день богам, можно было догадаться, что вятичам угрожает большая опасность. Разве иначе зарезали бы на капище двух чёрных быков?

Но вечером старейшина Смед сам пришёл к отрокам. Присел на скамью возле очага, провёл ладонью по седой бороде, промолвил тихо:

— Слушайте со вниманием, отроки. В нашу землю вошёл князь Святослав с войском, бесчисленным, как деревья в лесу, и все вои-

ны его одеты в железные рубахи и железные шапки. Люди спрячутся в лесу, чтобы Свято-славу не с кем было сражаться и чтобы он поскорее миновал нашу землю. А вы пойдёте к Оке-реке и будете смотреть за войском князя. Для такого дела нужны зоркие глаза и быстрые ноги — как у вас, отроки...

После захода солнца юные сторожа покинули деревню.

Неслышно ступали их ноги в мягких башмаках-поршнях.

Руки осторожно раздвигали кусты.

Стройные тела юношей легко проскальзывали между стволами деревьев.

Только старейшина Смед знал, куда повели их лесные тропы.

Утром Алк был уже в назначенном месте, на высоком берегу реки. Он скинул с плеч кафтан из толстой кабаньей кожи и остался в одной рубахе, перепоясанной узким ремешком. Кожаные кафтаны вятичи носили в лесу, чтобы уберечься от колючек и острых сучьев, а здесь, возле реки, кусты были мягкими, ласковыми.

Тихо несла под обрывом свои воды корми-

лица Ока, общее владение вятического племени. Но тревога ощущалась и здесь. На речном просторе не было видно рыбацких челнов, а в деревне, на другом берегу — обычного утреннего оживления. словно вымерло всё вокруг, даже птицы примолкли.

Алк сел за кустом, положил под правую руку колчан со стрелами, под левую — лук и приготовился ждать.

Ждать охотники-вятичи умели. Порой приходилось целый день сидеть в засаде неподвижно и безмолвно, потому что сторожкого зверя могло спугнуть любое неловкое движение, шевеление ветвей, даже негромкое поскрипывание стрел в колчане. Малейшая неосторожность обрекала охотника на неудачу.

Солнце стояло прямо над головой, когда из-за поворота реки выскользнули чужие ладьи. Алк не сразу заметил их, потому что ладьи не выплывали на быстрину, а будто крались у самого берега.

Ладья с хищно поднятым носом проплыла совсем близко. Воины в кольчугах и остроконечных шлемах мерно взмахивали вёслами.

Гребцы были опытные: ни плеска, ни скрипа уключин. Только за кормой шипит вспененная вода.

Метнулся в кусты дикий кабан. Затрещали ломаясь сухие ветви.

Ладья остановилась, тихо покачиваясь на волне.

Бородатый воин, сидевший возле кормового весла, долго всматривался из-под ладони в заросли кустарника. Потом, успокоившись, махнул рукой гребцам. Вёсла без плеска опустились в воду.

Проплыла вторая сторожевая ладья, третья, четвёртая и со всех ладей воины внимательно осматривали берег. Но Алк ничем не выдал себя и сторожевая застава князя Святослава уплыла вниз по реке.

Из-за того же поворота показалось сразу множество больших ладей, они заполнили реку от берега до берега. Блестели на солнце доспехи и оружие. Колыхались на ветру разноцветные стяги. Овальные щиты краснели на чёрных просмолённых бортах, как перевернутые языки пламени.

Так вот оно какое войско князя Святосла-

ва!

Алк никогда не видел сразу такого количества воинских ладей. Он пробовал считать, загибая пальцы, но скоро бросил это бесполезное занятие. Голова судового каравана уже уползла вниз по реке, а из-за поворота выплывали новые и новые ладьи и, казалось, что им нет конца.

Алк подумал, что старейшины поступили правильно, спрятав людей в лесных убежищах. Сражаться с князем Святославом бесполезно: воинов у него действительно больше, чем деревьев в лесу.

Потом проплыли широконосые суда с высокими бортами из досок — насады. Алк слышал приглушённое ржание, глухие удары копыт по дереву, а когда насады приблизились, разглядел сверху лошадиные головы.

Конница!

Значит, здесь княжеская дружина, а в других ладьях пешие ратники. Надобно предупредить старейшину Смеда. Вятичи не знали, что судовой караван везёт лошадей. И ещё надо выяснить место ночлега. Алк решил бежать за ладьями до вечера, чтобы узнать это.

Осторожно упятился из кустов в лес, побежал, пригнувшись, вдоль берега, невидимый с реки.

То и дело преграждали путь овраги, во множестве спускавшиеся к реке. Но судовой караван двигался медленно и Алк, спрямляя изгибы реки, бежал наравне с первыми ладьями.

В лесу к Алку присоединились ещё два отрока. Они сразу признали его за старшего. Алк первым заметил ладьи, а потому имел право распоряжаться. Так поступали вятичи на охоте: охотник, первым увидевший зверя, вёл за собой всю облаву. А война и облавная охота — разве не одно и то же?

Молодые вятичи послушно бежали за Алком, пережидали в лесу, пока он подкрадётся к берегу и своими глазами увидит ладьи, и снова устремлялись вперёд, услышав условный свист.

Алка переполняла гордость. Кто из юношей не мечтает стать вождём на войне?

Длинные июньские дни, но и они имеют конец. На реку опускались сумерки. Поползли из оврагов, растекаясь по воде, сизые полосы

тумана.

В голове судового каравана протяжно задела труба.

Ладьи нетерпеливо причаливали к берегу. Воины высаживались на большой луг, ограждённый с двух сторон оврагами; дальний от реки конец луга упирался в непроходимую лесную чащу.

Алк удивился опытности воевод князя Святослава. Как они, чужие в этих краях, сумели сразу найти самое удобное и безопасное место для ночлега? Откуда они узнали, что именно здесь всегда останавливались осторожные болгарские купцы[5], приплывавшие с Волги? Может, по следам старых кострищ, черневших среди травы? Но ведь кострищ снизу, с воды не видно...

Алк забрался на высокое дерево, притаился среди листвы. Военный стан князя Святослава был перед ним, как на ладони. Воины копошились на лугу, как муравьи, и Алк не сразу уловил в их беспорядочном движении какой-то смысл.

От толпы отделились дружинники с длинными копьями в руках и редкими цепями

встали у оврагов, словно живым частоколом оградили стан от посторонних. К опушке леса поехали всадники.

Взметнулись стяги на длинных жердях и толпа возле них была гуще, чем в иных местах. Наверно, там остановились воеводы со своими телохранителями.

Задымились, запылали костры.

Воины неторопливо прохаживались между кострами, проносили на плечах туши кабанов и баранов, складывали на землю доспехи. Свои длинные копья они вонзали древками в землю, и вскоре луг стал походить на колючее жнивье.

Но где сам князь Святослав?

Алк никак не мог понять этого.

В стане не было нарядных шатров, где обычно ночевали знатные люди. Воины укладывались спать прямо на землю, на звериные шкуры или попоны, а под головы подкладывали сёдла. Не видно было и медных котлов для приготовления пищи. Воины разрубали мясо ножами, нанизывали на прутья и жарили над костром, каждый для себя. Даже по одежде невозможно было понять, кто из них

воевода, а кто простой ратник. Все в длинных белых рубахах, на ногах — кожаные сапоги. И оружие одинаковое: прямые обоюдоострые мечи, копья, боевые луки из упругих турьих рогов[6], топоры-секиры, тяжёлые медные булавы.

В подчёркнутой одинаковости войска было что-то необычное и грозное. Будто сказочное боевое братство, о котором рассказывали зимними вечерами старики.

Алк подумал, что искать князя Святослава среди одинаково одетых вооружённых воинов бесполезно. Каждый из них мог казаться князем!

Ночь опустилась на окские берега.

Пламя костров медленно опадало, будто растворяясь в углях, а угли затягивались серым пеплом. Затихали голоса на лугу. Только сторожевые ратники изредка перекликались: — Слу-у-ша-а-ай!..

Воинский стан князя Святослава засыпал, доверившись бдительности ночной стражи...

Алк спустился с дерева, нашёл между корневищами глубокую яму и прилёг на песок. Завтра предстоял нелёгкий день, надо на-

браться сил. А его товарищи побежали через ночной лес, повторяя про себя слова, которые нужно было в точности донести до старейшины Смеда:

«Войско князя Святослава ночует возле Оленьих оврагов. Воинов и ладей очень много и кони тоже есть. Завтра Алк пойдёт следом за войском».

3. ЧЁРНАЯ СТРЕЛА

Роторённую дорогу, уводившую в лес, нашёл десятник Кара. Следы копыт и глубокие борозды от саней-волокуш были на ней ещё свежими. Значит, по дороге совсем недавно ездили люди и перевозили тяжести.

Обрадованный десятник поспешил к князю, потому что каждому, кто найдёт следы вятичей, была обещана награда — серебряная гривна[7].

Вскоре княжеская дружина углубилась в лес.

Святослав торопился: вятичей нужно застать врасплох, чтобы они не успели убежать из своих домов. А в том, что дорога вела к какой-то большой деревне, сомнений у князя не было.

Вековые сосны вплотную придвинулись к дороге, огромные сосновые лапы сомкнулись над головой, загораживая небо. Было сумрачно и тревожно, будто по дну глубокого оврага ехали всадники. Копыта коней скользили на влажной земле. На дорогу выскочил заяц, замер на мгновение и испуганно метнулся в кусты.

Кара, ехавший со своим десятком впереди дружины, вскинул было лук, но косога и след простыл, исчез в зарослях. «Напугал, непутёвый...» облегчённо вздохнул десятник и откинулся в седле.

Дорога обогнула холм и вдруг исчезла под завалом из могучих сосновых стволов. Ветви завала переплелись — колючие, угрожающе растопыренные, непреодолимые ни для конного, ни для пешего. И обойти завал было

нельзя: одним концом он упирался в склон холма, другим — в частый ельник.

Спешенные дружинники бросились на завал яростно и дружно, как на штурм вражеской крепости. Взметнулись острые железные крючья, с глухим стуком вонзаясь в дерево. Десятки рук тянули верёвки. Стучали топоры, обрубавшие ветки. Крики, скрежет, треск ломающихся веток, глухие удары падавших на землю сосновых стволов...

Не прошло и получаса, как сквозь разбросанный завал проехали первые всадники.

Потом был ещё один завал, но не такой большой, да и строили его вятичи небрежно, торопливо, подрубая только деревья, стоявшие возле самой дороги. Сосны лежали в завале не острыми вершинами вперёд, а как попало. Через такой завал продрагаться было нетрудно, и дружина почти не задержалась.

Впереди посветлело. Видно, недалеко был конец леса.

Дружинники заторопили коней, оживились. Лучше уж бой, чем этот поход в неизвестность через дремучий лес. В бою всё просто: вот он — враг, а вот — верный меч в руке

и побратимы-товарищи, плечо в плечо, рядом!

Но поперёк дороги — ещё один завал, невысокий, неровный, не завал даже, а так, несколько подрубленных деревьев. Десятник Кара, красуясь серебряной шейной гривной, подъехал к нему без боязни. Да и чего бояться? Если вятичи отдали без боя большие завалы в лесу, зачем им устраивать засаду здесь, возле малого завала?

Звон спущенной тетивы, похожий на мгновенно оборвавшееся жужжание шмеля, был неожиданным. Длинная чёрная стрела пронзила горло десятника, угадав прямёхонько в вырез кольчуги.

А вокруг была тишина. Не слышно было ни торжествующих криков, которые обычно сопутствуют удачному нападению, ни топота убегающих ног, ни даже шелеста листвы на придорожных кустах, и невозможно было понять, откуда и кем пущена стрела.

Дружинники осыпали завал стрелами, кинулись, выставив копья, на придорожные кусты. Островерхие шлемы замелькали между деревьями, удаляясь. Но лес был безмолвным

и пустым, и только распротёртое на дороге тело десятника Кара немо свидетельствовало, что звон тетивы не почудился дружинникам, что неизвестный враг нанёс смертоносный укол и, как змея, уполз без следа...

Подъехал князь Святослав, молча снял шлем, поклонился павшему товарищу. Ему подали стрелу, поразившую десятника — длинную, с чёрным древком и чёрным оперением. По зазубренному наконечнику красными бусинками скатывалась кровь. Первая кровь похода.

Князь протянул стрелу воеводе Свенельду:

— Глянь-ка! Зарубки на древке, а рядом будто косою крестик. Меченая стрела! По этой стреле будем искать с вятичей дикую виру![8]

Широкая и светлая поляна, круглая, как блюдо, была со всех сторон окаймлена синеватой гребёнкой леса. Среди сочной луговой зелени кое-где чернели полосы пашни. Причудливо петляла речка, заросшая кустами ивняка. Привольное здесь место, обжитое. За речкой вятичская деревня притаилась. Бревенчатые избы закопаны до половины срубов, крыши плоские, выложенные дёрном.

Только на отшибе одна изба побольше других, и окружал её частокол из заострённых кольев.

Воевода Свенельд повелительно взмахнул рукой.

Сотня дружинников на гнедых конях с гиканьем и свистом пронеслась к деревне, хватывая избы полукольцом. Но деревня была пуста, только ветер покачивал двери покинутых изб. Опять неудача?

К князю Святославу подъехал дружинник из бывшего десятка Кара, прокричал торжествующе:

— Там идолы, княже! Капище!

За деревней, возле берёзовой рощи, торчал могучий дубовый столб, потемневший от времени и непогоды; на высоте человеческого роста в него были всажены устрашающие кабаньи клыки, а венчался идол подобием головы, грубо вытесанной топором. Земля перед большим идолом была обильно полита кровью жертвенных животных, почернела и запеклась, как кострище. Рядом стояли идолы поменьше, тоже тёмные, щелястые, злоеющие.

Капище было окружено забитыми в землю кольями, на которых белели черепа животных — быков, баранов, свиней. Только медвежьих и кабаньих черепов не было на ограде. Лесных зверей вятичи почитали почти что наравне с идолами, вылепленными из глины медвежьими лапами украшали свои избы.

Ни один дружинник не ступил на священную для вятичей землю капища. Так приказал князь Святослав, посоветовавшись с воеводами. Чужих богов обижать нельзя. Чужие боги могут жестоко отомстить за обиду. Вятичи тоже не простят пришельцам, если они нанесут ущерб святыне. А князь Святослав надеялся сойтись со здешними старейшинами на мире, а не на войне. Хоть далеко земля вятичей от Киева, но люди в ней не чужие, одного с другими славянами языка и племени.

И деревню князь не велел трогать, выбрал место для стана поодаль, посередине поляны.

Как всегда в чужой земле, воины вырыли вокруг стана глубокий ров, поставили на краю частокол из заострённых кольев, сколотили деревянные мостки, чтобы самим можно было быстро выбежать в поле. Вечером

они загнали коней в ограду и сами укрылись в стане, как в крепости. Только копыта сторожевых ратников тихо покачивались над частоколом.

Ночь прошла спокойно. Перед рассветом сторожевым ратникам почудилось шевеление за рвом. Там скользили какие-то неясные тени, слышались приглушённые голоса.

Известили князя. Он долго стоял у частокола, вглядывался в предрассветный сумрак и, угадав присутствие в поле множества людей, удовлетворённо рассмеялся: хитрецы-вятичи собрались-таки к своему капищу!

4. ЗЕЛЁНАЯ ВЕТКА МИРА

Оршуны кружили над поляной, и в их неторопливом полёте было ожидание. Когда вместе собиралось так много людей, после них всегда оставалась вкусная еда.

Коршуны ждали своего часа.

С высоты птичьего полёта на поляне были отчётливо видны два огромных кольца, одно внутри другого. То кольцо, что было поменьше, отливало сизым блеском железа, щетинилось колючками копий. Это за рвом, желтевшим свежим песком, изготовилась к бою дружина князя Святослава.

Наружное большое кольцо колыхалось множеством простоволосых голов и меховых шапок, красно-коричневыми пятнами щитов, сплетённых из ивовых прутьев и обтянутых бычьей кожей, матовыми отблесками топо-

ров и камышовой порослью охотничьих рогатин; оно то сжималось, то разбухало в стороны, пенилось, словно мутный речной прибой, готовый захлестнуть островок княжеского воинского стана. Множество вятичей из ближних и дальних деревень сошлись вместе, чтобы прогнать чужих людей от капища или умертвить их.

Впереди вятичского воинства стояли признанные храбрецы, дерзко подставившие стрелам голые груди. Всю одежду их составляли холщовые штаны, туго перетянутые ремнями и заправленные в сапоги, а оружие — огромные топоры-секиры, такие тяжёлые, что рубиться ими можно только двумя руками. Зато сокрушительными были удары вятичских боевых секир, они разрубали даже железные доспехи.

Дальше стояли копьеносцы, составив вплотную щиты, а за ними притаились лучники — молодые воины, для которых эта битва будет первой.

На первый взгляд вятичское войско казалось грозным и непреодолимым, способным задавить врага своей многочисленностью, но

князь Святослав был уверен в победе. Он знал, что вятичи нестойки в рукопашном бою, потому что кольчуги и панцири имеют немногие. Начиная сражение, вятичи устрашающе кричат, делая вид, что собираются напасть, а на самом деле лишь запугивая противника. Если тот остаётся твёрдым, вятичи сами обращаются в притворное бегство, чтобы заманить в засады. Важно только не дрогнуть и не поддаваться на их хитрости. В прямом бою княжеская дружина разрубит беспорядочную толпу, как нож разрубает мягкую ковригу хлеба...

Вот и сейчас вятичи, по известному обычаю своему, испустили оглушительный вопль, разом качнулись вперёд. И — остановились!

Потом снова закричали все вместе и снова сделали лишь несколько шагов.

На расстоянии перестрела[9] от рва вятичское воинство встало окончательно.

— Мыслью, на приступ вятичи не пойдут, — сказал Святослав воеводе Свенельду. — Пора говорить со старейшинами.

— Пора! — согласился Свенельд.

Протяжно, успокаивающе пропела труба в стане князя Святослава.

Вятичи попятились, как бы приглашая выйти в поле.

Пешие дружинники раздвинули колья частокола, перебросили через ров мостки. Сын воеводы Свенельда — старший дружинник Лют Свенельдович — вышел за ограду с зелёной веткой в руке, знаком мирных намерений.

Он шёл под тысячами настороженных взглядов, мягко ступая сапогами по траве, весь облитый железом доспехов, но без меча у пояса.

Смуглое лицо Люта было строгим и торжественным, движения неторопливыми и величественными. Горячая степная кровь, доставшаяся в наследство Люту от матери-венгерки, выдавала себя лишь нетерпеливым блеском узких чёрных глаз. Будто два мира сошлись в посланце князя Святослава: лихая необузданность степного ветра и спокойная непоколебимость русских лесов. Но сейчас лихость мирилась перед спокойствием...

Вятичи продолжали пятиться, расходясь в

стороны и освобождая дорогу к кучке старцев в длинных белых плащах и меховых шапках — старейшинам вятичских родов.

Старейшины стояли, одинаково опираясь на посохи, и молча смотрели на Люта. В их глазах не было ни страха, ни удивления — только гордая уверенность.

Лют положил берёзовую ветку к ногам старейшин и, отступив на шаг, поднял обе руки, показывая всем, что пришёл без оружия.

Повинуясь едва заметному жесту одного из старейшин, молодой вятичский воин бережно поднял ветку с земли. Лют облегчённо вздохнул: вятичи согласны говорить о мире!

Рабы князя Святослава расстелили на лугу большой пёстрый ковёр, положили на одном конце несколько полосатых подушек, а на другом — седло, окованное серебром. Озираясь на молчаливые ряды вятичей, они отбежали к стану, и почти тотчас на мостки, перекинутые через ров ступил князь Святослав.

Он был пешим, но два дружинника вели следом рослого воинского коня. Длинный княжеский меч был привязан к седлу.

Отставая на полшага, за князем шествовал

воевода Свенельд, Серебряная цепь на шее воеводы позвякивала о железо панциря, на левой руке покачивался овальный красный щит с медной бляхой посередине, рука в железной рукавице поддерживала ножны прямого меча, боевой топорик заткнут за пояс. Воевода Свенельд как бы олицетворял собой грозную мощь дружинного войска.

А князь Святослав был одет просто. Белая рубаха, перепоясанная красным ремешком с бляшками. Сапоги тоже красные, с загнутыми вверх острыми носами, без каблуков. Князь был среднего роста, не слишком высокий, но и не слишком низкий, с густыми бровями, с голубыми глазами, с бритым подбородком и длинными усами: голова чисто выбрита, лишь на одной её стороне оставлен локон волос, свидетельствующий о знатности рода. В левом ухе покачивалась золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами с рубином посередине, — единственная драгоценность, которую Святослав надевал на себя. Шея у князя была толстая и крепкая, плечи широкие, в мускулистых руках угадывалась большая сила. Взгляд из-под нависших бровей казался

властным и строгим. Такого человека нельзя не запомнить, он внушал уважение и трепет...

Князь Святослав опустился на седло, закрипевшее под его тяжестью, и застыл неподвижный, как каменное изваяние. Воевода Свенельд остановился за его спиной.

Приблизились вятичские старейшины и, повинувшись приглашающему жесту князя, присели на подушки. Они тоже были без оружия, но длинные посохи, положенные рядом на ковёр, хищно поблескивали острыми железными наконечниками.

Ближе других сидел, положив на колени узловатые руки, седобородый старец со светлыми, почти белёсыми глазами. Такие глаза князь Святослав видел у одного киевского гусляра, помнившего ещё Олега Вещего. Люди говорили, что гусляр давно разменял вторую сотню лет своей жизни. И этот вятич старше всех старых. С ним, видно, и придётся говорить...

Святослав угадал правильно — говорить начал белоглазый старец, а остальные старейшины почтительно слушали, кивая голо-

вами:

— Моё имя Смед. Я старейшина рода, на земле которого ты сидишь. Вятичи спрашивают: зачем ты пришёл? Другом или недругом? С миром или с войной? Отвечай, князь, пока не пролилась кровь...

Святослав вытащил из-за голенища чёрную стрелу и протянул старейшине:

— Гляди! Кровь уже пролилась! Этой стрелой убили храброго воина из моей дружины!

Старейшина Смед принял стрелу, задержал взгляд на метке:

— Кровь твоего воина не останется без искупленья. Но ты ещё не ответил...

— Кому вы, вятичи, даёте дань? — резко прервал его князь.

— Хазарам, — помедлив, ответил Смед. — Хазарам, которые приходят с Волги.

— Разве у вятичей много лишних мехов? — напористо спрашивал Святослав. — Или мёда? Или воска? Или одежды? Или хлеба, чтобы отдавать всё это людям чужого племени?

— Когда берут дань, не спрашивают о жёланиии, — возразил Смед.

— Тогда выслушай древнее сказание и постарайся понять его смысл, сказал Святослав. — В стародавние времена жили в лесу на горах, над рекой Днепром, где ныне стоит стольный Киев, люди славянского племени — поляне. И нашли их хазары и сказали: «Платите нам дань!» Поляне, посоветовавшись между собой, дали хазарам по мечу от дыма [10]. Отнесли мечи хазары к своему князю-кагану и к своим старейшинам и сказали им: «Вот новую дань взяли мы». И сказали тогда старцы хазарские: «Недобрая это дань. Вы доискались её оружием, острым лишь с одной стороны, то есть саблями, а у полян оружие обоюдоострое, то есть мечи. Не взять с них дани, но сами они будут собирать дань с иных земель!» Так и получилось. Поляне никому не платят дани, но берут со многих. В чём смысл древнего сказания, старейшина?

И опять за всех старейшин ответил Смед:

— В том, что дань собирают оружием и оружие же освобождает от дани. Но у вятичей мало мечей и живут они каждый своим родом, друг от друга отдельно. Хазары приходят неожиданно, многим множеством воинов, и

если не дадут им ничего, то вырезают один род, потом другой, потом третий, пока остальные не устроятся и не принесут дань. Не для вятичей твоё сказание, но для племени, собранного в одну горсть...

— Ты сам догадался, старец, зачем я пришёл в землю вятичей! торжественно произнёс Святослав, поднимаясь с седла; следом за ним встали старейшины. — Я хочу собрать вятичей в одну горсть! И не в горсть даже — в крепкий кулак! Настало время вятичам склониться под власть Киева! Тогда я скажу: между нами мир! Не другом я пришёл сюда и не недругом — господином!

Смед молчал, поглаживая ладонями бороду. Другие старейшины выжидательно поглядывали на него. А Смед думал.

Слова молодого киевского князя не были для него неожиданными. Пришло время вятичам выбирать свою судьбу. Сколько можно стоять на перепутье? Сами не решим — другие заставят. Со всех сторон сильные народы давят: с Волги — хазары, с Камы — болгары, из степей — печенеги. С закатной стороны[11] киевская держава надвигается, обтекая земли

вятичей полукольцом подвластных племён и народов. В одиночку вятичам не выстоять, нужно к кому-то прислоняться. А если уж выбирать, то единокровную Русь!

Но легко ли решиться вот так, сразу? С дороги на тропинку свернуть и то задумаешься, а тут речь идёт о судьбе целого народа... И старейшина Смед возразил осторожно:

— Вятичи не свободны в своём выборе, ибо давно даём дань хазарам. Мы согласимся, а они, может, нет? Не случится ли так, что ты уйдёшь, а хазары снова придут в нашу землю, покарают нас и возьмут дань вдвойне?

— Защищать людей своих — княжеская забота. Сам с войском останусь зимовать в земле вятичей и буду щитом ей. А весной вместе пойдём на Хазарию...

И ещё одно сомнение высказал старейшина Смед:

— Вятичи привыкли жить по своим обычаям, повиноваться своим старейшинам... И боги у нас тоже свои...

— Неволить не буду, живите как хотите! — решительно сказал князь. Будете давать мне воинов для походов и дань не больше, чем да-

вали хазарам. На сказанном клятву принесу своим богам, а вы своим. Мир или войну выбирают вятичи?

— Мудрые говорят: худой мир лучше доброй ссоры, — вздохнул старейшина.

— А по мне, лучше война, чем недобрый мир! — возразил Святослав. Что выбирают вятичи, добрый мир или войну?

— Мир, который ты предлагаешь вятичам, может быть добрым, если исполнишь обещанное...

— Исполню!

Старейшина Смед поклонился князю и торжественно произнёс:

— Будь господином в земле вятичей!

Другие старейшины послушно повторили:

— Будь господином!

Радостные крики разнеслись над поляной:

— Мир! Мир!

Вятичи складывали на землю оружие, приветственно взмахивали руками:

— Мир!

Празднично ревели трубы.

Вятичи несли дружинникам деревянные чаши с мёдом, круглые хлебы, куски жареной

дичи. А проворные княжеские рабы уже подбегали к старейшинам с кувшинами вина.

Князь Святослав пригубил серебряную чашу и передал Смеду:

— Пусть будет между нами добрый мир!

5. ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

Князь Святослав и думать забыл о чёрной Стреле: не до того было, неотложных забот накопилось невпроворот. Шутка ли, целая земля, равная доброй половине Руси, становилась под его державную руку!

Из глухих заокских лесов, с неведомых до селе княжеским мужам рек Цны, Пры, Унжи, Колпи и иных многих приходили старейшины с данью и клятвами верности. Всех надобно принять с честью, обласкать, условиться о числе воинов, которые пойдут вместе с князем в весенний поход. И свои воеводы отъез-

ждали с конными ратями в разные концы земли вятичей и каждому нужно было указать, куда идти и как вести дела.

Заботы, заботы без конца...

Поэтому Святослав даже удивился, когда к нему пришёл старейшина Смед и многозначительно сказал, что выполнил обещанное. Два угрюмых вятичских воина ввели в избу юношу в длинной белой рубахе, босого. Руки юноши были связаны за спиной сыромятным ремешком.

— Я обещал найти человека, который убил твоего воина. Это он, объяснил старейшина. — Род выдаёт его головой за смертоубийство.

Святослав, воевода Свенельд и гридни-телохранители, которые вошли следом за вятичами, с любопытством рассматривали юношу, а тот, чувствуя их недобрые взгляды, держался подчёркнуто прямо и гордо.

Глаза у юноши были голубые-голубые, совсем такие же, как у самого князя Святослава, и в них не было страха — только тоскливая безнадежность. Видно юноша смирился со своей горькой участью и был готов принять

любое, самое жестокое наказание.

Князю Святославу молодой вятич понравился. Достоинно держится!

Святослав любил смелых людей и многое прощал за смелость. А тут, кроме мимолётного расположения к смельчаку, был ещё дальновидный расчёт. Князь понял, что ему представляется случай показаться перед вятичами не только сильным, но и милосердным.

Разумный правитель не должен быть излишне жестоким. Жестокость поражает неверность, а доброта — благодарность и ревность к княжеской службе. Но, заранее решив, что помилует молодого вятича, князь спросил его подчёркнуто строго:

— Верно ли, что ты убил воина?

Юноша молча кивнул головой.

Старейшина Смед торопливо объяснил, снимая вину с остальных родичей:

— Это он, он! На всём роде вины нет, только на нём. Род не поручал ему проливать кровь, но только следовать за твоим войском в отдалении...

— Зачем же ты пустил стрелу? — удивлённо спросил Святослав.

Юноша разлепил упрямо сжатые губы, проговорил хрипло, с усилием:

— Твоё войско шло к капищу... Лесные завалы не остановили войско... Я хотел убить воеводу или другого знатного человека, чтобы воины остановились...

— Но ты убил простого десятника!

— Я видел на нём серебряную гривну... Серебро носят на груди только знатные люди...

Святослав вспомнил, как радовался десятник Кара, принимая в награду серебряную гривну. Гривну, которая погубила его спустя несколько часов... Вспомнил и нахмурился.

Тяжёлое молчание повисло в избе. Гридни уже придвинулись к юноше, готовые схватить его по первому знаку. Но Святослав остановил их жестом, заговорил медленно, как бы взвешивая слова и размышляя, на что решиться:

— Кровь за кровь... Есть такой обычай у нас... Но есть и другой обычай, столь же древний, — жизнь за жизнь... К чему склониться? Кровь за кровь или жизнь за жизнь?

Люди слушали, затаив дыхание и стараясь угадать, каким решением закончит князь

свою речь-размышление. А Святослав продолжал, также медленно и значительно:

— Отрок пролил кровь до объявления мира. Он не знал, зачем идёт войско — с миром ли, с войной ли. Оттого вина его вполовину меньше...

Воевода Свенельд кивнул, соглашаясь:

— Да, это было до мира!

— Мне не нужно крови этого отрока, старейшина! — решительно сказал Святослав. — Пусть он заменит павшего по его вине воина. Да! Пусть будет так: жизнь за жизнь! Это справедливо?

— Справедливо! — обрадованно поддержал старейшина Смед, разрезая ножом ремень на руках юноши, и добавил строго:

— Отрок Алк! Служи князю верно, как служил роду своему!

— Но сможет ли сей млад заменить десятника? — усомнился воевода Свенельд. — Кар был отважным воином.

— Алк молод, но проворен и храбр, — заступился Смед за своего родича. — Он скачет на коне, как прирождённый степной наездник. Он владеет луком не хуже охотника за

рысями. Он понимает печенежский язык...

— Столько много достоинств у столь юного воина? — недоверчиво улыбнулся князь.

— Так испытай его! — предложил Смед.

— Испытай, княже! — заговорили дружинники. — Пусть покажет, что умеет.

И воевода Свенельд тоже сказал:

— Испытай!

Алка подвели к длинной коновязи из берёзовых жердей, возле которой стояли воинские кони.

— Выбирай!

Алк неторопливо прошёлся вдоль коновязи и указал на рослого гнедого жеребца, бешено взрывающего копытами землю:

— Вот этот!

Дружинники переглянулись, выбор юноши показался им неразумным. Гнедой жеребец, недавно купленный у печенегов, был диким, не обученным ходить под седлом. Даже табунщики боялись приблизиться к нему.

Осторожный Смед посоветовал было взять другого коня, помирнее, но князь властно оборвал его:

— Воин сам выбирает коня. Пусть отрок

возьмёт того, на которого упал его взгляд.

Гнедой жеребец беспокойно всхрапывал, скалил зубы, косился на людей налитыми кровью глазами. Алк осторожно приблизился к нему, протянул руку к холке и едва успел отпрыгнуть, чудом избежав удара копытом.

Отвлекая внимание жеребца, с другой стороны подошли дружинники. Конь навалился грудью на прогнувшуюся жердину, силясь дотянуться до них зубами.

Смед подсказал юноше:

— Пора!

Алк с разбегу вскочил на спину коня, покрытую лишь тонкой попоной, и вцепился руками в гриву. Дружинники проворно отвязали уздечку от коновязи и кинули свободный конец Алку.

Как чёрная молния, взвился жеребец, пронёсся по поляне и исчез за Священной Рощей. Затихал, быстро удаляясь, судорожный перестук копыт.

Лют Свенельдович усмехнулся:

— Своими руками отпустили полоняника. Ищи теперь его как ветра в поле!

Совсем тихо сказал Лют, на ухо отцу, но

старейшина Смед услышал его слова и обиженно возразил:

— Алк не убежит. Род отдал его князю и он не опозорит свой род. Если отрок останется жив, он вернётся.

Алк вернулся — пропылённый, в разорванной одежде, с воспалёнными от ветра глазами. Закостеневшие пальцы юноши так крепко вцепились в уздечку, что дружинники с трудом разжали их.

Но и конь устал. Он стоял, покачиваясь на дрожащих ногах, дышал тяжело, загнанно, и в глазах его не было прежней бешеной злости — только покорность воле наездника. Конь был усмирён.

Потом Алк из своего охотничьего лука метал стрелы в красный круг, прислонённый к стволу берёзы, и попадал без промаха. Потом рубился тупыми мечами с кривичем Вестом и выстоял против него.

Дружинники одобрительно переглядывались.

Слово было за князем и Святослав произнёс это слово, одно-единственное слово, решившее судьбу молодого вятича:

— Достоин!

Гридни окружили нового товарища, повели к дружинной избе. Алк пошёл с ними, всё ещё не веря, что всё страшное позади, что он прощён и что не пленник он отныне, а княжеский дружинник. У Алка кружилась голова и, казалось, что он всё ещё мчится по полю на бешеном коне, а перед глазами, сливаясь в сплошную полосу, мелькают колючие репейники и луговая трава...

Только вечером, чувствуя на плечах непривычную тяжесть кольчуги, Алк поверил, наконец, что всё происходившее с ним сегодня не сон, а явь. Княжеское прощение, приветливые слова дружинников, доверие десятника Веста, поставившего его одного в карауле у самого леса — всё это действительно было!

Кажется, вот он лес, рядом, шагни и скройся в темноте, ведь никто не приглядывает за Алком, один он здесь в карауле. Но крепче сыромятных ремней связало Алка доверие новых товарищей, и он чувствовал, что не сможет обмануть их, что существуют узы не менее прочные, чем прежние, родовые, а имя

этим узам — дружина.

Утром мимо Алка проехал князь Святослав. Он кивнул юноше приветливо, но равнодушно, как будто не было ничего удивительного в том, что вчерашний враг сторожит лагерь в кольчуге княжеского дружинника.

А может, и действительно нечему удивляться?

Воины из многих славянских племён — поляне и северяне, древляне и радимичи, кривичи и дреговичи, уличи и тиверцы — приходили на службу к князю Святославу и, переварившись в общем дружинном котле, забывали родовые обычаи. Что особенного, если в дружину пришёл ещё и воин из племени вятичей? Не первый и не последний воин, вступивший в боевое дружинное братство...

6. ДРУЖИННОЕ БРАТСТВО

Своей деревне Алк привык верховодить среди сверстников. Даже многие взрослые мужчины уступали ему в искусстве стрельбы из лука и в верховой езде. Теперь Алку заново приходилось утверждать себя в глазах людей и не всё у него ладилось. С другой меркой подходили дружинники к достоинствам воина и оружие в дружине в дружине было другое, непривычное для юноши. Даже кольчугу Алк не сразу научился надевать, а боевой лук из турьих рогов и вовсе оказался непослушным. Алк с трудом натягивал тугую тетиву, руки от напряжения дрожали, и стрелы пролетали мимо цели.

Обидно!

Алк уединялся в лесу и часами натягивал непослушную тетиву, сначала просто так, без

стрел, потом со стрелой, взаправду. Дзинь... дзинь... дзинь... — звенела стрела, как струна на гусях. Дзинь...

Немало дней прошло, пока Алк снова удивил товарищей своей мягкостью и заслужил скупую похвалу десятника Веста.

Ещё труднее давалось искусство рубиться мечом, а ведь в этом было главное достоинство княжеского дружинника. Ободренный успехом в первом поединке с Вестом, Алк смело вышел на бой и потерпел полную неудачу. Неуловимым движением десятник трижды выбивал меч из руки Алка, и тому пришлось поднимать свой меч с земли под насмешливыми взглядами дружинников. Видно прославленный поединщик просто пожалел молодого вятича перед лицом князя, сражался тогда вполсилы, и следовало долго учиться, чтобы сражаться с княжескими дружинниками на равных...

И Алк постигал хитрую воинскую науку старательно, до изнеможения, до тупой боли в натруженных плечах. Десятник Вест был терпелив, а Алк настойчив. Оба они, учитель и ученик, оставались довольны друг другом.

Дружинники похвалили Алка за успехи, но в их словах Алк чувствовал насмешливое снисхождение. Алк понял, что новые товарищи ещё не полностью приняли его в свою семью, лишь присматриваются. Понял и не обиделся. Как оценить война до настоящей битвы? Разве можно назвать побратимом[12] человека, о котором пока не известно, будет он твёрдым перед лицом смерти или покажет спину врагу?

На побратимстве держалась дружина. Оставшийся вне побратимства воин не мог считать себя полноправным дружинником. Не мастером считался такой человек, а лишь подмастерьем. Как вятичский юноша Алк, ещё не имевший случая показать себя в бою... Алк жаждал боевого отличия. Если и случались бои, то лишь для ученья, тупыми мечами. В таких боях можно показать силу и ловкость, но не воинскую доблесть.

Князь Святослав словно забыл о молодом вятиче, заменившем в дружинном строю десятника Кара. Другие дела занимали князя, но знать о них Алку было не дано.

Как-то неожиданно подкралась и вошла в

силу осень. Рассветы стали прозрачными и холодными, как родниковая вода. Утром в низина хуже ложились первые осенние заморозки. Солнце ещё щедро разливало свет, но не обжигало, как летом, а лишь слегка касалось земли ласковым теплом.

В один из ясных осенних дней к князю Святославу приехали послы из Волжской Болгарии.

Послов ждали давно. С попутным купеческим караваном князь Святослав отправил богатые дары болгарскому царю и намекнул, что желает быть с ним в мире и дружбе.

Воевода Свенельд уверял, что болгарский царь откликнется. Волжская Болгария искала союзников, которые помогли бы ей освободиться от обременительной хазарской дани. В прошлые времена болгарские цари посылали посольства в Хорезм, и к арабскому халифу в Багдад, не смущаясь немыслимой дальностью расстояния. А теперь, совсем рядом, в земле вятичей, вдруг остановилось войско, которое можно повернуть против Хазарии. Разве упустит болгарский царь такой случай?

Свенельд оказался прав. Болгарские послы

приехали.

Правда, прибыли они с большим промедлением и не пышным посольством, а тайком, в одежде простых купцов, с немногими слугами. Видно, болгарский царь осторожничал, боялся раньше времени навлечь на себя хазар. Ну что же, пусть хоть так. Осуждать царя не следовало, его можно понять. Старшая дочь царя замужем за хазарским Каганом, а единственный сын томился заложником в хазарской столице — городе Итиле. Кому хочется рисковать родной кровью?

Понять-то Святослав понял, но решил, что показать своё неудовольствие болгарскому царю за потаённость посольства не лишним будет. Он не удостоил послов личной беседой. Переговоры были поручены воеводе Свенельду. Нелёгкими оказались эти переговоры.

Болгарские послы осторожничали не меньше своего царя, не хотели себя связывать твёрдыми обязательствами. О совместном походе на Хазарию они слушать не хотели, испуганно отмахивались широкими рукавами халатов.

— Нет! Нет! Такого мы не можем!

Однако беспрепятственно пропустить войско Святослава через царские владения на Волге послы всё-таки обещали. И ещё обещали дать суда для перевозки воинов и припасов, если у самого Святослава судов окажется недостаточно. Только пусть князь возьмёт суда, оставленные в условленном месте, как бы насильно, без ведома болгар. И пусть пройдёт через Болгарию, как бы войной, а царское войско запрётся в крепости и ничем мешать не будет...

Князь Святослав только посмеивался, слушая рассказы Свенельда о лукавой хитрости послов, которая навряд ли могла ввести в заблуждение хазарских правителей:

— Пусть тешатся надеждой, что обманули хазар. Нам главное — пройти по Волге спокойно. А мнимую войну, если им того хочется, устроим, и избы в деревнях пожжём, и возле болгарских градов пошумим, чтобы было вроде взаправду...

Договор скрепили взаимными клятвами и болгарское посольство отбыло так же тихо, как приехало. Волжский путь к Итилю был открыт для русского войска.

Князя Святослава больше тревожила сухопутная дорога, по которой пройдут в Хазарию конные дружины: в степях между Волгой и Доном господствовали печенеги.

Кочевые печенежские племена ворвались сюда давно, почти сто лет назад, но известно о них было немного. Печенеги старались не пускать в свои кочевья чужих людей, а смельчаков, которые на свой страх и риск углублялись в Дикое Поле, безжалостно убивали. Известия о печенегах доходили до Руси стороной, через другие кочевые народы.

Рассказывали, что печенеги — многочисленный и богатый народ, владеющий большими табунами коней и стадами баранов; у них драгоценные сосуды, серебряные пояса и хорошее оружие, большие трубы в виде бычьих голов, рёв которых поистине ужасен. Вся Печенегия разделяется на восемь округов с великими князьями во главе, а округа в свою очередь — на племена, в которых тоже есть князья, и таких князей сорок. Все они воинственны и алчны. Своими набегами печенеги внушают страх соседним народам.

Рассказывали, что набег печенегов подо-

бен удару молнии, а отступление их тяжело и легко в одно и то же время: тяжело от множества добычи, легко от быстроты бегства. Нападая, печенеги предупреждают молву об этом, отступая, даже не дают возможности преследователям взглянуть на себя — так они стремительны. Жизнь мирная — для них несчастье, а верх благополучия удобный случай для нападения. Самое худшее, что печенеги своей численностью превосходят весенних пчёл и никто ещё не сосчитал, сколькими тысячами или десятками тысяч они нападают...

Князь Святослав знал о воинственности печенегов, но знал и другое: опустошая набегом соседние земли, печенеги сами много страдали от хазар. Ежегодно хазары совершали походы в печенежские степи, захватывали пленников и продавали в рабство азиатским купцам. Печенеги ненавидели хазар и вредили им чем могли. Эта ненависть поможет договориться о совместном походе на Хазарию или хотя бы о благожелательности печенегов при переходе русской конницы через их владения...

Осень — самое подходящее время для пере-

говоров с печенегами. Зимой печенеги кочуют возле тёплого моря, откуда с наступлением весны начинают двигаться с табунами и стадами к северу, по мере того, как солнце выжигает пастбища, и оказываются в конце концов совсем близко от славянских земель, на расстоянии нескольких дней пути. С наступлением же холодов они снова уходят к морю и найти их трудно. Значит, посольство к печенежским вождям надо посылать, не откладывая до зимы.

Долго и тщательно выбирали посла. Князь Святослав не единожды советовался с воеводой Свенельдом, с предводителями пешей рати Воистом и Асмудом, со старым боярином Алвадом.

Сошлись на Люте Свенельдовиче, ибо он походил обликом на степняка, был неутомимым наездником и уже ездил с посольством к другим печенегам тем, которые кочевали у реки Днепра.

В товарищи к Люту назначили десятника Веста, и тоже не без умысла. Известно было, что печенеги очень уважают больших и сильных людей. А кто мог сравниться с Вестом мо-

щью плеч и ростом? Богатырь!

Когда заговорили о толмаче-переводчике, князь Святослав сразу вспомнил о молодом вятиче, понимавшим печенежский язык. Пусть послужит в посольстве, покажет усердие и верность!

Так исполнилось желание Алка.

Разве поездка в стан свирепых печенегов не равна по опасности самому большому сражению?

7. ДИКОЕ ПОЛЕ

О реки Прони посольство ехало лесами. Но леса здесь были не дремучими и хмурыми, как в родных местах Алка, а нарядными, весёлыми, насквозь прошитыми солнечными лучами.

Часто попадались поляны, такие простор-

ные, что казалось, тянутся до самого горизонта. Но всадники выезжали на возвышенности, и снова впереди открывались леса, вечные спутники вятичей в пути.

За рекой Проней, которая отливала студёным серебром, как кривая печенежская сабля, лес кончился. Дальше тянулась безбрежная степь.

Алк никогда раньше не видел сразу столько земли и столько солнца. Он остановился на высоком речном берегу, ошеломлённый.

Вест ткнул его кулаком в бок, хрипло рассмеялся:

— Ослеп, что ли?

— Просторно-то как, — только и вымолвил юноша.

— Здесь малая степь начинается, — заметил подъехавший Лют. — Ещё и справа, и слева леса есть, у Дона и Рановы. А вот прямо на полуденную сторону[13] большая степь начнётся, без конца и края. Настоящее Дикое Поле.

На пронском берегу Лют Свенельдович приказал надеть кольчуги и шлемы, которые дружинники везли привязанными к сёдлам,

и решительно направил коня к броду. Всадники сбились плотной кучкой, готовые отразить неожиданное нападение. Зашуршала под копытами жёсткая степная трава. Высоко в небе кружился орёл. Алк с завистью поглядывал на грозную птицу. Сколь далеко видит она!

Лют Свенельдович был серьёзен и озабочен. Безлюдье в степи не успокаивало его. Как истинные степняки, печенегии умели подбираться незаметно, будто волки. Правда, обычай защищал послов, но откуда знать печенегам, с миром или войной пришли чужаки? Всё решит первая встреча...

Беспокойство Люта передалось дружинникам и они настороженно оглядывались по сторонам, вздрагивали, когда из травы с шумом вырывались птицы. Только Вест благодушно улыбался, подставляя лучам солнца круглое лицо. Чего беспокоиться? Меч-то он всегда успеет обнажить, а остальное его не касалось. На то есть Лют Свенельдович, старший в посольстве.

Как ни остерегались, встреча с печенегами оказалась неожиданной. Из оврага высыпали

всадники в длинных чёрных одеждах, островерхих колпаках, обтянутых чёрной же тканью — не понять, шлемы под ней или шапки из плотного войлока. Печенеги на скаку натягивали луки, размахивали копьями и трёхгранными кривыми мечами.

Дружинники встали плотным кольцом возле Люта, оцетинились копьями. Печенеги закружились вокруг посольства диким хороводом, почти касаясь наконечников копий своими развевающимися чёрными одеждами, угрожающе визжали, скалили жёлтые зубы. Казалось, ещё мгновение — и они сомнут горстку дружинников.

Лют Свенельдович поднял над головой зелёную ветку.

Хоровод печенежских всадников постепенно замедлил своё бешеное вращение, умолкли крики и визг. Наконец, печенеги остановились, опустили мечи и копья.

— Мы идём к вашим вождям! — крикнул Алк по-печенежски. — Не убивайте нас, но дайте проводников. Жизнь послов неприкосновенна!

Вперёд выехал печенежский воин с длин-

ной бородой, в которую были вплетены ленточки. Под его одеждой угадывались складки кольчуги, на запястьях покачивались массивные серебряные браслеты. Браслеты и серебряные пояса свидетельствовали у печенегов о знатности рода, и послы поняли, что от этого человека зависит их судьба.

Алк повторил свою просьбу, добавив, что посольство приехало от славного и непобедимого князя Святослава. Бородатый печенег что-то прокричал резким, срывающимся на визг голосом и указал пальцем на землю.

— Он требует, чтобы мы бросили оружие в траву, — перевёл Алк. — Тогда он выслушал нас.

Лют Свенельдович кивнул дружинникам. Копья и мечи полетели на землю.

Печенег снова заговорил, уже спокойнее, дружелюбнее.

— Если вы действительно послы, то ваша жизнь в безопасности. Завтра вы предстанете перед вождями печенежского народа. Следуйте за моим конём и не пытайтесь убежать...

Кольцо печенегов разомкнулось, пропуская посольство.

Лют Свенельдович облегчённо вздохнул, обтёр рукавом вспотевший лоб. Начало положено, первый мостик к печенегам проложен.

Печенежский стан находился в низине и открылся взглядам послов неожиданно, когда они поднялись на гряде холмов. За составленными кругом повозками теснилось множество юрт из бурого войлока, а среди них большой белый шатёр — жилище вождя. Едкий кизячный дым струился над круглыми кровлями, развевались на ветру лошадиные хвосты, привязанные к концам длинных жердей — бунчуки. Сколько бунчуков торчало над юртами, столько сотен воинов было в стане.

Из-за телег высыпала толпа печенегов с пронзительными криками, размахивая топорами и обнажёнными мечами, побежали навстречу дружинникам, грозя растерзать, затоптать в пыльную землю, изрубить в куски...

Лют и его спутники остановились, захлёстнутые бушующей толпой, и уже прощались с жизнью — столь устрашающей была ярость обступивших их печенегов. Всадники, кото-

рые встретили посольство в степи, отталкивали своих соплеменников ударами копий, тоже что-то кричали, но толпа продолжала напирать.

Вопли, визг, лязг оружия, испуганное конское ржание.

Но вот из стана выехала группа всадников в блестящих на солнце доспехах, в круглых железных шлемах, над которыми колыхались пучки разноцветных перьев, и толпа вдруг отхлынула, злобно ворча. Это вожди печенежского племени.

Лют Свенельдович вторично за сегодняшний день возблагодарил бога за избавление от верной смерти. Сколь дики и свирепы печенеги, если так встречают даже послов! И сколь опасны, если выходят на ратное поле врагами! И сколь мудр князь Святослав, не пожелавший видеть в них врагов!

Мимо расступившихся печенегов, которые продолжали угрожать оружием, но больше не кричали из уважения к своим вождям, послы проехали к белому шатру главного вождя, которого печенеги называли великим князем.

Печенежский князь оказался тучным бело-

лицым мужчиной. Волосы у него были светлыми, необычными для степняка, а жирные плечи обтягивал полосатый шёлковый халат. Если бы не железный шлем с перьями и сабля, заткнутая за серебряный пояс, его можно было бы принять за купца. Лют Свенельдович видел подобных купцов в Киеве, куда они приезжали с персидскими товарами. Князь возлежал на горе подушек, возле видели на корточках остальные вожди, а позади застыли свирепого вида телохранители с обнажёнными мечами.

Дружинники внесли следом за послами подносы с дарами князя Святослава и, поставив их к ногам печенежского князя, тихо отступили за спину Люта Свенельдовича.

Великий князь печенегов скользнул равнодушным взглядом по дорогим мехам, по золотым и серебряным чашам. Внимание его привлекли лишь доспехи и оружие: острокопечный русский шлем, кольчуга с панцирными пластинками на груди, прямой меч, булава с острыми шипами. Он шевельнул короткими волосатыми пальцами и подскочившие телохранители унесли оружие в глубину шат-

ра. Остальные дары расхватали вожди.

Печенежский князь молча выслушал по-сольскую речь Люта Свенельдовича, переведённую Алком, и что-то шепнул невзрачному старичку в чёрной длинной одежде, сидевшему рядом с ложем. Старичок проворно вскочил на ноги и заговорил на языке славян:

— Великий князь из рода Ватана приветствует посла князя Святослава. Речь посла выслушана и дошла до сердца великого князя. Хазары такие враги печенегам, как руссам. Но решить, примкнут ли печенеги к походу, может только совет всех великих князей, чьи люди и стада кочуют по сию сторону Днепра. Ждите их слова. В юрте, куда вас проводят, вы найдёте воду, пищу и безопасность.

Дружинники, кланяясь, попятились к выходу из шатра.

Великий печенежский князь по-прежнему сидел неподвижно, как истукан, и взгляд его был устремлён вверх, к круглому отверстию, через которое видно было голубое небо.

...Долгое ожидание утомляет не меньше, чем бесплодная погоня. А среди чужих людей, в душном полумраке незнакомого жилища,

оно поистине иссушает душу и тело.

Три томительно долгие недели Лют Свельдович и его спутники видели только бурый войлок юрты, тусклое пламя очага да хищные наконечники копий печенежской стражи, которые покачивались у входа. Часы сливались в непрерывную сонную череду, и лишь нити солнечных лучей, с трудом пробивавшиеся сквозь дыры в обшивке юрты, возвещали о приходе нового дня. Перед вечером молчаливые печенежские воины вволакивали большой медный котёл с варёной бараниной, вносили бурдюки с водой и кобыльим молоком еду и питье на грядущий день. И только ночью, в полной темноте, послов выводили, окружив стражей, за пределы печенежского стана на прогулку. За три недели послы узнали о жизни печенегов не больше, чем увидели в первый день...

Всё на свете имеет конец. Пришёл конец и печенежскому сидению. Послов снова привели в большой белый шатёр. Трёхнедельное ожидание завершилось разговором, который продолжался не дольше, чем требовалось проворному человеку, чтобы переобуться.

Тот же старичок в чёрной одежде произнёс слова, сразу оправдавшие все труды и тревоги посольства:

«Великие князья из печенежских племён Ватана, Куеля, Маину и Ипая пришли к согласному решению воевать с хазарами. Пусть князь Святослав начнёт, а печенеги поспешат к хазарским границам из тех мест, где их застанет известие о его походе. Да погибнут наши общие враги!»

Отъезд из печенежского стана показался Люту Свенельдовичу и его товарищам вызволением из подземной тюрьмы-поруба. Они жадно вдыхали степной воздух, жмурили отвыкшие от солнечного света глаза, горячили застоявшихся коней.

Домой! Домой!

Что может быть желаннее дороги к дому после таких ожиданий и опасностей?

А для Алка возвращение обернулось ещё одной неожиданной радостью. На берегу речки Прони, ступив на русскую землю, десятник Вест вдруг сказал юноше:

— Будь побратимом мне!

Алка окружили дружинники — весёлые,

улыбающиеся. В серебряную чашу зачерпнули студёной пронской воды. Лют Свенельдович прикоснулся кончиком ножа к запястьям новых побратимов. Алые капли крови скатились в чашу, замутив прозрачную воду. Десятник Вест и Алк по очереди отпили из чаши: сначала старший побратим, за ним — младший, и Лют торжественно произнёс:

— Брат за брата! Единым сердцем! Плечо в плечо! Стремя в стремя! Отныне и вечно!

Побратимы обменялись оружием и прошли, обнявшись, под склонёнными копьями дружинников. Для отрока Алка это была дорога в дружинное братство.

8. ИТИЛЬ — ЖЕСТОКИЙ ГОРОД

Том, что пора сбить хазарский замок с волжских ворот торговли с востоком, о том, что немочно терпеть больше хазарские разбои на границах, на Руси говорили давно. Пришло время превращать слова в действие.

Для всех людей, населявших соседние с Хазарией земли, Итиль был жестоким городом.

Сюда хазары приводили их в оковах и продавали на невольничьих рынках, как скот, иудейским и мусульманским купцам, и навечно пропадали страдальцы в неведомых землях.

Сюда на скрипучих двухколёсных телегах привозили дань, собранную с подвластных народов безжалостными хазарскими тадунами[14].

Отсюда вырывались хищные ватаги хазар-

ских всадников и, прокравшись по оврагам и долинам степных речек, обрушивались огнём и мечом на беззащитные земледельческие селения.

Опасность, угрожавшая со стороны Итиля, казалась соседям вечной и неизбежной, и только немногие, мудрые и дальновидные, уже догадывались, что сама Хазария тяжело больна, а награбленное чужое богатство придаёт ей лишь внешний блеск, но не исцеляет внутренние недуги.

Потом, после гибели Хазарии, люди станут гадать, когда и почему она покатила к упадку, теряя прежнюю силу и завоёванные земли.

Может, упадок Хазарии был predetermined с восьмого столетия, когда на неё напали арабы? Каган, правитель Хазарии, склонил голову перед чужеземной грозной силой, принял из рук халифа урезанную власть, отдал себя под защиту наёмной гвардии мусульман-арсиев...

Может, удар Хазария получила не извне, а изнутри, в девятом столетии, когда против Кагана подняли мятеж своиравные хазар-

ские беки? Могучий и честолюбивый бек Обадий объявил себя царём, а Каган превратился в почитаемого чернью, но безвластного затворника кирпичного дворца в центре Итиля...

Может быть, роковую роль сыграла иудейская вера, к которой склонились беки? Она разъединила людей, оттолкнула от Хазарии могучего союзника Византию, разрушила связи с христианскими и мусульманскими странами...

А может, конец могущества Хазарии наступил позднее, в десятом столетии, когда начали таять, как весенний снег под жаркими лучами солнца, некогда огромные хазарские владения? Крым перешёл под власть Византии. Степи между Волгой и Доном заняли печенеги. С востока наступали кочевники-гузы, и раскосые всадники на лохматых лошадях набегали на коренные хазарские области в низовьях Волги. Глухо роптали болгары, готовые поддержать любого врага Хазарии. Стремилась к самостоятельности вожди аланов в предгорьях Северного Кавказа. Владения Хазарии сжимались, как сохнущая кожа, и в

конце концов у неё остался небольшой треугольник степей между низовьями Волги и Дона и побережье Азовского моря. Жалкие остатки прежнего могущества...

А может, всё перечисленное не причины, а только следствие упадка Хазарии? Может, настоящая причина совсем в другом — в самой сущности этого государства-грабителя, живущего чужим добром?

Хазария не создавала богатства, а лишь присваивала чужое. Хазары кормились и одевались за счёт соседних народов, изнуряя их данями, разбойничьими набегами, торговыми пошлинами. В городе Итиле пересекались торговые пути, а самим хазарам нечего было предложить иноземным купцам, кроме рабов да белужьего клея. На рынках Итиля торговали болгарскими соболями, русскими бобрами и лисицами, мордовским мёдом, хорезмскими тканями, персидской посудой, византийским оружием. Из рук в руки переходили серебряные монеты с непонятными хазарам надписями.

Чужое, всё чужое...

Не было даже своего народа.

В городе Итиле жили мусульмане, иудеи, христиане, язычники, неизвестно какой веры и какого племени пришельцы из дальних стран, привлечённые обманчивым блеском богатства, которое текло мимо, не задерживаясь в Хазарии. Люди точно бы жили рядом, но не вместе — каждый по своей вере и по своим обычаям. Отдельными были базары, бани, кладбища. Как будто стены Итиля замкнули в своё кольцо несколько разных городов, и жители их понимали друг друга не лучше, чем пришельцы из дальних стран.

А для коренных хазар, кочевников и скотоводов, город Итиль был только местом временного обитания. С наступлением весны они уходили со своими юртами и стадами в степи, на знаменитые Чёрные земли в долине реки Маныча, к Дону и к Волге, и кочевали там до осени.

Станный, непонятный, проникнутый взаимной неприязнью и недоверием город...

Что же объединяло в одно государство — Хазарский каганат — всех этих разноязыких, разноплеменных, внутренне разобщённых людей?

Слепая вера во всемогущество Кагана, которому поклонялись, как живому богу и называли просто «Каган», не прибавляя имени. Божественная сила Кагана будто бы оберегала Хазарию от бедствий.

Каган жил в большом кирпичном дворце, построенном на острове; с остальным городом остров соединялся только мостом, возле которого всегда стояла стража. Только управитель дворца — кендер-каган — и привратник-чаушиар удостоивались чести лицезреть Кагана. Даже царь, предводитель войска и полновластный правитель Хазарии, допускался во дворец лишь изредка. Остальным людям запрещалось приближаться к красным дворцовым стенам.

Только трижды в год Каган нарушал своё загадочное уединение. На белом коне он проезжал по улицам и площадям столицы, а позади ровными рядами следовали гвардейцы-арсии в кольчугах и чеканных нагрудниках, в железных шлемах, с копьями и кривыми мечами — все десять тысяч арсиев, составлявших наёмное войско. Встречные падали ниц в дорожную пыль, будто ослеплённые

солнцем, закрывали глаза и не поднимали головы раньше, чем Каган проедет мимо. Ужасной была участь тех, кто осмеливался нарушить обычай, оскорбить божественного Кагана своим взглядом. Арсии пронзали дерзких копьями и оставляли лежать у дороги. Никто не осмеливался унести и похоронить их. Выбеленные солнцем кости так и оставались на обочине, и люди осторожно обходили их, ужасаясь дерзновенности поступка. Как можно осмелиться взглянуть в лицо Кагана?

Даже после своей смерти Каган оставался загадочным и недоступным. Никто не знал, где именно он похоронен. Для мёртвого Кагана строили большой дворец за городом. В каждой из двадцати комнат дворца, одинаково украшенных шёлковой парчой, рыли могилы. Самые близкие слуги Кагана вносили тело во дворец и плотно закрывали за собой дверь. Спустя некоторое время следом за ними входили молчаливые арсии с широкими секирами в руках и выкидывали за порог, к ногам потрясённой толпы, отрубленные головы слуг Кагана. Тогда люди могли пройти чередой по комнатам дворца, но могилы были

уже зарыты, и никто не догадывался, где похоронен Каган.

Сколько бы не прошло лет, каждый путник обязан был склониться в поклоне перед погребальным дворцом Кагана, а всадники спешили и шли, ведя в поводу коня, пока дворец не скрывался из глаз.

Вера в Кагана была требовательной и беспощадной.

Если дела в Хазарии шли хорошо, люди прославляли своего Кагана. Но если случалась засуха или поражение на войне, то знатные вельможи и чернь собирались толпами к дворцу царя и кричали: «Мы приписываем несчастье Кагану! Божественная сила Кагана ослабла, и он бесполезен для нас! Убей Кагана или отдай нам, мы сами его убьём!»

И Кагана убивали, если царь по какой-либо причине не брал его под защиту...

Нового Кагана выбирали из одной и той же знатной, но не очень богатой семьи. Хазары считали, что Каган, воспитанный в роскоши, не будет как следует заботиться о благосостоянии народа. Рассказывали, что на одном из рынков Итиля можно было увидеть

молодого человека, продававшего хлеб, о котором знали, что это будущий Каган.

Вновь избранный Каган уединялся с царём и четырьмя самыми могущественными хазарскими беками в круглой комнате без окон, с узкой дверью, которую сторожили арсии с обнажёнными мечами. Никто, кроме немногих избранных, не знал, что там происходило.

А происходило вот что: царь накидывал на шею нового Кагана шёлковую петлю и сдавливал до тех пор, пока тот не начинал задыхаться, теряя сознание. Тогда беки хором спрашивали Кагана: «Сколько лет ты желаешь царствовать?» Полузадушенный Каган называл то или иное число лет, и только после этого его усаживали на золотой трон с балдахином, воздавая высочайшие почести. Если Каган не умирал к назначенному им самим сроку, его убивали, ссылаясь на его же божественную волю. Если же Каган называл непомерно большое число лет, его всё равно убивали по достижению сорокалетнего возраста. Хазары считали, что с годами ум ослабевает, рассудок мутнеет, божественная сила становится меньше, и Каган больше не может

приносить пользу.

Да, Итиль был жестоким городом. И к соседям, и к своим людям, и даже к божественному Кагану...

Но зло не может продолжаться вечно. Зло несёт гибель в самом себе. Неостановимые часы истории отсчитывали последние месяцы Хазарии. В вятичских лесах собиралась очистительная гроза...

9. ИДУ НА ВЫ!

Осле возвращения из печенежских степей Алк стал гриднем телохранителем князя Святослава, так высоко оценил князь успехи посольства.

Обильными снегопадами, лесным морозным треском и метелями прошла северная зима. Наступила весна 965 года, канун хазар-

ского похода Святослава.

Алк много узнал и передумал за это время. Мир его расширился за пределы родных лесов. В дружине князя Святослава собрались люди бывалые, много повидавшие, из разных земель и городов.

Из рассказов дружинников юноша узнал о славных русских городах Киеве и Новгороде, о неприветливой скалистой земле варягов[15], откуда выбегали на морские просторы хищные остроносые корабли грабителей и купцов, о Студёном море[16], над которым полгода стоит день, а полгода — ночь. И о тёплых морях рассказывали дружинники, восхищаясь богатством Царьграда[17] и насмехаясь над высокомерием и лукавой лживостью византийцев.

Дальние страны представлялись Алку в облике знакомых людей.

Земля варягов казалась ему похожей на злого, алчного Веремуда, мечтавшего только о добыче, а Византия — царьградского купца Антония, немощного, изнемогавшего после самого малого перехода, но взиравшего на всех окружающих со скрытым презрением,

как на тёмных варваров. А Студёное море, наверно, походило на скуластого раба из неведомого северного народа весь, который старательно прятался от прямых солнечных лучей солнца и тянул бесконечную песню, тоскливую, как февральская метель...

Алк размышлял над огромностью и многообразием мира и верил, что Русь — середина мира, а все остальные земли вокруг неё, как шелестящие ветки вокруг ствола дерева, зыбкие и непостоянные. Здесь, на Руси, истинный корень жизни...

Как и остальные гридни-телохранители, Алк теперь постоянно был при князе, слушал его речи, приглядывался к нему, но так и не сумел до конца понять своего господина. Сложным и противоречивым был князь Святослав, его слова и поступки порой казались непонятными, и только после долгих раздумий Алк улавливал какую-то внутреннюю последовательность, да и то не всегда.

В домашнем обиходе князь Святослав был прост. Ел из дружинного котла, а в походе довольствовался, как все воины, куском поджаренного на углях мяса. Одевался в простую бе-

люю рубаху. Голову часто оставлял непокрытой. Ходил босиком по утренней росе и громко свистел, подзывая коня. Гривней своих называл по именам, будто добрых товарищей. Поощряя отличившегося, с размаху хлопал тяжёлой ладонью по плечу и весело смеялся, если кто не мог удержаться на ногах от этой могучей ласки. Любил сидеть вечерами у костра и слушать песни гусяров о подвигах предков.

Казалось, Святослав ничем не выделяется из дружины, что он не князь, а лишь уважаемый старший брат в дружинном сообществе, плоть от плоти его.

Но это только казалось...

Когда Святослав сдвигал брови и хмурился, мгновенно замолкали вольные голоса. Отмеченные почётными боевыми шрамами дружинники боязливо пятились, не смея поднять глаза, и будто незримая стена выростала между ними и князем.

Неожиданными казались некоторые поступки Святослава, и Алк терялся в догадках, пытаясь осмыслить их.

Однажды к князю пришли вятчские ста-

рейшины с реки Пры — жаловаться на воеводу Асмуда. Воевода набирал там воинов, но некоторые молодые охотники спрятались в лесные убежища. Их долго искали, но всё-таки нашли, а Асмуд приказал отрубить беглецам головы топором. «Они трусы, если избегают войны, — объяснил Асмуд старейшинам. — Трусы не нужны ни родичам, ни князю Святославу».

Все ожидали, что князь осудит жестокость своего воеводы, но Святослав поступил иначе. Он разгневался на старейшин и сказал:

— Асмуд выполнял мою волю. Пусть ваши роды соберут новых воинов, сколько было указано. Если опять не найдётся храбрецов, желающих идти на войну, я пошлю дружину прикажу убить всех мужчин, а женщин и детей продать в рабство болгарским купцам. Род, неспособный воспитать храбрых воинов, должен исчезнуть!

Многие тогда ужаснулись. Поползли по деревням слухи о жестокости князя Святослава и осудили его вятичи. Но воинов старейшины стали посылать без задержки.

Значит, князь Святослав жесток?

Тогда как расценить вот это, к примеру?

По поляне мчатся конные дружинники. Их ждёт Святослав с серебряным кубком в поднятой руке. Кто быстрее доскачет до князя тому и награда.

Под варягом Веремудом нечаянно споткнулся конь. Наездник, не удержавшись в седле, свалился на землю. Остервенелый, задыхающийся от ярости Веремуд принялся хлестать коня кручёной ремённой плетью — по голове, по глазам, по мягким губам. Конь испуганно ржал, приседая на задние ноги, но Веремуд крепко держал его за уздечку и бил, бил, бил.

Захрипев, конь завалился на бок.

Веремуд несколько раз ударил его сапогом в живот, выхватил нож... и упал, опрокинутый могучей рукой Святослава. В наступившей тишине прозвучали гневные слова князя:

— Кто по злобе истязает своего коня, недостойн садиться в воинское седло! Кто сегодня обидел своего коня, завтра предаст побратима! Гридни, гоните его плетями прочь!

И побежал Веремуд, втянув голову в плечи, и дружинники хлестали его плетями, пока он не скрылся в лесу. А Святослав склонился к умирающему коню, ласково гладил его ладонью по гриве, и Алку показалось, что в глазах у князя блеснули слёзы...

Вспоминалось и другое.

Святослав заставил целый день и ещё ночь ожидать у своей избы вождей сильного племени гузов, а потом выслушал их, коленопреклонённых, высокомерно и безразлично, будто не вожди перед ним, а жалкие рабы, прах земной.

Святослав без чести выгнал с пира знатного боярина Гуда только за то, что осмелился боярин прежде князя поднять заздравный кубок, нарушая обычай. Гридни сорвали с боярина бобровую боярскую шапку и почётную серебряную гривну и вытолкали за дверь.

Значит, князь Святослав высокомерен?

Тогда почему он прост и ласков с дружиной и многими другими обыкновенными людьми?

Почему, не допустив к себе послов болгарского царя, он приветливо беседовал с корм-

чими[18], которые пришли проситься к нему на службу? Бедно одетые, неловкие в движениях и в словах, речные люди казались чернью, недостойной внимания князя, а Святослав обласкал их...

Почему?

Не сразу уразумел Алк, что простота князя неразрывна с величием, что они едины, и это единство олицетворяет сущность самой Руси, где люди не разъединены так, как случилось в других начавших уже дряхлеть странах. Разве осмелился бы византиец, веками воспитанный в унижении перед высшей властью, просто заговорить с императором? И разве императору свободное общение с обыкновенными людьми не показалось бы крушением основ империи? На Руси — иное.

Люди были вчерашними свободными землевладельцами, охотниками или воинами родовых дружин, и их предводитель не мог быть иным, чем князь Святослав. Мудрость Святослава как раз в том и заключалась, что он оставался простым и понятным людям, не теряя величия, был грозным, не опускаясь до бессмысленной жестокости, и при этом все-

гда оставался самым собой, потому что человек, не имеющий своего лица, не внушает уважения.

Алк считал, что служить такому князю — счастье.

Наверное, Святославу чем-то понравился молодой вятич, и он часто беседовал с новым гриднем, расспрашивал об обычаях вятичей, о земле, на которой жили эти лесные люди. Если Алк затруднялся с ответом, поучал без осуждения:

— Не знаешь, так и скажи. Не оскверняй уста ложью из желания угодить. Спроси лучше знающих людей, а потом расскажи. Любопытное знание добудет, а лживый и ленивый, если знает — забудет. Ленивых и лживых не люблю....

Однажды, остановившись у коричневого торфяного озера, Святослав сказал задумчиво:

— К воде меня тянет. Чтобы много было воды. В Днепре много воды, в вашей Оке тоже, но вода бегущая, неласковая. Здесь вода стоячая, тёмная, недобрая. До тёплого моря хочу пойти, до синей воды, где плавали ладьи отца

моего, князя Игоря Старого. И не путником мимоезжим прийти к морю, но стать на берегах его крепко...

Алк не нашёлся, что ответить. Князь ничего вроде не спрашивает, раздумывает вслух. Но слова о тёплом море словно вошли в душу, и юноша выпалил звонко, по-ребячьи:

— Я тоже хочу, чтобы было тёплое море!

Святослав рассмеялся. Ему вторил воевода Свенельд, упёршись ладонями в бока и раскочиваясь от смеха всем грузным телом. Смущённый Алк опустил глаза.

— Если ты, княже, прикажешь...

— А что? Может и прикажу, — вдруг серьёзно сказал Святослав и повернулся к воеводе. — Слышишь, воевода, о чём отрок мечтает? Подальше глядит, чем иные седобородые мужи. Иные ведь думают, что сверну я шею хазарскому царю и обратно в леса упрячусь. Знаешь ты таких недомысленных мужей, воевода?..

— Как не знать, княже! А имена им... — И воевода Свенельд замолчал, оглянувшись на Алка.

Алк поспешно отбежал на десяток шагов: понял, что между князем и воеводой начнётся тайный разговор, который не должны слышать даже ближние гридни-телохранители.

За последнее время таких разговоров было много. Войско готовилось к весеннему походу на Хазарию.

По большой вешней воде из Киева и Новгорода пригнали множество ладей, так что может и не понадобится болгарская помощь. Печенеги привели из Дикого Поля многотысячные табуны степных коней. В конные дружины Святослав звал всех, кто умел держаться в седле, невзирая на род и достаток, если у кого не было оружия — давали из княжеских запасов. С утра до позднего вечера на лесных полянах слышался топот копыт, звон оружия, повелительные крики десятников и сотников. Новые дружины обучались ратному делу. Не было уже отдельных ратей полян, северян, радимичей, кривичей, древлян, дреговичей и вятичей — было единое Войско Русское, и главой всему войску был князь Святослав Игоревич.

Крепкие сторожевые заставы перегороди-

ли все дороги и тропы на границе Дикого Поля и на Оке, чтобы в Итиль не проскользнул ни конный, ни пеший лазутчик. Ни к чему знать хазарскому царю о готовности войска. Когда придёт время князь Святослав сам оповестит о походе. А пока пусть нежатся хазарские правители в награбленном богатстве, пересчитывая мзду с торговых караванов. Как весенний гром будет для них поход князя Святослава!

И, наконец, этот день наступил. Князь Святослав напутствовал гонца, который отправлялся к хазарскому царю:

— Лишних слов перед хазарами не говори. За многими словами — малая сила, за немногими громкими словами — сила великая. Сильный прошепчет, а слышат все. А крика слабого только заяц испугается, да и то потому, что отроду пуганый. Всего три слова передашь царю: «Иду на вы!» Сказав молчи. Смертью грозить будет, молчи. Помни: в молчании твоём — сила...

— Исполню, как велишь, княже! — поклонился гонец.

Алк смотрел на посла с почтительным

удивлением. На верную смерть отправляется, рубаху перепоясал чёрным похоронным поясом, а лицом весел, невозмутим. Меча у гонца не было, только короткий нож за пояс заткнут, чтобы самого себя до сердца достать, если придёт крайний случай. Немыслимого мужества и жертвенности человек. По нему хазары о всём русском воинстве судить будут. Не на посольский разговор отправляется гонец — на смертельный поединок. Доблесть хазарам показать, чтобы поколебать их дух ещё до битвы.

Гонец двинулся к двери, тяжело ступая сапогами по сосновым доскам пола, будто память о себе навечно вколачивая. Потянулись из избы воеводы и бояре-советчики. Возле княжеского кресла остались только гридни.

Гридни-телохранители всегда при князе. Игорь Старый этот обычай завёл, а Святослав посчитал полезным сохранить. Понадобятся зачем-нибудь гридни — вот они, они рядом. А если ненадобны, то будто и нет их, столь молчаливы и ненавязчивы. Как копья, прислонённые до поры к стене...

— Эй, отрок! — обратился вдруг князь к Ал-

ку. — Замечал я, что смышлёный ты. Угадай, зачем я хазарского царя о походе сам упряждаю?

— Не ведаю, княже... — Поступок князя был ему действительно непонятен. Всем известна воинская мудрость: нападай внезапно, не давай врагу изготавиться к войне, тогда твой верх. А князь Святослав сам извещает хазарского царя о походе. Должен быть в этом какой-то смысл, князь ничего без смысла не делает...

— Не ведаешь? — улыбнулся Святослав. — Не один ты, многие в недоумении. А догадаться просто. Сам поразмышляй, намного ли опередит гонец идущее следом войско?

— На неделю, наверно, — предположил Алк.

— А сумеет царь за неделю новое войско набрать, вооружить и обучить?

— Нет, думаю.

— И я так думаю, — согласился Святослав. — Что есть под рукой, то и выведет на битву. Но трепет у него в душе от нашей дерзости будет великий. Решит царь, что безмерно сильны мы, если сами о походе предупре-

дили. Того мне и нужно.

Гридни с восхищением слушали князя, а тот расхаживая по избе, рассуждал дальше:

— Всех воинов, что есть у хазарского царя, хочу одним ударом сразить. А что получится, если царь не успеет всех собрать? Разбредутся кто куда, разыскивай их потом по степям. Лучше гонца послать: собирайтесь-ка вместе, а я не замедлю, приду. Так-то вот, отроки!

Под ликующие трубные возгласы отплывала судовая рать, ратники-пешцы. Путь ей предстоял неблизкий, но привольный: вниз по великой реке Волге до самых низовьев, где на островах, образованных волжскими протоками, притаилась за глиняными стенами столица Хазарии — город Итиль.

Конные дружины пошли к Итилю прямым ходом, через печенежские степи. По дороге к ним присоединялись со своими ордами печенежские князья, заранее оповещённые гонцами о начале похода.

Грозным и неудержимым было движение войска князя Святослава. Его тяжёлая поступь спугнула сонный покой хазарской столицы.

10. ТРЕВОГИ ЦАРЯ ИОСИФА

Розрачным майским утром, которое отличалось от других разве что тем, что накануне был большой торг и усталые горожане крепче обычного спали в своих жилищах, к воротам Итиля подъехали всадники, забарабанили древками копий.

Сонный стражник выглянул в бойницу воротной башни и кубарем скатился вниз. Промедление было опасно, перед воротами ждал сам царь Иосиф, царь Хазарии и многих соседних земель.

Медленно, со скрипом отворились городские ворота. Стражники склонили копья, приветствуя царя. В почтительно прикрытых глазах стражников любопытство, тревога. Неожиданное возвращение царя в столицу было непонятным и пугающим. Лишь дела

чрезвычайной важности могли оторвать царя Иосифа от милых его сердцу весенних степей, где буйно поднималась свежая трава, струи ручьёв и речек ещё сохраняли прохладу, а солнце не пекло, но ласкало кожу...

Что это были за дела, можно только гадать. Кто из смертных осмелится расспрашивать гром, почему он гремит или молнию, почему она огненной стрелой проносится по небу?..

Час был ранний, улицы пустыньны. Только благочестивые старцы, для которых многие прожитые десятилетия сократили время сна до короткого забытья, брели к храмам на утреннюю молитву, да ночные сторожа дремали на перекрёстках, опершись на древки копий. Но старцы отрешены от земных забот и не любопытны, а сторожа молчаливы, и в городе мало кто узнал о возвращении царя.

Царь Иосиф равнодушно скользил взглядом по жилищам ремесленников из войлока и дерева, похожим на юрты, по купеческим глинобитным домам, прятавшимся за глиняными же заборами, по приземистым с плоскими кровлями и крохотными оконцами, караван-сараям. Постройки были присыпаны

жёлтой пылью, казались унылыми и безликими. Скучный город, постылый город...

Иосиф представил на мгновение зелёную праздничность весенних степей, прохладные струи Маныча, синие дымки костров между юртами, опьяняющий запах свежей баранины и тяжело вздохнул. Проклятая жизнь, ни дня покоя...

Улица спускалась к протоке Волги, которая делила город на две части Итиль и Хазар. Посредине протоки, на песчаном острове, высился кирпичный дворец Кагана, окружённый малыми дворцами, садами и виноградниками. Это был город в городе, недоступный для простых людей. Возле моста стояли вооружённые арсии. Иосиф спешился, бросил поводья арсию, пошёл по скрипучим, зыбко вздрагивавшим доскам моста. Внизу катилась желтоватая, будто тоже припорошённая пылью, вода.

Площадь, выложенная известковыми плитами, а за ней дворец Кагана, поражающий своей громадностью. Выше были только минареты некоторых мечетей, но они торчали, как древки копий, а дворец загораживал пол-

неба. Всё, что окружало дворец, казалось ничтожно малым. Жилище, достойное равного богам...

Даже царь Иосиф, пересекая площадь, испытывал непонятную робость. Для него не было тайн во дворце, да и сам Каган был выбран из числа безликих и безвольных родичей прошлого владельца дворца по его указке, но сейчас Иосиф чувствовал себя ничтожным и униженным, ступал по белым плитам осторожно, будто опасаясь нарушить звуком шагов величавый покой дворцовой площади.

У высоких дверей, украшенных золотыми и серебряными бляхами, царь положил на ступени меч, стянул сапоги из мягкой зелёной кожи и выпрямился, босой и смиренный. Приоткрылось оконце, прорезанное в дверях:

- Кто нарушил покой равного богам?
- Иосиф, слуга богов.
- Что ищет слуга богов у равного богам?
- Совета и благословения.
- Пусть ищущий войдёт...

Двери бесшумно отворились и царь Иосиф шагнул в полумрак дворцового коридора. Молчаливые арсии в золочёных кольчугах с

маленькими топориками в руках сопровождали его. Влажные плиты пола неприятно холодили босые подошвы. Струйки дыма от пылающих факелов ползли, как змеи, к сводчатому потолку.

У порога тронного зала Иосифа остановил привратник-чаушиар. Он коротко поклонился, поднёс к жаровне палочку пропитанного благовониями пальмового дерева. Царь благоговейно подержал в руке горящую палочку и вернул чаушиару. Таков был обычай: хазары верили, что огонь очищает и освобождает от недобрых мыслей, а перед лицом Кагана совесть человека должна быть прозрачной, как горный хрусталь...

— Войди и припади к источнику мудрости! — разрешил наконец чаушиар.

Золотой трон Кагана стоял посередине большого круглого зала. Над тронном висел балдахин из алого индийского шёлка с золотыми тяжёлыми кистями. Лучи утреннего солнца, проходя сквозь длинные окна, полосою расцветили ковёр на полу. Торжественная тишина царила в зале.

Царь Иосиф трижды поклонился пустому

трону, упал ниц и не поднимал головы, пока не услышал негромкий певучий звон: управитель дворца кендер-каган ударил молоточком по серебряному диску.

— Жаждающий совета может приблизиться!

Иосиф на коленях пополз к трону. Когда до его подножия осталось пять шагов, снова раздался серебряный звон и царь поднял голову. Он увидел Кагана.

Высокая шапка Кагана, сплошь вышитая золотом, поблескивала множеством драгоценных камней, рукава белого одеяния спускались почти до пола. У Кагана было безбородое, бледное от постоянного затворничества лицо, глаза прикрыты набрякшими веками. Что-то отрешённое, неземное было в лице Кагана, как будто он, вознесённый на немислимую высоту, уже не способен испытывать волнения и страсти, свойственные простым смертным, мир утратил для него всякий интерес, и Каган всматривается только в самого себя, отыскивая в себе непостижимую ни для кого мудрость...

— О, равный богам! — начал царь Иосиф. — Пусть не покажется дерзким изве-

стие, нарушившее твой покой! От северного правителя князя Святослава приехал гонец с угрожающими словами. Святослав сказал: «Иду на вы!» Призови свою божественную силу, защити Хазарию, ибо войско у Святослава сильное. Вели рабам своим взяться за оружие. Благослови их на победу!

Каган медленно склонил голову.

— Слово твоё услышано и одобрено, — торжественно возгласил кендер-каган. — Божественная сила Кагана с тобой, царь Иосиф. Да постигнет врагов злая смерть и забвение потомков! Да обратятся они в пепел, сдуваемый ветром твоей славы!

Иосиф снова опустился на колени и пополз к двери. Обычай был соблюден. Каган устами своего первого слуги произнёс благословляющее слово. Теперь судьба Хазарии вручалась царю, а кагану оставалось молить богов и ждать исхода войны. И придёт к Кагану безмерное восхищение и благодарность народа в случае победы. Или смерть, если не поможет его божественная сила.

Над башней дворца смуглолицые арсии подняли на шесте большой золотой круг.

Блеск золота можно было видеть со всех концов города. Гулко ударяли барабаны. Заревели большие медные трубы, пробуждая дремавший город. Великий Каган сзывал в войско подданных своих, невзирая на племя их, достаток и вероисповедание. Ослушников ждала неминуемая казнь.

Забурлил, заволновался Итиль. Толпы людей заполнили улицы и площади. Муллы и раввины, священники и языческие жрецы призывали своих единоверцев к войне с возгордившимися руссами, осмелившимися обнажить меч против священного города Кагана. Городские власти ставили на перекрёстках виселицы — для вразумления тех, кто не внимлет призывающим словам.

Хазары-кочевники собирались возле юрт на окраине города и ждали слова родовых вождей. С большинством своих людей они уже ушли в степи, на весенние пастбища. За ними срочно послали гонцов, но скоро ли они найдут кочевья в бескрайних степях? И захотят ли кочевые беки, известные своим своевольством, спешить на помощь царю?

Тревожно, ох как тревожно было на душе у

царя Иосифа! Наступал час расплаты и за чрезмерное властолюбие, оскорбляющее беков, и за невыносимую тяжесть налогов, на которые роптали горожане, и за разбойничьи набеги на соседние народы.

Но только ли его, царя Иосифа, в этом вина?

Так поступали все прежние цари, а Хазария гордо стояла на рубеже Европы и Азии, внушая страх врагам, и жители её, разъединённые жизненными судьбами и религиями, тем не менее покорно собирались под золотое солнце Кагана!

Почему же так тревожно теперь? Или времена переменялись?

Из разрозненных славянских племён сложилась могучая держава — Русь. Заходит солнце Хазарии.

Только через неделю, когда на равнине перед городскими воротами собралось для смотра хазарское войско, царь Иосиф немного успокоился.

Нет, у него ещё достаточно силы, чтобы отразить любого врага!

Десять тысяч отборных всадников-арсиев,

закованных в блестящую броню, застыли стройными рядами. Перед каждой сотней арсиев развевался на бамбуковом шесте зелёный стяг.

Грозно стояло пешее ополчение, тоже одетое в железные доспехи. Итиль — богатый город, в купеческих амбарах и караван-сараях нашлось достаточно оружия для всех способных носить его. На плечах ополченцев лежали заострённые колья, из которых в любом месте можно было за считанные минуты составить неприступный колючий частокол.

А вокруг кипело, перемешиваясь в клубах пыли, потрясая луками и короткими копьями, множество легковооружённых хазарских всадников. Кочевые беки всё-таки привели свою конницу и теперь смирно стояли возле царя Иосифа.

Казалось, забыты прежние обиды и все подданные Кагана, как в старые добрые времена, сплотились перед лицом грозной опасности. Но насколько прочным будет это объединение, могла проверить только битва...

Измученные, почерневшие от недосыпания царские писцы едва успевали заносить в

свои книги прибывавших воинов, и их число уже приближалось к заветной цифре — пятьдесят тысяч. Войско множилось на глазах и царь Иосиф без прежнего трепета выслушивал известия о приближении по Волге русской судовой рати, а по степям — русской и печенежской конниц.

На военном совете было решено не утомлять хазарское войско длинными переходами и сражаться здесь, под самыми стенами Итиля.

11. БИТВА ПРИ ИТИЛЕ

Царь Иосиф считал самыми искусными воителями мусульман-арабов и перед сражением выстроил своё войско по арабскому образцу, в четыре боевых линии.

Первая линия — «утро псового лая». Она

называлась так потому, что состояла из конных лучников, которые, как охотничьи псы, должны были смелыми наскоками и ливнем стрел раздражить противника, заставить его расстроить ряды. В эту линию царь Иосиф поставил кара-хазар[19], быстрых наездников, пастухов и табунщиков, жилистых, злых, со смуглыми лицами и множеством туго заплетённых косичек, которые свешивались из-под войлочных колпаков. Кара-хазары не носили доспехов, чтобы не стеснять движений, и были вооружены луками и дротиками.

Вторая линия — «день помощи». Она как бы подпирала конных лучников и составлялась из тяжеловооружённых всадников, одетых в кольчуги, железные нагрудники, шлемы. Длинные копья и мечи, палицы и боевые топоры составляли её вооружение. Тяжёлая конница всей своей массой обрушивалась на врага, уже ошеломлённого лихими наскоками кара-хазар. Здесь у царя Иосифа были поставлены дружины беков, белые хазары — рослые, плечистые, гордые прошлыми заслугами и почётным правом служить в отборной панцирной коннице.

Но если и «день помощи» не добивался успеха, то вся конница расходилась в стороны и пропускала вперёд третью боевую линию — «вечер потрясения». Пешие ратники этой линии, бесчисленные, как камыши в дельте Волги, стояли стеной, опустившись на одно колено и прикрываясь щитами. Древки своих длинных копий они упирали в землю, а острия склоняли в сторону противника. Преодолеть эту колючую изгородь было не легче, чем добраться голым пальцем до кожи ежа. Нападающие истекали кровью в бесплодных атаках, а потом на них, ослабевших и упавших духом, снова обрушивалась с флангов панцирная конница.

Наконец, позади всех ждала своего часа последняя боевая линия, которую арабы называли «знамя пророка», а хазары — «солнце Кагана». Здесь, возле большого золотого круга, изображавшего солнце, собиралась наёмная гвардия мусульман-арсиев.

Арсиев берегли. Они вступали в бой только при крайней необходимости. Зато им доставалась львиная доля добычи. Они вырубали дамасскими мечами и бегущих врагов, и

своих же воинов, если те, дрогнув, начинали отступать. Арсии были последней надеждой царя Иосифа, они не знали пощады и не ждали её от врага. Верность и жизнь их были давно оплачены царским золотом...

Окружённый железными рядами арсиев, царь Иосиф стоял на помосте под золотым кругом и смотрел, как впереди, на зелёной равнине, разворачивается для боя войско князя Святослава.

Руссы приближались медленно и царю показалось, даже, что они намеренно оттягивают начало битвы. Не устранился ли князь Святослав, узрев перед собой столь многочисленное и грозное войско? Не завяжет ли переговоры? Можно посулить серебра и товаров, чтобы руссы искали добычу в других землях. Разумнее пожертвовать частью богатства, чем рисковать всем. Может, и князь Святослав думает так же?

Даже самому себе царь Иосиф боялся признаться, что мысли эти были порождены неуверенностью в войске. Когда он утром объезжал ряды хазарской конницы и пехоты, воины встречали царя угрюмо и обречённо.

На их лицах не было той восторженной готовности к самопожертвованию, без которой невозможно добыть победу. Хазарское войско показалось царю похожим на дерево, с виду могучее, но на самом деле уже надломленное, готовое рухнуть от бури.

Только арсии были спокойны и бесстрашны. Для них, потомственных воинов, война была просто работой, пусть опасной, но — работой. Ничего другого они делать не умели и будут сражаться, как разъярённые быки.

Иосиф подумал, что не следует бросать их в сечу: в случае чего, они прикроют бегство царя. Подумал — и ужаснулся. Неужели это предчувствие поражения?

А пешие руссы медленно приближались, вытягиваясь клином. На острие клина шли богатырского роста воины в железных панцирях и шлемах, глубоко надвинутых на брови: живот, бёдра и даже голени у воинов были обтянуты мелкой кольчужной сеткой, непроницаемой для стрел. Руки в железных рукавицах сжимали устрашающе большие секиры. Вправо и влево от дружины богатырей-секироносцев — сплошные линии длинных

красных щитов, прикрывавших пеших руссов почти целиком. Над щитами поблескивали острия копий.

На крыльях русского войска неторопливо двигалась конница: справа светлая, переливающаяся железом дружинных доспехов: слева, ближе к Волге чёрная, зловещая. Царь Иосиф догадался, что это печенеги. С печенегами хазары умели воевать и знали, что они быстры, но не стойки в рукопашном бою. Но пока рано думать о печенегах. Главное — пешая рать руссов. Если сокрушить пешую рать, печенеги сами разлетятся, как брызги от брошенного в лужу камня...

Царь Иосиф поднял вверх обе руки.

Арсии вскинули копья и разом испустили грозный боевой клич, от которого качнулся золотой круг над головой царя. Заревели медные трубы, возвещая о начале битвы.

Завизжали, завыли кара-хазары, подобно гончим псам рванулись на русский строй, натянули луки. Непрерывным весенним ливнем полились оперённые железом стрелы.

Руссы продолжали идти мерным тяжёлым шагом, от которого вздрагивала земля. В

строю не было заметно павших, только щиты обрастали щетиной вонзившихся стрел. «Утро псового лая» минуло бесполезно.

Снова затрубили хазарские медные трубы. Повинуясь их зову, мимо расступившихся конных лучников промчались белые хазары, всё сокрушающий «день помощи». Звеня доспехами, тяжёлая конница докатилась до красных русских щитов и остановилась, словно натолкнувшись на крепостную стену. Задние всадники напирали на передних, а те пятились от колючей изгороди копий.

Всё смешалось. Белые хазары кружились на месте, не в силах прорвать строй руссов и уже не в состоянии вырваться из схватки. Медленно поднимались и опускались огромные секиры руссов. Хазарские шлемы раскалывались, не выдерживая сокрушительных ударов. Кучки всадников вырывались из сечи, скакали, нахлёстывая коней, подалее от страшного русского клина. «День помощи» рассыпался на глазах. Царь Иосиф с ужасом понял, что первых двух линий у него уже нет, что рассеянную конницу больше не собрать и не бросить вперёд, ей едва под силу сдержи-

вать печенегов и конных дружинников князя Святослава, если они пытаются окружить царское царское войско.

Иосиф думал только о том, как бы продержаться до темноты и укрыть остатки войска за городскими стенами. Пехотинцы «вечера потрясений» должны остановить руссов, остановить во что бы то ни стало!

Но клин русского войска вонзился в толпу хазарских пехотинцев неожиданно легко, как топор в вязкую глину. Сначала шла сеча грудь в грудь, в которой побеждает тот, кто сильнее духом. В тесноте воины отбрасывали бесполезные копья и сражались мечами, топорами, кинжалами. Перешагивая через чужих и своих павших, поскользываясь на мокрой от крови траве, выкрикивая хриплыми голосами боевые призывы, руссы напирали, и царь Иосиф почувствовал, что «ветер потрясений» долго не выстоит.

Тогда Иосиф решил на последнее, отчаянное средство — послал гонца за Каганом, чтобы равный богам лично воодушевил воинов и устрасил врагов.

Каган выехал из ворот Итиля на белом ко-

не. Чаушиар и кендер-каган держали над ним большой шёлковый зонт, чтобы ни один луч солнца не упал на божественное лицо. Многокрасочная, как весенний луг, следовала за своим повелителем свита. Шествие замыкали двадцать пять жён Кагана, каждая на отдельном, богато украшенном верблюде.

В свите Кагана было так много нарядных всадников, драгоценности вельмож и оружие телохранителей так ослепительно блестели на солнце, что князю Святославу показалось: на помощь хазарам спешит из города новая отборная рать.

Святослав поманил пальцем Алка и приказал:

— Скачи к печенежскому князю Идару! Пусть воины Идара преградят дорогу тем хазарам и прогонят их обратно в город!

Алк, гордый ответственным поручением, помчался к реке, где в зарослях была спрятана засадная печенежская рать. Ей не велено было выходить без особого приказа.

Князь Идар был нисколько не огорчён этим. Он спокойно возлежал на ковре в окружении своих старейшин. Рабы разливали из

бурдюка кобылье молоко и с поклонами подносили деревянные чашки. Идар прихлёбывал холодное молоко лениво и безмятежно, как будто рядом кипела не жестокая битва, а мирно паслись стада. О чём ему тревожиться? Добычу приносит не битва, а преследование разбитого врага. В преследовании свежие кони и не утомившиеся в сече воины князя Идара будут первыми...

Когда Алк, нетерпеливый, запыхавшийся, ещё не опомнившийся от бешеной скачки, спрыгнул с коня у края кровли, Идар встретил его без особой радости. Заставил выпить чашку молока и только потом выслушал приказ князя Святослава. Лениво поднялся, подбежавшие рабы помогли своему князю усесться в седло.

— Храбрые воины! Бой ждёт вас! — повелительно прокричал Идар.

Затрещали ветки. Печенежские всадники высыпали из зарослей и с воинственными криками устремились следом за князем Идаром и русским дружинником Алком.

Огибая сражавшихся, Алк направил коня к равнине между хазарским войском и горо-

дом, по которой медленно шествовал Каган.

Бег печенежской конницы казался неудержимым, вот-вот она захлестнёт свиту Кагана. Но случилось неожиданное...

Каган остановился. Остановилась и его свита, спокойно разглядывая приближающихся печенегов, как будто Каган был щитом, прикрывшим от опасности всех сопровождавших его людей.

— Каган! Это Каган! — вдруг испуганно завопил князь Идар.

Он натянул уздечку, и послушный конь встал как вкопанный. Идар скатился с седла и упал ничком в траву. На глазах изумлённого Алка печенежские всадники, мгновение назад свирепые и неудержимые, последовали примеру своего князя. Они бросали оружие и ложились, уткнувшись лбами в землю. Слепая вера в божественную силу Кагана, о которой они столько слышали, лишила печенегов воли. Преклонение перед Каганом оказалось сильнее страха смерти, и печенеги безропотно ложились под копыта хазарских коней.

Так вот на что надеялся царь Иосиф, призывая Кагана на поле битвы!

А Каган продолжал своё неторопливое шествие, он был уже совсем недалеко от Алка. Из всего конного отряда, скакавшего наперерез Кагану, Алк один остался в седле, в окружении печенежских коней, которые беспокойно ржали, переступали с ноги на ногу возле своих распростёртых на земле хозяев.

Ободрённые хазарские воины радостно кричали:

— Каган! Каган! С нами божественный Каган!

Сразу что-то изменилось на поле битвы. Пешие хазарские воины яростнее взмахивали мечами и топорами, теснее смыкали ряды. Конница белых хазар собиралась вместе, готовясь к новой атаке.

«Что делать? — лихорадочно думал Алк. — Как задержать помощь из города? Князь Святослав понадеялся на меня, а я обманываю его доверие!»

Юноша будто наяву представил, как ободрённые хазары бросаются на его товарищей, как пятятся под напором воины в родных остроконечных шлемах, как князь Святослав спрашивает воевод, почему отрок Алк не при-

вёл печенегов... Представил и даже застонал от бессилия...

Алк не испытывал, подобно печенегам, суеверного страха перед Каганом. Для вятичей боги были понятными и доступными, как люди. Богов можно было просить о помощи, принося им жертвы. Но деревянных идолов можно было и наказать, отхлестав прутьями или выкинуть из избы на мороз, если они плохо помогали людям!

И Алк сделал то, на что никогда не осмелился бы ни один человек в здешних степях: в руках у него оказался лук, на тетиву привычно легла чёрная боевая стрела и, зазвенев, полетела прямо в лицо Кагана.

Взмахнув длинными руками, Каган вывалился из седла. Чаушиар и кендер-каган склонились над своим поверженным живым богом. Каган лежал на спине, чёрная стрела вонзилась между бровей и капли крови скапывались по переносице в остекленевшие глаза.

Божественный Каган был мёртв!

Приближённые, в отчаянии раздирая ногтями щёки, завыли:

— Горе! Горе! Каган ушёл от нас! Закатилось солнце Хазарии!

Рассыпались и обратились в беспорядочное бегство телохранители и слуги.

Высоко вскидывая голенастые ноги, затрусили к городским воротам верблюды с жёнами Кагана.

Горестная весть дошла до хазарского воинства. Воины пешей рати дрогнули, опустили оружие, покорно склонили головы под мечи и топоры набегавших руссов. Каган убит, божественная сила отступилась от Хазарии, стоило ли продлевать агонию бесполезным сопротивлением?

Войска больше не было — была толпа растерявшихся, упавших духом людей, которых теснили и избивали руссы.

Летучие отряды печенегов окружили поле битвы. Но хазары не помышляли о бегстве. Что значила их смерть по сравнению со смертью Кагана?

Только царь Иосиф с конными арсиями ринулся на прорыв и, потеряв множество воинов, ускакал-таки в степь. Печенеги долго преследовали их, осыпая стрелами. Тела ар-

сиев усеяли дорогу бегства, но сам Иосиф с остатками своей гвардии скрылся. Ночь, покровительница беглецов, спасла его от смерти.

Русское войско осталось ночевать на поле битвы. Запылали огромные костры, в которые воины Святослава подбрасывали колья, будто специально для этого принесённые на поле хазарскими пехотинцами; потом в костры полетели и древки хазарских копий.

Звенели, разбрызгивая рубиновое аланское вино, серебряные кубки. Бурдюки с вином принесли на поле тоже сами хазары, чтобы взбодриться перед битвой, но вино стало добычей победителей.

Гремели над полем победные песни и даже раненые подтягивали слабыми, прерывистыми голосами. Сладок пир на костях поверженного врага! Нет лучше тризны[20] павшим товарищам!

Слава храбрым, отличившимся в бою!

Слава князю-воителю Святославу!..

Немало дружинников и русских пешцев из судовой рати получило в ту ночь почётные серебряные гривны из рук князя. Святослав

был весел и щедр, смех его разносился далеко вокруг, и воины тоже смеялись и пели, и поднимали чаши, и дарили друг другу взятое в бою оружие, хазарских коней, дорогие одежды.

Слава! Слава! Слава!

Алк тоже принял из рук князя почётную серебряную гривну, а вместе с ней — новое поручение. Князь Святослав сказал своему удачному ближнему дружиннику:

— Царь Иосиф убежал и скрылся, как волк в ночи. Догони и возьми его. С тобой поедут дружинники на самых резвых конях и печенеги князя Идара. Сотник Вест будет слушаться тебя...

— Десятник... — робко поправил князя Алк.

— Сотник Вест! — повторил Святослав. — Был десятник, а после сегодняшнего боя — сотник. Как ты — был княжим отроком, а отныне можешь величаться княжим мужем! Дождись рассвета — и в добрый путь!

12. ПОГОНЯ

Степи вокруг Итиля осталось много следов. Здесь прошли, собираясь под золотым кругом Кагана, воины из хазарских кочевий. Потом здесь же прокатилась лавина печенежских всадников, союзников князя Святослава, оставив за собой широкие полосы вытоптанной копытами травы.

Однако следы царя Иосифа и его спутников преследователи нашли без труда. Степняки не подковывают своих коней, а породистые аргамаки[21] царской свиты несли на всех четырёх копытах железные подковы; глубокие вмятины от шипов отмечали их путь.

Потом начали попадаться и другие следы поспешного бегства: брошенное в траву дорожное оружие, издохшие кони под нарядными

сёдлами, распротёртые на земле раненые и убитые арсии в золочёных кольчугах.

Печенег князя Идара, присоединившиеся к погоне, коршунами бросались на них, добивали раненых, сдирали с убитых доспехи, рубахи из цветного шёлка, сафьяновые сапожки с острыми каблуками.

Русские дружинники смотрели на этот разбой насмешливо и презрительно. Не к лицу рыцарю обирать павших, даже врагов, его дело сражаться в честном бою!

А над степью висело безмятежное, прозрачно-голубое небо, ещё не замутнённое летним пыльным маревом. Ветер пробежал по траве, и степь колыхалась, будто море, бесконечно длинными волнами. В такую весеннюю благодать хотелось наслаждаться созерцанием красоты природы, а не нестись сломя голову за чужими всадниками, которых никто из преследователей не знал и не имел причины лично ненавидеть, но которых непременно нужно догнать и убить. Такова уж судьба воина...

Алк глубоко вздохнул.

Ехавший рядом князь Идар, неправильно

истолковавший вздох юноши, только что отмеченного великим подвигом и княжеской милостью, поспешил успокоить его:

— Не горюй, догоним царя. Царь и слуги его на аргамаках, быстрых, но не таких выносливых, как наши кони...

— Не о том я... — тихо сказал Алк. — Глянь вокруг, красота-то какая...

Князь Идар недоумённо оглянулся.

Степь, как степь. Травы много. Высокая трава, сочная. От такой травы скот округляется, жирком заплывёт. Хорошо! Воды ещё много, в каждой лощинке стоит вода, колодцев искать не надо. Тоже хорошо! Солнце не палит зноем, лишь теплом ласкает. Под весенним солнцем ехать по степи хорошо! Но красота-то при чём? Да и зачем воину красота? Что он, женщина?

Совсем непонятно было князю Идару, чем восхищается молодой русский храбрец, осмелившийся поднять руку на самого Кагана и поразивший его стрелой, как дичь. Не зная, что ответить своему спутнику, но не желая и обижать его молчанием, князь Идар кряхтел неопределённо:

— Красота... Да, красота... — И тут же переводил разговор на другое, достойное внимания предводителя княжеской дружины:

— К полудню аргамаки царя задохнуться от долгой скачки. Им понадобится отдых, и неоднократный. Думаю, к вечеру царь Иосиф будет в наших руках....

Но опытный в погонях печенежский князь ошибся.

В степи между Доном и Волгою ещё бродили хазарские кочевья. Взрослые воины ушли к Итилю, но при табунах и стадах остались старики, подростки и женщины. Царь Иосиф нашёл здесь пищу, целебный настой из степных трав для раненых и ослабевших, а главное — свежих коней.

В первом же кочевье спутники царя Иосифа бросили измученных аргамаков и пересели на выносливых степных жеребцов; следом под бдительным присмотром арсиев двигались табуном запасные кони.

Так поступал царь Иосиф и в других кочевьях: бросал усталых коней и забирал свежих. Он двигался почти неостановочно. Дружинники и печенеги князя Идара всюду застава-

ли одно и то же: хазары, стоящие возле войлочных юрт, угрюмо молчали или слёзно жаловались на царя, который забрал лучших коней, не отблагодарив хозяев даже маленькой серебряной монеткой. А силой воспрепятствовать они не могли: взрослые воины ещё не вернулись...

Кочевники охотно показывали, в какую сторону удалился царь со своими людьми. Считали, загибая пальцы, сколько часов назад он покинул кочевье. Видно хазары-кочевники не больно-то любили своего правителя!

Выходило, что, несмотря на спешку, преследователи не приближались к беглецам, царь Иосиф неизменно опережал на половину дня пути.

Ночевали прямо в степи, под удивительно яркими и близкими звёздами, подложив под головы сёдла и укрывшись попонами. Костров не разжигали. Да и коротки были ночлеги. На рассвете, наскоро перекусив копчёным мясом, которое печенегι везли в перемётных суммах, дружинники и воины князя Идара седлали коней и продолжали погоду.

Князь Идар был весел и уверен в успехе.

Он убеждал Алка, что царю негде спрятаться. Впереди река Дон, а за ней кочуют печенеги. Только безумец решиться войти в землю печенегов, ибо там ждёт беглецов неминуемая смерть.

— Теперь уже скоро, — говорил Идар. — Закатный ветер пахнет речной водой, царю Иосифу думать надо, куда повернуть коней. Крепко думать! Только две дороги у него осталось: на полдень, к морю, и к северной стороне — на Саркел...

Царь Иосиф повернул на север, к Саркелу.

Саркел по-хазарски означает «Белый дом».

Своё название Саркел перенял у старой хазарской крепости, которая была построена на другом берегу Дона действительно из белоснежного камня-известняка. Старая крепость давно разрушилась, обломки её заросли колючей степной травой, а вот название осталось в памяти людей. Когда на левом берегу Дона построили новую крепость, название Саркел осталось ей как бы в наследство.

В новом Саркеле не было ничего, чтобы оправдывало старое название. Стены крепости были сложены из красно-бурых квадрат-

ных кирпичей. Шестнадцать башен, как зубы сказочного дракона, угрожающе поднимались над стенами. Ещё две башни, самые высокие и мощные, стояли внутри крепости. Оттуда стража следила за степью. Ночью на башнях зажигали костры, чтобы путники могли и в темноте найти крепость.

Но попасть в крепость было нелегко. Она отгородилась от степи не только крепостными стенами, но и водой. С трёх сторон мыс, на котором стоял Саркел, омывался волнами реки, а с четвёртой — восточной стороны были выкопаны два широких и глубоких рва, тоже наполненных водой.

Что-то чужое, нездешнее было в облике Саркела.

Хазары-кочевники говорили о Саркеле с суеверным страхом и старались по возможности не приближаться к его стенам цвета застывшей крови.

Как ненасытное чудовище, Саркел поглощал целые стада быков и баранов, длинные обозы с хлебом и другими припасами, тысячи бурдюков с кобыльим молоком и вином, взамен выплёскивая в степь только летучие от-

ряды свирепых царских наёмников — гузов.

Как торчащая заноза, торчал Саркел в зелёном теле степей — зловещий, непонятный, ненужный населявшим эту степь людям...

Крепость Саркел подняли из земли честолюбивые замыслы хазарского царя, но осуществили эти замыслы не сами хазары, а пришельцы — византийцы. По просьбе царя византийский император Феофил прислал своих зодчих и мастеров, которые построили крепость по привычному византийскому образцу.

В Саркеле селились разноплеменные, разноречивые, отчуждённые друг от друга люди: болгары, буртасы, иудеи. А за внутренней стеной, в цитадели, стояли гарнизоном триста наёмников-гузов. Царь не доверял собственному народу. Хазар-кочевников допускали в крепость только днём, в небольшом числе, и оружие они должны были оставлять возле воротной башни. И наёмникам-гузам царь тоже не очень-то доверял, заменял гарнизон ежегодно, чтобы не успела созреть измена.

Жизнь в Саркеле текла уныло и однообразно.

Мастера-ремесленники копошились в своих тёмных землянках, крутили гончарные круги, выстукивали молотками по наковальням, дубили в чанах вонючие кожи.

Уличные торговцы раскладывали прямо на земле свои нехитрые товары и дремали, присев на корточки, прислонившись спиной к стене.

А в цитадели рядом с домами стояли войлочные юрты гузов. Кочевники сохраняли свой образ жизни, варили пищу в котлах над кострами, тянули свои заунывные, грустные песни. Только за хорошую плату они соглашались запереться в эти тесные для степняков каменные стены.

Наместником Саркела всегда назначался близкий родственник царя, младший брат или племянник. Хазарские беки говорили с обидой, что не Хазарии принадлежит крепость, а лично царю. В этом была большая доля правды. Царь Иосиф смотрел на Саркел как на последнее убежище в случае смертельной опасности. Здесь он хотел отсидеться под защитой крепких каменных стен и верного гарнизона, пока князь Святослав не покинет Ха-

зари. Потом можно попытаться сложить из обломков некое величественное здание державы Кагана. Главное — выиграть время...

Царь Иосиф выиграл бешеную гонку по степи. Тяжёлые, окованные железными полосами ворота Саркела захлопнулись за спиной царя раньше, чем погоня успела добежать до внешнего рва.

Князь Идар переломил и с досадой швырнул на землю свою плеть. Плеть, которая не сумела взбодрить коня настолько, чтобы он догнал врага, недостойна висеть на руке воина!

Потом печенежский князь уселся на ковёр, раскинутый слугами на возвышенном месте поодаль от города, и принялся неторопливо отхлёбывать из чаши кобылье молоко, показывая своим безразличием, что дело своё он сделал, безошибочно привёл погоню по следам царя, а остальное его не касается. Печенеги штурмовать каменные стены не привыкли, пусть руссы сами думают, как поступать...

Алк и Вест подъехали к краю верхнего рва. Под ногами лениво покачивалась мутная вода. Через мост перекинут узкий, в три доски,

мостик — едва конному проехать. Дальше, за половину перестрела, желтел обмазанный глиной откос внутреннего рва, а за ним крепостная стена с зубцами, с квадратными башнями.

— Неладно вышло, — задумчиво проговорил Вест. — Твердыня эта нам не по зубам. Опоздали.

— Может поговорить с хазарами? — предложил Алк. — Так, мол, и так, царёво войско побито, следом за нами придёт князь Святослав тогда крепости конец. Пусть выдадут царя, если хотят сохранить жизнь...

Вест в сомнении покачал головой. Но Алк уже направил коня к мостику.

Конь осторожно ступал по качавшимся доскам, испуганно косился на стоячую воду. Копыта негромко постукивали по дереву, и этот стук был единственным звуком, нарушавшим тишину. Молчали дружинники, стоявшие за внешним рвом. Безмолвной и зловещей была крепость.

Когда Алк переехал мостик, между зубцами стены поднялись головы в лохматых меховых шапках. Широкие бурые лица грузов по-

что сливались с мехом, узкие глаза казались издали чёрными чёрточками.

Алк поднял обе руки вверх, показывая, что приехал с мирными намерениями. Закричал по-печенежски, надеясь, что в степях, пограничных с печенежскими кочевьями, люди понимают этот язык:

— Храбрые воины Саркела! Князь Свято-слав побил хазарское войско. Великий город Итиль пал к его ногам. Каган принял смерть на поле битвы и больше не защитит вас. Выдайте нам царя Иосифа и мы уйдём!

Яростно, негодуя взвыли гузы на стене. В Алка полетели стрелы. Прикрываясь щитом, он пятился к мостику. Стрела вонзилась в шею коня. Алк выдернул ноги из стремян, отпрыгнул в сторону, чтобы падающий конь не придавил его, и на миг опустил свой щит. Тотчас стрелы гузов ударили в грудь, в плечо, в правую руку выше локтя. Железная кольчуга спасла жизнь юноше, лишь одна стрела скользнула по бедру, не прикрытому доспехами. Прихрамывая, Алк перебежал мостик и упал на руки товарищей.

Подошёл князь Идар, посмотрел, как дру-

жинники перевязывают рану чистой тряпичей, проворчал недовольно:

— Почему меня не спросил? Разве не знаешь: гузы, будто хищные звери, на всех кидаются? Разве с ними можно разговаривать? Нехорошо, нехорошо...

Потом Алк лежал в шатре и слушал, как сотник Вест и князь Идар, словно состязаясь в рвении и воинской опытности, распоряжаются началом осады.

Против всех воротных башен Саркела встали сторожевые заставы, были поставлены частоколы из заострённых кольев, чтобы помешать всадникам-гузам делать вылазки.

Гонцы князя Идара поехали на другую сторону Дона и вернулись из печенежских кочевий с большими телегами. Составленные рядом, телеги окружили весь Саркел. За ними притаились печенежские лучники.

Осаждённым некуда было деваться, но осаждающие не могли взойти на крепкие стены города. Осада Саркела оказалась долгой и изнурительной.

Весенняя прохлада давно сменилась летним зноем, а Саркел стоял. У Веста и Алка дру-

жинников было немного, штурмовать с такой горсткой крепость было чистым безумием. А печенеги лезть на стены просто отказывались.

Алк послал гонца за помощью, но гонец привёз лишь строгий наказ князя Святослава: «Сторожить царя крепко и ждать!..»

Потянулись дни и недели томительного осадного сидения.

...Потом, когда закончится, наконец, осада Саркела, это время останется в памяти Алка беспросветной тоской, сплошным чёрным провалом.

Войлочные стены юрты — единственное место, где можно спрятаться от жгучего солнца...

Пыльные вихри в степи...

Смрадный чад печенежских костров — деревья в степи не было и в костры бросали сухой навоз.

Непереносимый трупный смрад — умерших жителей Саркела гузы сбрасывали со стены в городской ров....

Щемящие сердце, грустные песни дружинников...

И бездействие, томительное и иссушающее душу. Лениво лежать в юрте и жевать даровое мясо, как это делал князь Идар, юноше было невмоготу.

Алк не понимал ещё, что ни удачный полёт стрелы, ни азартная погоня и даже неяростное самозабвение битвы превращает юношу в настоящего мужчину, а вот такое длительное испытание стойкости, терпения и силы духа...

Наступила осень — самое невесёлое время в степях.

Пожелтевшая трава звенела, как выкованная из меди.

Обмелевший Дон обнажил песчаные отмели, и, когда задувал ветер, мелкий белый песок струился, как речная вода.

Над Саркелом кружились коршуны, их было так много, что казалось, стервятники слетелись в это страшное место со всего Дикого Поля.

Князь Идар жаловался, что коней нечем кормить, что пора кочевать дальше на север, где в низинах ещё сохранилась трава. Алк уговаривал его подождать, пугал гневом кня-

зя Святослава. Идар уходил недовольный и каждый раз повторял, что эта отсрочка — последняя: он не может рисковать табунами, слабеют кони и помирают...

Худо было осаждающим, но защитникам Саркела — ещё хуже. Наёмники-гузы давно съели своих коней и теперь варили в котлах сырые кожи, благо в амбарах кожевников оказались большие запасы. Колодцы в крепости почти пересохли, а добывать воду из близкого Дона удавалось редко: тропинки к реке сторожили лучники князя Идара. Люди в осаждённом Саркеле тоскливо смотрели на безоблачное небо, молили богов о благодатном дожде. Тщетно! Однажды небо нахмурилось тучами, но дождь пролился за Доном, будто в насмешку обронив на пыльной городской площади несколько крупных капель.

Царь Иосиф запёрся в высокой башне, которая стояла посередине цитадели. Возле узких, всегда запертых дверей, прорезанных в кирпичной толще, стояли свирепого вида арсии. Остальные горожане давно иссохли от голода и жажды, а усаые лица арсиев лоснились, могучие плечи распирали кольца доспе-

хов. Это казалось удивительным: иссыта-сытые, здоровые!

Немногие в Саркеле знали, что в глубоких подвалах башни ещё сохранились запасы пищи и вино в больших глиняных кувшинах. Тяготы осады не коснулись царя Иосифа и его верных телохранителей.

Царская башня была крепостью в крепости, со своим гарнизоном и со своими запасами. Иосиф надеялся, что она выдержит приступ, если даже руссы ворвутся за крепостные стены Саркела. Стены башни были толстыми и крепкими, бойницы так узки, что сквозь них не сумел бы протиснуться даже ребёнок, а крутые лестницы, которые вели наверх, к жилищу царя, легко защищать даже немногим воинам. Руссы захлебнуться в крови, если попробуют штурмовать башню. А до неё ведь ещё две мощные стены — внутренняя и наружная — да два рва. Только бы продержаться до морозов. Зимовать под крепостью руссы не будут, уйдут.

Перед заходом солнца Иосиф выходил на верхнюю площадку башни и стоял, прямой и неподвижный, в белой длинной одежде, пока

солнце не скрывалось за горизонтом.

Защитники Саркела верили, что царь беседует с богами, и надеялись на чудо, и эта надежда поддерживала их решимость обороняться.

А на что надеялся сам Иосиф? Чего он ждал?

На этот вопрос мог ответить только он сам, но в крепости не было человека, который бы осмелился спросить царя.

Обитатели жилищ внешнего города и войлочных юрт цитадели страдали от голода и жажды, умирали от ран, изнемогали в несменяемых караулах у бойниц и тоже чего-то ждали. Может, смерти, ибо ничто, кроме смерти, не могло избавить людей от нестерпимых мучений осады.

13. МУДРОСТЬ ПОЛКОВОДЦА

Олчаливые дружины руссов вошли в Итиль на следующее утро после битвы. Они миновали глинобитные жилища западной части города, где зимой жили кочевые беки со своими родичами и рабами, а летом по пустым улицам, заросшим пыльной, скудной травой, бродили верблюды и овцы. Не здесь было главное богатство Итиля, а на острове, где были дворцы Кагана и его приближённых, и на другом берегу — в Хазаре, который ещё называли Сарашек, то есть Жёлтый город, место обитания купцов, рынков и складов с товарами.

Возле наплавного моста уже не было сторожевых арсиев. Небольшой отряд наёмников преградил дорогу руссам только на площади перед дворцом. Не рассудок, но отчая-

ние вывело их под русские мечи. Короткая схватка и последние защитники Итиля легли на каменные плиты. Руссы вырубали секирами двери дворца и ворвались внутрь.

Целый караван верблюдов, тяжело нагруженных золотом, серебром, драгоценными камнями, дорогим оружием и амфорами с редкостными винами, привёл в стан князя Святослава воевода Свенельд, которому было доверено собрать лучшую добычу. Дружинники вывозили добро из купеческих амбаров и караван-сараяв, из домов богатых горожан.

А когда руссы покинули город, в Итиль ворвались буйные орды печенегов. Они грабили всё подряд. Всадники в чёрных шапках рассыпались по улицам, вламывались в жилища, убивали жителей трёхгранными кривыми мечами, тащили на волосяных арканах пленников. Город окутался дымом пожаров. Князь Святослав расплатился со своими временными союзниками хазарским добром!

Потом впереди русского войска полетит добрая молва о том, что князь руссов беспощаден только к врагам, не убивает мирных жителей и не берёт последнего, и другие ха-

зарские города предпочитают сдаваться без боя, чтобы их не отдавали на растерзание свирепым печенегам...

А поход продолжался. От разорённого печенегами Итиля руссы пошли дальше на юг, к древней столице Хазарии — Семендеру. Здесь, в предгорьях Северного Кавказа, жили оседлые люди, разводили сады и виноградники, сеяли хлеб. В Семендере был свой царь, по имени Селифан, он подчинялся хазарам, но имел своих вельмож, своё войско и свои крепости, и хазары не входили в его владения, довольствуясь данью и покорностью.

Царь Селифан дерзнул встретить руссов с оружием в руках и потерпел сокрушительное поражение. Остатки его войска рассеялись по укреплённым посёлкам; таких посёлков, обнесённых каменными стенами, здесь было много, потому что завоеватели неоднократно приходили в эту страну. Беззащитный Семендер сдался на милость победителей.

Князю Святославу город не понравился. Жалкие постройки в виде шатров из жердей, переплетённых камышом и обмазанных глиной... Хищные минареты мечетей... Бурые ка-

раван-сараи... Пыльные вихри на площадях... Душный зной и зловоние из переполненных нечистотами рвов... Бедно одетые униженные люди...

Вельможи и богатые горожане бежали в горы, увозя во вьюках и на двухколёсных повозках, запряжённых волами, все ценности. Раздосадованный Святослав отдал Семендер печенегам.

Стремительно пролетели дни, но ещё стремительнее было движение войска Святослава через земли аланов и касогов, жителей предгорий.

Взята копьём сильная крепость Семикара, построенная хазарами для защиты сухопутной дороги к устью реки Дона.

Вперёд! Только вперёд!

Нечастые днёвки на берегах речек и у степных колодцев почти не задерживали войско. Одни дружины отдыхали, другие продолжали двигаться вперёд, расчищая путь мечами и копьями и захватывая свежих коней для обоза. Близился край коренных хазарских владений. Ночные ветры уже приносили солёный запах моря.

Когда от жителей прибрежных городов Тмутаракани и Карчева приехали тайные послы, князь Святослав объявил своим воеводам:

— Война окончилась. Впереди земля, жители которой не хотят быть нашими врагами. Пора вложить меч в ножны и проявить к людям милость...

И это была правда. Разноязыкое и разноплеменное население приморских городов лишь вынужденно терпело власть хазарского царя. Хазарские гарнизоны сидели за стенами цитаделей, окружённые морем ненависти. В князе Святославе горожане видели избавителя от хазарского ярма и готовы были подняться с оружием в руках против своих угнетателей.

Князь Святослав отослал обратно в степи своих союзников-печенегов и дальше двигался один.

А в городе Тмутаракани уже разгорелось пламя мятежа. По тёмным улицам, прячась от стражи, перебегали закутанные в плащи люди. Из-за саманных заборов слышался скрежет стали о точильные камни. В храм

Иоанна Предтечи собрались городские старейшины. Ненависть к хазарам объединила всех, а приукрашенные людской молвой рассказы о непобедимости русского войска вселяли уверенность в успехе.

Тмутараканский тадун, извещённый соглядатаями о недовольстве горожан, решил покинуть город. Из цитадели выехали всадники с факелами в руках. Хазары швыряли факелы на крыши домов, убивали жителей, пытающихся тушить пожары. Сплошное зарево поднялось над городом.

Навстречу русскому войску понеслись, загоня насмерть коней, гонцы от старейшин гибнувшего города: «Спаси, князь! Поспеси в Тмутаракань!»

Но русское войско опоздало. Хазарский гарнизон успел переправиться на другую сторону пролива, где в городе Корчеве тоже была цитадель и тоже сидел хазарский тадун.

Князя Святослава встретили толпы рыдающих тмутараканцев в прожжённых одеждах, с набрякшими от крови повязками на свежих ранах. Воздевая руки к небу, они проклинали хазар. Многие изъявляли желание тут же

взяться за оружие, чтобы помочь руссам изгнать хазарского тадуна из Корчева.

Через пролив переправилась отборная дружина воеводы Свенельда, но в штурме ей не пришлось участвовать. Вооружённые горожане со всех сторон окружили Корчев, привезли каменётные машины и множество лестниц. С отчаянной храбростью горожане полезли на стены. К вечеру ни одного живого хазарина не осталось в Корчеве. Не осталось и мёртвых: их тела были сброшены в городской ров на съедение бродячим псам. Отрубленные головы двух тадунов — тмутараканского и корчевского привезли князю Святославу.

Руссы, не приближаясь к огнедышащим стенам Тмутаракани, разбили свои станы в окрестных селениях и садах, которых было много вокруг города. Омывали усталые, растёртые кольчугами до кровавых ссадин, тела в ласковых водах Сурожского моря[22]. В огромных количествах поглощали варёную баранину и фрукты, принесёнными благодарными тмутараканцами. Как будто не на чужбину, а на родную землю пришло войско. На-

ступило время отдыха от ратных трудов, время пиров и мирной торговли. Тмутараканские и корчевские купцы, ещё вчера с яростными воплями карабкавшиеся на стены цитадели, теперь звенели серебром в кожаных кошелях, раскидывали перед дружинниками драгоценные греческие паволоки, щедро наливали в кубки тёмное вино из узкогорлых амфор.

Мирное небо голубело на Сурожским морем, и князь Святослав даже не подозревал, какой переполох вызвали его победы над хазарами, какие устрашающие слухи опередили суровую поступь воинов. Смятение было и в Царьграде, и в Багдаде, и фьордах Скандинавии.

Архонт руссов Святослав вышел к Босфору Киммерийскому[23], благоденствие херсонской фемы[24] зависит лишь от его доброй воли!..

Железнобокая конница эмира северных народов Святослава в неделе пути от кавказских перевалов и некому преградить ей дорогу во владения арабского халифата!

Конунг Святослав собирает ладьи и скоро

всё море станет опасным для варяжских торговых караванов!

Святослав выбирает, на кого обрушить меч!..

Святослав, Святослав, Святослав...

Грозное имя русского князя звучало летом 965 года на многих языках, его произносили с тревогой и ненавистью, с восхищением и надеждой, но никогда — равнодушно. Князь Святослав казался воплощением могучей силы, которая вдребезги разнесла обветшалое здание Хазарского каганата и теперь готовилась к новому прыжку.

Но куда?

Вожди кочевых племён и наместники земледельческих областей, стратеги византийских фем и императорские сановники, мусульманские визири и прославленные полководцы арабского халифата ловили слухи о князе Святославе, подсылали соглядатаев, составляли про запас посольские встречи, готовили караваны с богатыми дарами на случай мира и полки на случай войны.

Но больше всего их интересовал сам русский князь, неожиданно вознёсшийся на вер-

шину воинской славы. Они расспрашивали очевидцев о словах и поступках Святослава, прикидывали, как использовать его возможные слабости, чтобы повернуть дело себе на пользу. Даже за внешней простотой, которой, по слухам, отличался предводитель руссов, подозревали какой-то скрытый смысл. Гадали, к какой религии склоняется князь. Казалось, все взяли на заметку опытные вершители государственных дел, даже то, что князь Святослав был молод, очень молод — в лето хазарского похода ему исполнилось всего двадцать три года. А это возраст, когда чувства ещё властвуют над разумом...

Представлялось вероятным, что юный предводитель руссов поведёт войско в сказочно богатую Таврику[25], где среди вечной зелени нежатся на берегу тёплого моря белые города, где сады отяжелели от фруктов, а несчитанные отары овец сползают по горным склонам в долины. Разве можно удержаться при виде такого незащищённого богатства?

Таврический путь князя Святослава казался единственно возможным и даже неизбежным, как ливень, который следует за чёрной

тучей...

Но они ошиблись, эти многомудрые мужи, угадыватели чужих мыслей и похитители чужих тайн, и причина их ошибки коренилась в непонимании самой сути хазарского похода. К Босфору Киммерийскому пришёл не лихой стяжатель добычи, а предводитель войска великой державы, и его стремительный бросок на Хазарию был лишь началом единого сабельного взмаха, который прочертит широкий полукруг от Каспия до Дуная. Не о сиюминутной выгоде думал Святослав, остановивший войско на пороге Таврики, но о будущих великих походах. Ворваться в Таврику значило воевать с Византийской империей, а время для этого не пришло. Недавние завоевания требовали закрепления.

Ещё сидел за кирпичными стенами Саркела царь Иосиф, помышлявший сложить на обломках Хазарии новый каганат. С опаской поглядывали вятичи на невредимый Саркел, который они называли «Белая Вежа» и который по-прежнему казался им символом хазарского могущества. Что значили для вятичей победы на Волге и на Северном Кавказе?

Лишь негромкое эхо этих побед доносилось до вятичских лесов. А Саркел был рядом и там сидел хазарский царь!

Только падение Саркела развеяло бы последнюю веру вятичей в силу хазар. Самому Святославу взятие степной крепости не сулило ни достойной добычи, ни славы — что это значило по сравнению с недавними громкими победами! Но всё-таки Саркел нужно было брать и князь Святослав повернул своё войско на север.

Он уходил из Тмутаракани, оставляя позади себя не кровь, не дым пожаров и не проклятия, а благодарную память жителей. Добрые семена доверия и дружбы, посеянные в тмутараканской земле, прорастут щедрой нивой. Поднимется на берегу Сурожского моря ещё одно русское княжество и будут там править князья русского рода...

14. ШТУРМ САРКЕЛА

а исходе сентября, когда к тёплому морю протянулись первые журавлиные стаи, в русский стан под Саркелом приехал гонец из стана Святослава. Он передал долгожданные слова князя: «Ладьи построены, войско готово к походу. Скоро буду сам!»

Много было радости в дружине. Приближался конец осады. Гонец сказал, что на ладьи погружены каменёмётные орудия, перед которыми не устоят никакие стены.

Каменёмётные орудия — катапульты[26] были изготовлены искусными византийскими мастерами. Византийцы, озабоченные безопасностью своих владений в Таврике, искали дружбы князя Святослава и были готовы на любые услуги. Первой пришла, опередив судовой караван князя Святослава, большая

конная рать воеводы Люта Свенельдовича. Алк вздохнул с облегчением, кончилось их с Вестом воеводство под стенами проклятого Саркела, тяжкий груз ответственности перекадывался на другие более сильные и опытные плечи!

Лют Свенельдович был настоящий военачальник, не то что добродушный силач Вест. Воин он отважный и товарищ хороший, но не воевода. Вест с самого начала объявил: «Драться нужно — вот он я! Всегда готовый! А от начальствований меня освободи, побратим. Не по мне это дело...»

Алк даже обиделся на побратима, но потом понял, что нельзя требовать от человека того, чего нет. Сила-то у Веста богатырская, но ум не быстрый. Каждый на свой лад красен...

Однако думать одному за всю дружину было нелегко, и Алк искренне обрадовался воеводе Люту.

Гузы тоскливо смотрели сквозь бойницы, как надвигается из степи на город многочисленная конница, как растут возле стен Саркела воинские станы. Они больше не кричали и не пускали стрелы, даже если любопытные

дружинники из новоприбывших подъезжали к стенам совсем близко. Видно защитники Саркела чувствовали приближение конца и берегли стрелы для последнего боя.

С ликующими трубными возгласами, развевающимися стягами подплывала к Саркелу судовая рать князя Святослава. Всё осадное войско столпилось на донском берегу, оставив возле воротной башни небольшую сторожевую заставу. Вылазки из города уже не опасались — не до того гузам. Видят, поди, как по реке надвигается неминуемая гибель!

Воинские ладьи плыли величественно и грозно.

Алк вспомнил своё сторожевание на Оке и поразился несхожести тогдашних и нынешних чувств. Тогда были страх и враждебность, теперь горделивая радость, счастливое приобщение к этой могучей силе...

Не дожидаясь, когда гридни перекинут на берег мостки, с большой нарядной ладьи спрыгнул князь Святослав, пошёл, разбрызгивая воду красными сапогами к воеводе Люту и Алку. Князь был без доспехов, в просторной белой рубахе до колен: ветер шевелил длин-

ный локон волос на его непокрытой голове.

Князь почти не изменился с того времени, как Алк видел его в последний раз под Итилем, только лицо его больше загорело, стало почти коричневым, и ещё ярче выделялись на нём голубые глаза. Он по-прежнему носил серьгу с жемчужинами и рубином, но теперь к ней прибавилась золотая цепь на шее. Алк узнал потом, что эту цепь подарили князю благодарные жители Тмутаракани.

— Ну как, воевода? — весело спросил князь, повернувшись к удивлённому таким обращением Алку. — Не упустил царя-то? На том спасибо. Кончилось твоё сидение под Саркелом.

Да, осадное сидение кончилось!

Прибытие князя Святослава словно прогнало из дружины сонную одурь. Застучали топоры плотников, ладивших штурмовые лестницы. Печенег под присмотром русских десятников растаскивали заграждение из телег, открывая проходы для приступа.

Византийские мастера в коротких синих кафтанах хлопотали возле катапульт, прилаживали к деревянным рамам упругие кана-

ты, сплетённые из воловьих жил, натягивали рычаги.

Дружинники ставили на колёса большой деревянный сруб, обтянутый сырой кожей — «черепашу». Сырые кожи должны были уберечь боевую машину от хазарских горячих стрел. Внутри «черепашки» висело на цепях тяжёлое дубовое бревно, окованное железом — таран.

Тысячи людей, русских ратников и печенегов, подносили землю в мешках, корзинах, а то и просто в шапках — засыпали ров. Как по ровному полю, поползёт к Саркелу страшная своей неуязвимостью «черепашка», и воины, спрятавшиеся внутри, будут долбить тараном крепостные ворота.

Вечером ратники искупались в прохладной речной воде, переоделись в чистые рубахи. Утром — приступ!

Штурм Саркела поразил Алка осмысленностью и чёткостью движений войска.

Первыми к стене побежали цепи лучников, осыпая врагов стрелами. Едва меж зубцами стен или в бойнице показывалась лохматая шапка гуза, туда летело несколько смер-

тоносных стрел, и защитники города не могли как следует прицелиться в набегавших со штурмовыми лестницами пещцев.

Лестницы густо облепили стену, по ним взбирались наверх воины с мечами и топорами, а у подножия стены ждали своей очереди другие воины, прикрываясь от камней и стрел большими щитами.

«Черепаха» уткнулась в проем воротной башни. Тяжёлые удары тарана сотрясали башню, крошились железные полосы на воротах, летели щепки от толстых дубовых брусьев. Ворота гнулись и расползались щелями.

А за «черепахой» уже стояла конная княжеская дружина, ожидая, когда наконец рухнут ворота и можно будет ворваться в крепость. Честь первыми ворваться в город была доверена самым храбрым воинам. Среди них был сотник княжеской дружины вятич Алк.

Но первыми в Саркеле оказались не княжеские дружинники, а пешие ратники, которые забрались по лестницам на стену. Они захватили башню и изнутри откинули засовы.

Бой разгорелся на узких улочках внешнего

города. Гузы молча падали под ударами мечей и копий. Они не просили пощады. Сами не щадившие никого, они считали, что побеждённый не достоин жить...

Только немногие гузы успели добежать до внутренней стены и укрыться в цитадели.

И всё повторилось снова.

Пешие лучники натянули свои луки, поражая стрелков на гребне стены. Пешцы прислонили к стене лестницы и полезли наверх; выставив вперёд мечи, они протискивались между зубцов и исчезали в цитадели. Затихал, удаляясь, шум боя. Распахнулись ворота, отомкнутые изнутри. Дружинники в конном строю въехали в цитадель.

Оставалась только высокая башня — последнее убежище царя Иосифа. Княжеские дружинники спешили и медленно пошли вперёд. Навстречу им летели стрелы; не короткие и толстые стрелы гузов, а длинные, с хищными зубринами на остриях — оружие арсиев. Дружинники подняли щиты над головами и под их прикрытием начали долбить топорами дверь.

Алк тоже бросил уздечку кому-то из пеш-

цев и, расталкивая толпу дружинников, приблизился к башне. И — вовремя! Дружинники разом нажали и тяжестью своих тел, обтянутых кольчугами, выдавили остатки дверей и ворвались в башню. Алка кто-то толкнул в спину, он не удержался на ногах и упал головой вперёд в темноту.

Над ним скрежетала сталь, раздавались хриплые возгласы сражавшихся, стоны. Кто-то больно наступил сапогом на правую руку, Алк невольно разжал пальцы, меч откатился. Он шарил рукой по каменным плитам пола и никак не мог найти рукоятку своего меча. С трудом отполз к стене, поднялся, прижимаясь спиной к осклизлым холодным камням. Глаза постепенно привыкали к полумраку.

Дружинники, взмахивая мечами и топорами, теснили арсиев вверх по узкой лестнице. То один, то другой скатывался по ступеням вниз, на грудь тел, уже лежавших у подножия лестницы. Но через разбитые двери протискивались и спешили на помощь новые дружинники.

Алк подхватил оброненный меч и тоже бросился в сечу.

Шаг за шагом, переступая через павших товарищей, скользя на мокрых от крови ступеньках, дружинники поднимались наверх.

Первая площадка башни, вторая... Арсиев было не очень много, но в тесноте численное превосходство не давало штурмовавшим преимущества. В узких переходах и поворотах лестницы могли сражаться плечом к плечу не больше двух воинов, а остальные, напирая и толка в спины, только мешали им свободно действовать оружием.

Третья площадка, четвёртая...

Алк оказался лицом к лицу с усатым, свирепого вида арсием — все дружинники, ворвавшиеся прежде Алка в башню, уже лежали на ступеньках лестницы.

Меч арсия скользнул по кольчуге юноши. Поднять руку для следующего удара арсий не успел: пригнувшись, Алк боднул своим остроконечным шлемом в усатое, хищно оскаленное лицо врага.

Сам он тоже не удержался на ногах, упал на колени и сжался, ожидая смертельного удара. Но удара не последовало. Лестница впереди была пуста. Неужели он убил послед-

него защитника царя Иосифа?

Ещё несколько крутых ступеней, поворот...
Последняя площадка башни!

Бойницы здесь были шире, чем внизу, и солнечные лучи свободно проходили сквозь них, освещая красивый ковёр на полу, яркие шёлковые подушки на широкой постели под балдахинном.

Алк догадался, что здесь было жилище царя.

Но где он сам?

В углу, загораживая спиной узкую дверь, замер тучный старик в богатом халате. Он что-то закричал пронзительным голосом, негодуяще взмахнул руками, будто отгоняя Алка и ворвавшихся следом за ним дружинников.

Алк отшвырнул старика в сторону, ударил сапогом в дверь.

Дверь бесшумно открылась.

Ещё одна лестница, совсем узкая, каменные стены касаются плеч.

А потом прямо в глаза ударило ослепительное солнце — Алк был на вершине башни. Шагах в десяти, между двумя каменными

зубцами, стоял царь Иосиф.

Повелитель Хазарии был в белой одежде, крупными складками опускавшейся до самого пола, руки скрещены на груди, на пальцах разноцветными огоньками сверкали драгоценные камни перстней.

Звеня доспехами, карабкались по узкой лестнице дружинники и остановились тяжело дыша, за спиной Алка.

Преодолевая невольный трепет, Алк медленно двинулся к царю.

Но царь Иосиф вдруг шагнул назад, за зубцы башни, и беззвучно упал в пустоту. Громко закричали люди у подножия башни, и в этом крике не было слышно страшного удара упавшего с высоты тела...

Князь Святослав приказал до основания разрушить Саркел, чтобы и память об этом зловещем городе исчезла.

Отшумели почестные пиры. Полуведёрная круговая чаша обошла войско, от князя до последнего погонщика верблюдов, и заняла своё место в сундуке виночерпия-кравчего. Общей была победа, общим был и пир.

Поднялся на донском берегу высокий кур-

ган, последнее прибежище павших в бою товарищей, и уже справили на нём тризну, которая, по обычаю, следовала за почестным пиром.

Под надёжной охраной уплыли вверх по Дону ладьи с добычей похода. Можно было возвращаться домой.

Но князь Святослав медлил, будто ожидал кого-то. И — дождался. Из Таврики, от византийцев, приехал гонец. Императорский вельможа Колакир извещал о своём намерении посетить Киев, чтобы поговорить с князем и старейшинами Руси о делах государственных, выгодных той и другой стороне.

Никто, кроме самого князя, не догадывался, какими будут эти дела.

Святослав вдруг заторопился, оставил с войском старого Свенельда и воевод пешей рати Асмуда и Воиста, а сам с ближней дружиной поехал в Киев прямо через Дикое Поле, пренебрегая опасностями этого пути. Дружинники вели в поводу запасных коней, чтобы не искать подмену в печенежских кочевьях. Хоть печенеги и считались союзниками, доверять им было безрассудно.

Никогда раньше, да и после тоже никогда, Алк не разговаривал так много с князем Святославом. Видимо князь нуждался в благодарном слушателе и нашёл его в молодом вятиче. Далеко опередив дружину, князь Святослав и Алк ехали рядом, стремя в стремя.

Бесконечно огромная расстилалась вокруг степь и под стать ей были планы князя Святослава. Неизведанные дали раскрывались перед глазами Алка, в степных миражах чудились сказочные города, жёсткая степная трава склонялась к ногам коней, как толпы побеждённых врагов, а неутомимые кони несли и несли витязей в остроконечных шлемах вдогонку за закатным солнцем, которое будто указывало дальнейший путь князя Святослава — на Запад. И Алк был счастлив, чувствуя своё сопричастие к великим замыслам князя.

Хазарский поход, только что владевший всеми мыслями Святослава, отодвигался куда-то далеко-далеко. Хазария была лишь ступенькой на лестнице подлинного величия, по которой повёл Святослав молодую, стремительно набирающую силы, Русь.

А как высока будет эта лестница?

— Русь крепко встала на краю моря, у Дона-руки, — возбуждённо говорил князь Свято-слав. — Но у моря два края. Другой край моря на Дунае. Туда теперь лежит путь наших коней!

— Да сбудется всё задуманное тобою, княже! — шептал Алк. — Да сбудется!

15. ПОСЛЕДНЯЯ СТРЕЛА

Прошло шесть лет. Последняя чёрная стрела с родовыми знаками осталась в колчане Алка. Всякие стрелы были в обозе княжеского войска — и византийские, и болгарские, и арабские, и изделия киевских мастеров-умельцев, а таких стрел, как снаряжали в роде старого Смеда, больше ни у кого не было. Крепко берег вятич свои родовые стрелы и потому каждая выпущенная стрела остава-

лась, как зарубка в памяти.

Понадобилась чёрная стрела в первой стычке с болгарами на Дунае, было это в лето шесть тысяч четыреста семьдесят шестое[27]. Войско царя Петра стояло на берегу, а по Дунаю плыли ладьи князя Святослава. Не стал Святослав уклоняться от боя, хотя и не искал ссоры с болгарами. Русские ладьи врезались носами в песчаный берег, воины высаживались и тотчас выстраивались рядами, составляя из щитов непреодолимую стену. Царь Пётр послал вперёд боярскую конницу. Но нарядные всадники даже не доскакали до линии красных русских щитов и принялись заворачивать коней. А через реку медленно плыли большие плоты с дружинной конницей. Алк со своей сотней раньше других выбрался на сушу и, объезжая русский и болгарский пехотный строй, вырвался к холмику, где в окружении бояр стоял царь Пётр в красном плаще и высокой, вышитой золотом шапке. Возле него суетился горбоносый смуглый человек в шлеме с перьями. «Византиец!» — догадался Алк и потянул из колчана чёрную стрелу.

Царь Пётр с ужасом оглянулся на рухнувшего советника и приказал трубить отступление. Но они опоздали, эти багроволицые, надменные царские трубачи, в нарядных кафтанах, с серебряными трубами. Бегство началось раньше, чем они поднесли трубы к губам. Нахлёстывая коней, уносились прочь болгарские дружины. Врассыпную бежали ополченцы, бросая копья в траву. Царские телохранители посадили своего правителя в крытую повозку, запряжённую четвёркой сильных коней, и умчались. А руссы, вложив мечи в ножны, вернулись к своим ладьям.

Князь Святослав сказал пленным:

— Идите по домам, рассказывайте всем, что воюю не с болгарами, которые суть тоже славянского корня, но с царём Петром и его недобрыми советниками!

Эти слова многое объясняют.

Восемьдесят крепостей построили римляне и византийцы на Дунае и в придунайских землях. И все восемьдесят крепостей взял князь Святослав за лето и осень 968 года, поражая врагов и союзников стремительностью переходов, яростью скоротечных приступов

и... неожиданным милосердием!

Победное шествие по болгарской земле не сопровождалось грабежами и разорением городов. Обосновавшись в Переяславце, князь Святослав замирился с болгарам, чтобы продолжать совместную борьбу со злейшим врагом русских и болгар — Византийской империей. Но как раз это-то и не устраивало императора Никифора Фоку. Он подкупил печенежских князей, и степняки двинулись на Киев. Так был зажжён пожар за спиной князя Святослава, вынудивший его уйти из Болгарии и поспешить на помощь собственной столице.

Алк хорошо помнит эту весну 969 года.

Над степью летели стяги — багряные и голубые, туго вытянутые встречным ветром. Сотня за сотней, как полноводная река, катилась дружинная конница по тёплой и влажной земле, легко и неслышно. Воины в остроконечных шлемах вели в поводу запасных коней. Размашистой рысью бежали вьючные лошади и трудно было разобрать, где кончается дружинный строй, а где начинаются обозы — и там и тут одинаково быстрыми были

всадники и кони, только впереди на одного всадника приходилось два коня, а во вьючном обозе — десять. Сам по себе этот стремительный бросок через степи был подвигом, на который способно лишь закалённое в дальних походах войско.

Печенеги поспешно отошли от Киева, но этого князю Святославу было мало. Возмездие должно быть грозным и неотвратимым. Мёртвая тишина должна воцариться в печенежских степях, пока он воюет на Дунае!

Печенеги обычно мало опасались нападений. Их хранили от врагов немереные просторы Дикого Поля и быстрота бега неутомимых, привычных к дальним переходам степных коней. У печенегов не было городов, а становища из лёгких войлочных юрт и крытых повозок в случае опасности рассеивались по степям, растворялись в балках и оврагах, в камышовых зарослях и дубравах по долинам рек, но эта война не была похожа на прежние...

Конница князя Святослава шла облавой, загоня печенежские кочевья в излучины рек, а на воде их поджидали ладьи с пешими

воинами. Печенеги метались в железном кольце, но спасения не было — всюду их встречали копья и мечи. Долго потом в колючей траве белели кости и некому было насыпать над ними курганы, потому что печенеги даже близко боялись подойти к полям поражений. Многочисленные табуны и стада, главное богатство печенегов, медленно потекли к берегам Днепра, охраняемые русскими воинами. Печенежские князья посылали гонцов с просьбами о мире, клялись не нападать больше на русские земли. Казалось, война окончена, но Святослав долго ещё посылал в степи конные отряды, отыскивая непокорившихся. Одним из таких отрядов командовал сотник Алк.

На дне глубокого оврага неожиданной встретились два знакомца — Алк и печенежский князь Идар. Злобным торжеством заблестели глаза печенега: воинов у русского сотника было раза в три меньше. Но просвистела чёрная стрела, и князь Идар покатился по пыльной траве. Воины его кинулись врассыпную. Сотник Алк привёз Святославу серебряный пояс Идара, и снова князь похвалил его:

— О свирепости сего печенега люди рассказывали. Лютого врага ты завалил!

В следующем году князь Святослав был уже на Дунае. Византийцы окончательно были выброшены из Болгарии. Поражение стоило императору Никифору Фоке жизни: его убили в собственном дворце. Новым императором был объявлен Иоанн Цимисхий, опытный полководец, прославившийся победами в Малой Азии.

А между тем русские и болгарские дружины уже приблизились к границам империи. Но войти в Византию было нелегко, путь преграждали Гимеи[28]. Все дороги через них были прикрыты византийскими копейщиками и лучниками. Ловкие и сильные лучники из стратиотских семей[29] поднимались на отвесные скалы, привязывали себя ремнями к кустам и стволам деревьев, чтобы сверху поражать стрелами вражеских вождей.

Алк ехал по ущелью рядом с князем Святославом. Впереди, над обрывом, чуть шевельнулись кусты. Алк насторожился, наложил на тетиву чёрную стрелу. Над кустом поднялся византиец с луком в руках. Но поёт чёрной

стрелы опередил его. Долго ещё смотрели дружинники, проезжавшие мимо этого места, как раскачивается вниз головой византийский лучник — ремень, которым он привязался к кусту, не дал ему упасть вниз...

Князя Святослава не остановили горные теснины. Болгарские проводники показали руссам тропы, о которых не подозревали даже местные пастухи, и руссы неизменно оказывались позади византийских сторожевых застав. Окружённые врагами и горными кручами, византийцы бросали оружие или погибали в безнадёжных схватках. Они даже не успевали отправить гонцов, чтобы предупредить своих военачальников. Потоки русской и болгарской пехоты, дружинной конницы сразу во многих местах неожиданно ворвались в Фракию[30].

Под Аркадиополем, находившимся совсем недалеко от византийской столицы, двенадцатитысячное отборное войско опытного полководца Варды Склира попыталось задержать князя Святослава, но потерпело поражение.

Император Иоанн Цимисхий запросил ми-

ра. Вопреки ожиданиям переговоры с князем Святославом оказались непродолжительными и нетрудными. Император охотно согласился возместить военные расходы и выплатить дань. Смучило его только требование князя руссов: «До Болгарии вам дела нет!» От империи отпадали многолюдные и богатые земли, которые византийцы привыкли считать своими владениями. Но спорить не приходилось. Империи необходим был мир!

И мир был заключён. Князь Святослав увёл своё грозное воинство обратно через Гимеи. Он не подозревал, что император подписал мир, чтобы подготовиться к новой войне!

В Византии шли лихорадочные военные приготовления, набирались новые полки, снаряжался огненосный флот. Значительно было увеличено войско катафрактов, блестящих всадников, с головы до ног закованных в броню; даже у коней были панцири и железные шлемы. Император создал двухтысячное войско «бессмертных», куда призывались самые сильные, опытные, храбрые воины.

Весной 971 года тридцатитысячное византийское войско густыми колоннами двину-

лось к Гимейским горам. Его возглавлял сам император Иоанн Цимисхий — в блестящих доспехах, на рослом коне, с длинным боевым копьём в руках. За императором стройными рядами ехали две тысячи «бессмертных».

Всё благоприятствовало успеху похода. Разведчики, возвратившиеся с Гимеев, приносили обнадеживающие вести: горные дороги не заняты русскими и болгарскими заставами. Приехавшие из Болгарии купцы единодушно подтверждали, что князь Святослав не ожидает войны, живёт в Доростоле, на Дунае, а его воины стоят гарнизонами в разных городах. Император Иоанн Цимисхий подумал, что руссы совершают непоправимую ошибку. Разве можно рассредоточивать войско?

Стремительный бросок через Гимейские горы подтвердил громкую славу полководца Цимисхия. Преодолев перевалы, ущелья и бешеные горные потоки, византийское войско благополучно вышло на северные склоны Гимеев. Впереди лежала Болгария...

Алк впервые за последние годы оказался далеко от князя Святослава. Воеводе Сфенкелу и ему было приказано стоять с дружиной в

городе Преславе, древней столице Болгарии, и охранять нового болгарского царя Бориса. Так попросил сам царь, не надеясь на благорасположение своих поданных.

Площадка сторожевой башни была просторной и ровной. Старые каменные плиты отполированы до зеркального блеска. Несколько столетий сменялась здесь стража. Ходили по площадке римские легионеры в тяжёлых сандалиях, подкованных медными гвоздями. Тогда у северных отрогов Гимейских гор ещё не было большого города, и сторожевая башня стояла одиноко и угрожающе, как символ чужой, подавляющей силы. Шаркали по вечным каменным плитам мягкие, без каблуков, сапоги скифов — жителей степей. Звенели шпорами наёмники-варяги. А потом покой Преслава оберегала болгарская стража. Ныне же рядом с болгарскими воинами стояли русские дружинники. В то памятное утро 12 апреля 971 года поднялся на башню и воевода руссов Алк, хотя ему вовсе не обязательно было быть здесь. Однако неясная тревога, предчувствие беды заставили Алка покинуть затемно уютную ложницу в цар-

ском дворце, ещё раз обойти стены.

Утро было тихим и прохладным. Над полями и виноградниками медленно поднималось солнце. Недалёкие горы дышали влажным холодом. Из ущелий клубами белёсого дыма выползали на равнину туманы.

Рассветная тишина неожиданно взорвалась рёвом боевых труб, оглушительным медным звоном литавр и кимвалов. Из тумана выходили колонны византийского войска, разворачивались боевым строем на равнине, зеленевшей первыми весенними всходами. Косые лучи солнца праздничным блеском отразились в железе доспехов. Гордо развевалось бело-голубое знамя «бессмертных», выдавая присутствие в войске самого императора.

Дружинник на башне затрубил в рог. По-разному откликнулись люди в Преславе на этот тревожный призыв.

Воевода Сфенкел снял со стены меч в простых ножнах, который брал с собой только в большие битвы. А в том, что битва будет, воевода не сомневался. Не к лицу руссам отсиживаться в крепости, князь Святослав говорил,

что за стенами прячутся только трусы, а сильные и мужественные сами выходят в поле, навстречу опасности, ибо только решительное сражение может принести победу...

Царь Борис по потайному ходу поспешно покинул свой дворец и укрылся в небольшом доме среди садов — решил подождать, чем закончится сражение. Борис надеялся, что царский титул защитит его при любом исходе...

Русские и болгарские дружинники, составляющие гарнизон Преслава, вооружались и бежали на площадь к царскому дворцу, где воевода Сфенкел установил место общего сбора.

Зажиточные горожане зарывали в землю монеты, прятали в тайники товары и дорогую утварь. Так поступали даже те, к кому прокрадывались по ночам византийские лазутчики. Обычай императорских вояк были хорошо известны: сначала отнимут всё добро, а потом начнут разбираться, кто им враг, а кто — скрытый друг...

Городские ополченцы столпились у амбаров, где в мирное время хранилось их оружие. Царь Борис мог нравиться или не нра-

виться, к предводителю руссов Сфенкелу можно было относиться дружественно или подозрительно, но оборонять свои дома были готовы все. От византийцев жители Преслава не ждали ничего хорошего...

Разобравшись по десяткам и сотням, воины пошли к городским воротам. Руссы и болгары шли на битву в одном строю, и трудно было различить, кто пришёл с великой реки руссов Днепра, а кто влился в войско здесь, в Болгарии. С роковой минуты, когда рог дружинника возвестил о боде, прошло совсем немного времени. Медлительное императорское войско ещё не успело приблизиться к стенам Преслава.

Когда император Цимисхий увидел руссов, выходящих из ворот, он был удивлён и озадачен. Согласно всем правилам войны неприятель, оказавшийся в численном меньшинстве и к тому же застигнутый врасплох, должен отсиживаться за крепостными стенами, пока не подойдут подкрепления...

Замешательство императора длилось недолго, но руссы успели построиться для сражения. Перед византийцами стоял со-

мкнутый строй тяжеловооружённой пехоты, силу такого строя византийцы знали по прежним сражениям. Однако руссов было не очень много, и император Цимисхий был уверен в успехе.

Алку впервые довелось наблюдать за сражение, как бы со стороны. Воевода Сфенкел строго-настрого запретил ему выходить в поле. Дело Алка и его людей — отстоять ворота, не дать византийцам ворваться в город на плечах отступающих русских воинов, если сражение в поле обернётся не в их пользу. Алк понимал важность этого дела и смирился.

Византийское войско приближалось. По сигналам своих военачальников пешие стратиоты расступились, пропуская вперёд конницу катафрактов. Волны закованных в железо всадников накатывались на русский строй и отступали. Русские стояли непоколебимо.

Тогда император Цимисхий двинул свою пехоту. Две фаланги[31], византийская и русская, сошлись врукопашную. Под страшным напором русский строй качнулся, но тут же выпрямился, отбросив поредевшие ряды стра-

тиотов. Атака не удалась.

Снова на равнину, усеянную телами павших, вынеслась конница катафрактов. Русские стояли, прикрываясь своими большими щитами. Заканчивался второй час битвы.

«Сколько может длиться кровопролитие? — раздражённо думал Цимисхий. Не для того я преодолел опасные Гимеи, чтобы положить половину войска в первом же сражении!»

И император двинул вперёд своих «бесмертных».

Две тысячи отборных всадников, закованных в броню, гордых доверием императора и жаждавших отличиться, смяли левое крыло руссов. Одновременно лёгкая конница, привыкшая к стремительным рейдам в тыл неприятеля, отрезала руссам путь к отступлению. Император ждал замешательства и беспорядочного бегства, обычных для окружённого войска, когда пехотинцы, преследуемые конницей, обречены на полное уничтожение. Однако руссы не позволили расстроить свои ряды. Воодушевила ли их властная воля полководца, или сами они умели отходить, не на-

рушая строя, но ожидаемого бегства не получилось. Катафракты скорее провожали руссов как почётная стража, чем преследовали их. Цепи, легковооружённых всадников, пытавшихся отрезать руссов от города, были разорваны мгновенно. Руссы втянулись в Преслав и крепко заперли за собой ворота.

Алк облегчённо вздохнул, когда с лязгом закрылись воротные засовы. Помощь его воинов не потребовалась: византийцы не осмелились приступить к воротной башне, а немногих смельчаков, подскочивших к стене, отогнали лучники.

Ночью Сфенкел и Алк обошли городские стены. Воины были бодры и готовы защищать город. Никто не воспринял вчерашнее отступление как поражение. Потери оказались тяжёлыми, но боевой дух защитников Преслава не был подорван. И это было главное...

Византийцы подвезли к стенам тяжёлые метательные орудия. С грохотом и скрипом взметнулись рычаги. Каменные глыбы и горшки с горючей смесью, медленно поворачиваясь на лету, обрушивались на город.

Опрокидывались и рассыпались щебнем каменные зубцы стены. Потoki горячей жидкости поползли по крышам домов. Сразу во многих местах города вспыхнули пожары. Клубы чёрного дыма закрыли солнце.

Казалось всё сметено с гребня стены этим каменным смерчем. Но город не сдавался. Бойницы извергали стрелы и дротики, на головы приступавших врагов падали со стены камни и брёвна. Много стратиотов нашли смерть у её подножия, а забравшихся наверх храбрецов встречали копья и мечи дружинников. Приступ был отбит.

Снова метали камни и греческий огонь смертоносные орудия. Стратиоты и спешенные катафракты добежали до стены, карабкались по штурмовым лестницам и откатывались, утрашённые потерями. Так продолжалось до темноты. Преслав держался.

Воевода Сфенкел собрал предводителей дружины и городского ополчения на совет. Невесёлыми были речи военачальников. От обстрела погибло больше воинов, чем во время полевого сражения. Ещё несколько таких дней и город просто некому будет защищать.

Но слабодушных не было. Следом за воеводой Сфенкелом Алк повторил как клятву слова князя Святослав: «Да не посралим земли Русской, но ляжем костьми! Мёртвые сраму не имут!»

И вот наступило 14 апреля, последний день обороны Преслава. Заработали осадные орудия. Стратиоты полезли на оголившиеся стены. И таким великим представился самим византийцам подвиг воина, первым ворвавшегося в город, что исторические сочинения сохранили его имя — Феодосий Месоникт, родом из восточных провинций империи.

Но авторы византийских исторических сочинений умолчали, что схватка была выиграна не доблестью воинов императора Цимисхия, а метательными орудиями: каменные глыбы сломали живую человеческую плоть...

Стратиоты колоннами вливались в улицы, сметая немногочисленные заставы руссов и болгар. За пехотой в конном строю спешили катафракты. Воинов не нужно было больше подгонять, все рвались вперёд, ибо знали львиная доля добычи достанется тому, кто войдёт первым.

Но сражение за Преслав ещё не закончилось. Сфенкел и Алк с немногими уцелевшими дружинниками укрылись в царском дворце, обнесённом невысокой, но достаточно крепкой каменной стеной; во дворец вели единственные ворота. Сотни полторы стратиотов сгоряча ворвались через них на дворцовый двор, но были мгновенно перебиты. Та же участь постигла и катафрактов, осмелившихся въехать в ворота в конном строю.

Опытный Цимисхий мгновенно оценил губительность боя в тесных лабиринтах дворца и приказал выкурить руссов огнём. На дворец полетели пылающие факелы, сосуды с греческим огнём, комки смрадного дымившегося войлока. Пламя охватило дворцовые постройки. Стратиготы за воротами уже подняли копья, чтобы во всеоружии встретить спасающихся от огня руссов...

Воевода Сфенкел обнял Алка и прошептал:

— Если боги помогут тебе спастись, расскажи князю Святославу: бились мы крепко!

— И ты Расскажи... — только и нашёл что сказать Алк.

Из подворотки, щурясь от едкого дыма,

Алк пустил последнюю чёрную стрелу в какого-то начальника стратиотов и отбросил бесполезный лук.

С мечами в руках русские дружинники и болгарские ополченцы, оказавшиеся во дворце, бросились на византийские копья. Они совершили невозможное: горстка смельчаков прорвалась через железное кольцо и ушла из города. Стратиоты преследовали их, но не сумели настигнуть. Сады и виноградники, которыми изобиловали окрестности болгарской столицы, укрыли беглецов. Был ли среди уцелевших русских дружинников Алк — неизвестно...

Красное Солнышко

**КРАСНОЕ
СОЛНЫШКО**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. НА РЮГЕНЕ

Устой туман поднимался сплошной стеной над таинственным Рюгеном[32], островом, где полновластно царил страшный Святовит [33] — требовавшее постоянно крови, битв, разорения божество прибалтийских славян.

Святовит, «истукан», и «царил». Пусть сопоставление этих двух слов не кажется странным. Именно «царствованием», в полном значении этого слова, можно назвать культ грозного божества. Кроткие венды, жившие на Рюгене, были порабощены жрецами Святовита, действовавшими не иначе, как во имя его, и требовавшими от населения и кровавых жертв, и воинов в ряды своих дружин, всегда готовых по первому их знаку кинуться на непокорных. С течением времени доброволь-

ная покорность этому вошла в привычку, в Святовите рюгенцы стали видеть грозного защитника от внешних врагов, главным образом — удалых викингов, бороздивших по всем направлениям Варяжское море; жрецы поддерживали эту уверенность, и идол стал как бы земным царём рюгенцев, будто он был одухотворением земной жизни и в самом деле обладал каким-то таинственным могуществом.

Итак, Святовит «царил» полновластно в Рюгене.

Постоянные туманы, одинокое положение острова среди бурного моря, рассказы о его божестве, выходившем будто бы по ночам и своего храма и мчавшегося на белом коне с мечом в руках по горам и по равнинам острова и над валами беспокойного моря, — всё это придавало Рюгену особенную таинственность, и даже удальцы-берсерки из среды викингов, готовые всегда на всякий подвиг безумной храбрости, не осмеливались напасть на рюгенцев. Редко даже кто чужой напал на этот остров — так силен был инстинктивный страх, внушаемый грозным бо-

ГОМ.

Храм Святовита находился на Арконе[34]. Здесь, окружённый высоким валом, стоял городок жрецов. Вал был так поднят, что закрывал собою высокие, с остроконечной крышей дворцы-крепости, где жили служители Святовита. Только храм божества, стоявший на горе, одиноко поднимался над островом и, как бы венчая его, издалека был виден с моря в немногие нетуманные дни.

Редко, очень редко кому-либо чужому удалось побывать в жреческом городке. Служители Святовита ревниво берегли свои тайны. Для них чужой глаз был опасен. Поэтому только в самых исключительных случаях посторонние попадали в таинственные убежища грозного бога — храм, ворота которого открывались лишь тогда, когда выносилось из храма огромное знамя, что служило знаком того, что «божество» разгневано и требует войны и истребления своих врагов.

Вслед за знаменем выходили тогда воины Святовита. Их было всего-навсего только триста, но это были закалённые в боях берсерки, для которых «не было в мире дела лучше вой-

ны». Эти люди составляли ядро рюгенской армии. К ним примыкали молодые мужи и наёмные воины жрецов, викинги с соседних островов; спускались на воду быстро оснащённые остроносые чёрные драккары, и уходила на грабёж к соседям буйная дружина, давая клятву возвратиться не иначе, как с добычей, заранее назначенной в жертву Святовиту.

Случалось так, что долгое время не показывалось пред рюгенским народом знамя Святовита. Не с кем было воевать его воинам. В Норвегии царствовал храбрый Олав Трюгвассон, пришедший туда из Дании. Борьба с ним была не под силу рюгенским жрецам. К берегам пиктов и саксов тоже не приходилось идти, у франков после недавних набегов викингов образовалась своя береговая стража. Побережье Варяжского моря всё было разорено и выжжено. Волей-неволей приходилось томиться скукою Святовитовым воинам.

На площадке, окружавшей жреческий городок у вала, у разложенного костра, в тот туманный день, когда начинается этот рассказ, сидело в разных позах несколько суровых во-

инов, поставленных здесь для наблюдения за морем. Дул сильный, пронизывающий до костей ветер. Туман волновался, как воздушное море. Невидимое за ним и в нём настоящее бурное море глухо рокотало, словно начинавшее свирепеть чудовище. Костёр горел тускло; дым его стелился по низу, как будто тяжело ему было подниматься к этой белесоватой, давившей сверху гуще. Лица воинов были угрюмы. Кто-то из них полулежал на подстилке из звериных шкур, кто-то сидел, обняв руками колена. Изредка кто-нибудь приподнимался и начинал подкладывать в костёр набросанные поблизости сучья; тогда раздавался треск, вспыхивало пламя, и суровые лица на мгновение оживлялись.

Вдруг со стороны моря, из крошечного гула донёсся какой-то странный шум. Не то крики людей, не то звуки рогов. Воины как-то все разом встрепенулись и переглянулись между собой.

— Что там такое, Сфенкал? — сказал старший. — Пойди посмотри: стража внизу, может быть, знает.

Сфенкал поднялся и с сожалением взгля-

нул на костёр.

— Проклятый шум, — пробормотал он.

— Иди, Сфенкал, иди! — крикнул старший. — А вы, — обратился он к остальным, — будьте наготове.

Посланный воин, что-то ворча сквозь зубы, пошёл по валу и скоро скрылся в туманной мгле.

Теперь все эти угрюмые люди у костра вдруг оживились. Неожиданно донёсшиеся до них звуки стряхнули скуку, наполнили их сразу ожиданием чего-то нового. Пробудилось любопытство: звуки с моря не так часто долетали до арконского вала, чтобы не возбуждать собою интереса.

— Уж не те ли там, на море, кого так ожидают в Арконе? — сказал один из оставшихся воинов.

— Кто знает? Может быть, и те! — отозвался тот, кто был начальником над ними.

— Тогда чего же мы остаёмся здесь?

— А что же мы сделаем в таком тумане?

Раздавшийся откуда-то снизу, от подошвы вала, звук рогов, заставил всех воинов вскочить на ноги.

— Вот теперь нас зовут, и мы пойдём, — наставительно произнёс начальник, — скорее разбирайте оружие, не забудьте раскидать костёр.

Он говорил всё это отрывистым голосом; воины быстро вооружились и стояли, ожидая новых приказаний своего вождя.

— Ну, идём! Не то опоздаем! — сказал он.

— Если только не опоздали! — отозвался несколько насмешливо молодой воин.

— Это почему, Икмор? — вскинул на него глаза начальник.

— Взгляни, — указал молодой человек в сторону, где, несмотря на туман, виднелся храм Святовита.

Рога, не умолкая, гудели от подножия вала. Им вторил шум, поднявшийся на улицах Арконы. Видны были толпы людей в белых жреческих одеждах и тёмных воинских одеяниях. Слышались крики, заметна была с высоты вала суматоха, толпы двигались по направлению к арконским вратам. Городок, недавно ещё безлюдный, безмолвный, вдруг оживился.

Старый воин махнул рукой.

— Клянусь рогом Святовита, это прибыли ожидаемые гости, — воскликнул он.

— В такой туман? — повторил его недавние слова Икмор.

— А что же? — возразил тот уже на ходу. — В фьордах мало ли искусных мореходов? А эти гости идут именно оттуда.

Весь небольшой отряд спешно пошёл за своим начальником по дороге, проложенной на гребне вала. Икмор, воспользовавшись тем, что вождь так разговорился, шагал с ним рядом.

— Скажи, батюшка, — расспрашивал он, — не слышал ли ты, зачем является сюда это посольство? Ведь, Олав Трюгвассон успокоился с тех пор, как попал в Норвегию. Что ему здесь нужно?

— Не знаю, — отвечал вождь, — зачем послал к нам Олав своих воинов, об этом ничего не слышно; но не будь я Эрик, по прозвищу Чёрный Дракон, если только очень скоро не будет вынесено из храма знамя Святовита.

— Вот как! И ты уверен в этом?

— Так же, как в том, что я сын своей матери.

— Но куда же пошлёт нас Святовит?

— А про то знает старый Бела, его верховный жрец.

Тут Эрик сообразил, что сказал слишком много, и вдруг рассердился.

— Да чего ты ко мне пристал? — закричал он. — Или ты думаешь, я обязан тебе сообщать, что говорят об этих пришельцах около Святовитова храма? Помолчи лучше, а не то я пожалуюсь на тебя Беле.

Икмор лукаво улыбнулся и замедлил шаг, отстав от своего сердитого начальника.

«И того довольно сказал, — думал он, — стало быть, скоро кончится эта тоска, и мы пойдём за море. А куда, я это узнаю.»

Он поспешил сейчас же передать товарищам то, что ему удалось выпытать у старого Эрика. Среди кучки воинов пошёл одобрителный говор. Эти воины были не из числа тех трёхсот, которые составляли дружину Святовита. На Рюгене они были просто наёмниками, взятыми для тяжёлой караульной и рядовой службы. Таких наёмников обыкновенно набирали из всей Скандинавии, стран варяжского побережья и Северной славянщи-

ны, с которой у скандинавов были постоянные торговые отношения. Ничто не привязывало к Рюгену этих людей, которых норманны называли «варягами», иногда прибавляя к этому наименованию сокращённое название их полуострова, так что общеупотребительным их именем было «варяго-россы». В то же время эти люди всегда были верны в исполнении договоров, и никогда не случалось, чтобы кто-либо из них уходил прежде, чем окончится уговорённый срок их службы, или не выполнял принятых на себя обязательств. Поэтому ими всегда дорожили, и викинги—скандинавы никогда не отказывались принимать в свои дружины этих по большей части безродных людей.

Под начальством Эрика, по прозвищу Чёрный Дракон, был большой отряд, но зато все его подчинённые были очень тесно сплочены между собой, жили дружно и пользовались полным уважением жрецов Святовита.

Сообщение Икмора не на шутку обрадовало их. Скоро должен был кончиться их срок службы при дружине Святовита, и им пришлось бы возвращаться на Рослаген, не побы-

вав в боях. А для них и жизнь не в жизнь была, если кругом не кипела сеча, не было опасности. Они боялись, что на Рослагене просто засмеют их, когда им придётся вернуться туда, а больше некуда было идти. Для самостоятельного похода отряд Эрика был слаб.

Оживлённо разговаривая, варяги спустились с вала. Всё население Арконы высыпало уже на побережье, расстилавшееся от ворот и вплоть до морских волн. Маленькая арконская гавань кипела оживлением. Драккары, стоявшие у берега, отводились: видно было, что для почётных гостей приготавливалось место. Звуки рогов не смолкали. Из ворот вышел небольшой отряд дружинников Святовита. Эти воины, закованные в железо, с тяжёлыми мечами и щитами, сидели на могучих белых конях, тоже прикрытых от вражеских стрел кожаными глухими попонами. В сравнении с плохо одетыми, вооружёнными только секирами да короткими мечами варягами, эти люди по внешности были олицетворением несокрушимой ратной силы и её красоты. Но вместе с тем лица их были нежны, белы, выхолены, на них не заметно было ни решимости

тельности, ни упорства, ни того воинского духа, который так и сквозил в суровых варягах. Да оно и понятно. Дружинники Святовита стали теперь вождями собиравшихся рюгенских армий, их и в боях берегли, и в мирное время они являлись участниками всевозможных шествий, церемоний и привыкли выставляться больше всего напоказ, привыкли, чтобы ими любовались, а дело опасности — это уже выпадало на долю других.

Их и теперь в собравшейся на берегу толпе встретили криками восторга, тогда как варягов никто не замечал. Однако приветствия на этот раз были непродолжительны. Внимание толпы скоро отвлеклось другим. Трубные звуки с моря раздавались всё громче и громче, и трубы на берегу вторили им. Вдруг завесу тумана словно разрезал стройный драккар. Он как будто вынырнул из какой-то бездны. Его чёрные, суженные кверху борта, острый, загнутый несколько с высоты к воде нос, высоко приподнятая корма с площадкой для рулевого — так и вырисовывались в белесоватом тумане. С десяток вёсел медленно поднималось и опускалось, всплёскивая воду. На носу

стоял воин, что было сил дувший в рог. На корме, около рулевого, находился другой воин — типичный норманн в панцирной рубахе с медным нагрудником и в шлеме. Около него стояло ещё двое людей, один исполинского роста, другой статный, стройный, с кудрями, выбивавшимися на плечи из-под шлема. Оба они тихо говорили между собой, то и дело указывая на Аркону. За этим драккаром выскользнул из тумана другой, третий, и скоро в маленькой гавани сошлась целая флотилия их. Когда первый, самый нарядный из них, подошёл к очищенному для него месту и ряду выложенных камней, что заменяло собой пристань, приветственные кличи, звуки рогов, шум волн — всё слилось вместе. В это время на борт нарядного драккара вскинуты были сходни, и три витязя, стоявшие на его корме, медленно сошли на твёрдую землю.

2. СРЕДИ ВАРЯГОВ

толпы жрецов Святовита, стоявших всех
Зближе к пристани, отделился седой про-
нырливого вида старик в белом жреческом
одеянии и, обращаясь к прибывшим, загово-
рил:

— Привет тебе, храбрый Освальд сын Руа-
ра, — с этими словами старик слегка покло-
нился норманну и продолжал: — Привет и
вам, пришельцы из далёких славянских
стран, тебе, Владимиру, сыну Святослава, вну-
ку Игоря и правнуку великого Рюрика, и тебе,
сыну Малка.

Говоря с последними двумя, старик ед-
ва-едва наклонил свою седую голову, так что
поклон его вышел совершенно незамет-
ным. — Великий отец и судья Бела, любимый
служитель Святовита, — закончил свою коро-
тенькую речь старик, — приказал мне пере-
дать вам, что он очень рад видеть Вас бла-
гополучно переплывшими море. Идите за
мною, вы будете гостями Святовита, отдохнё-
те с дороги, которая была нелегка.

— Привет и тебе, мудрый Нонне сын Лок-
ка! — воскликнул Освальд. — Передай твоему
отцу и господину, мудрейшему Беле, что ко-

нунг мой великий Олав Трюгвассон, о котором громко поют саги в наших фьордах вдохновлённые светлым Бальдром скальды, приказал передать ему поклон.

— Мы будем говорить об этом, храбрый ярл, потом, — прервал его Нонне, — великий отец Бела выслушает сам, что приказал тебе твой могущественный конунг, а теперь повторяю вам свою просьбу: пойдёмте, вас ждёт отдых под приготовленным для вас кровом.

Он жестом пригласил прибывших следовать за собой. Дружинники Святовита повернули коней, открывая шествие. Впереди, по направлению к городским воротам, шпалерами вытянулись в два белых ряда младшие жрецы и жреческие ученики с трубами и особого рода тимпанами. За ними, как живое море, волновались сбежавшиеся из предместий Арконы мужчины, женщины, дети. Позади небольшой группы прибывших и Нонне шли варяги, но теперь число их сразу утроилось.

С подошедших драккаров, провожавших ладью посланца конунга Олава и славянских гостей, сошло много воинов. Среди них были норманны в панцирях и шлемах и варяго-рос-

сы, одетые, подобно их рюгенским товарищам, как попало. Старый ярл сейчас же нашёл приятелей и друзей среди прибывших, его воины смешались с толпой; нисколько не стесняясь, все они громко приветствовали друг друга. Слышен был шумный разговор, взрывы весёлого хохота.

Так дошли до ворот «бурга». За них вступили только конные дружинники Святовита, Нонне с гостями и жрецы. Для прибывших скандинавов и варягов было отведено помещение в предместье, где жили и рюгенские варяги. Там им был выстроен дом в одну длинную огромную комнату со скамьями вдоль стен под окнами. В зале было светло: освещали её никогда не гаснувший очаг да множество смоляных факелов. Посредине зала стоял во всю длину его стол, уставленный к приходу гостей и хозяев только что зажаренными воловьими и бараньими окороками, огромными кубками с вином и другими яствами и питьями.

Эрик с тремя прибывшими варягами, Ингелотом, Руаром и Оскаром, уселись на самом дальнем конце стола. По обе стороны его, раз-

местились, кому где пришлось, остальные. Скоро зашумел весёлый пир; слышался звон кубков, смех, беседа так и разливалась из конца в конец стола. Все теперь на этом пиру равны: не было ни старших, ни младших, ни кичливых норманнов, ни простоватых варяго-россов.

Были только обрадовавшиеся встрече добрые друзья, спешившие наговориться вдоволь, тем более, что оживлению беседы способствовало крепкое, будто не истощавшееся совсем в кубках вино.

— Клянусь громовержцем Тором[35], — восклицал Ингелот, оглядываясь вокруг, — мой старый Эрик живёт, будто он совсем забыл, как звучит шум сечи, как несётся врагам в лицо вопль берсерков. Он будто никогда не совершал берсекеранга и не мчался на врага, далеко отбросив щит. Нет, Эрик! В светлой Валгалле, где наслаждаются павшие на земле в бою воины-эйнхерии, нет такого покоя, как здесь. Там они охотятся на чудного вепря, а здесь. Здесь я не вижу даже, чтобы какой-либо труд был для вас утешением. Я боюсь, Эрик, не затупился ли меч твой?

— Не говори так, сын своей матери, — прервал его, хмуря брови, Эрик, — ты знаешь, мы нанялись и должны служить до срока.

— А кто заставлял вас?

— На Рослагене не хватало хлеба!

— Вот отговорка! Будто мало хлеба у врагов!

— В то время было его мало. Никто не брал варягов в свои дружины. Ох, прошли те времена, и только в сагах поют про то, как ходили норманны и варяги и на пышную Лютетию[36], и на зелёные острова Эрика[37]. Прощи! Теперь даже прямым путём не пробраться в Византию. Наши же загородили путь. Теперь не добраться и до Хольмгарда [38]. А кто виноват тому? Кто виноват, я спрашиваю вас, друзья? Ведь, Рюрик и Олав загородили все входы. Они завладели громадными землями славянскими на севере и на юге, и некуда идти теперь свободным викингам. А Рюрик и Олав были наши.

— Были наши, а стали свои собственные, увы, так это, — согласился Ингелот.

Громкие крики прервали беседу друзей. Крики эти были радостны и выражали

полное удовольствие всех пирующих. Особенно шумно выражали свой восторг суровые и молчаливые норманны.

— Скальд, скальд, — кричали они на разные голоса.

Из их среды выступил красивый молодой человек с сиявшими вдохновенными глазами. Он, отойдя от пирующих, сел на отдельную скамью и задумался, опустив голову на ладони рук.

— Скальд Зигфрид споёт нам драгу, — шепнул Ингелот Эрику.

— Как давно не слышал я вдохновенного самым светлым Бальдром[39] певца, — вздохнул тот и устремил на Зигфрида испытующий взор.

В зале воцарилось молчание. Все с напряжённым ожиданием готовились слушать певца, складывавшего свою песню. Наконец, Зигфрид отнял лицо от ладоней, огляделся по сторонам и запел звучным молодым голосом:

*Войне от колыбели
Обрёл он жизнь свою,
Ему и стрелы пели,*

И я теперь пою!

— Драга об Олаве Трюгвассоне, — тихо прошептал Руар, склоняясь к Эрику, — ты, друг, пожалуй, не слышал её.

Зигфрид пел всё более и более звучно, мерные строфы словно рождались одна за другой в голове поэта. Он пел, как конунг Олав со своими викингами явился к берегам далёкой Италии и там брал дань с городов, расположенных у моря. Он пел, как в молодости своей Олав был первым на всех состязаниях: и в беге, и в прыжках. Песнь его была сплошь похвалой славному конунгу, овладевшему всей Скандинавией. И вдруг она как-то сразу оборвалась, словно рыдание вырвалось из груди. И совсем другим уже и более грустным голосом он запел:

*Презренен, кто для сладкой песни
Забыл стук копий и звон мечей:
Валгаллы светлой, дивной тени
Не видит взор его очей!*

Зигфрид пел уныло, жалобно. Он говорил в своей новой песне о том, что есть конунги и викинги, которым женская прялка заменила меч. Ни одного слова не было в ней о конунге Олаве, но переход от громких похвал к жалобным упрёкам и без слов подсказывал, что именно о славном норманне говорит песня во второй своей части. Слушатели скальда приуныли и сидели теперь, опустив головы, как бы разделяя тихую скорбь своего певца.

— Он прав, этот вдохновенный певец, — громко воскликнул Оскар, ударив кулаком по столу, — с некоторого времени всё во фьордах пошло по-иному!

— Что ты хочешь сказать этим, друг? — спросил Эрик. — Неужели конунг Олав Трюгвассон мог забыть свою прежнюю доблесть? Неужели намёки Зигфрида касаются его?

— Одно тебе скажу, мой Эрик: конунг Олав не прежний.

— Но что с ним? Какая перемена?

— Он удаляется от битв и пиров. Крутом него такая скука, как и в темнице. Нет более прежних победных походов, мир и тишина спорят между собою около когда-то славного

Олава.

— Что же с ним сделалось?

— Он стал слишком слушать жрецов иных богов и отвернулся от Одина, и других асов, вот они и покинули его! — вставил своё слово Руар.

— Я ничего не понимаю! — воскликнул Эрик. — Скажите мне, друзья, как это могло случиться?

— Это случилось после того, как Олав ходил к берегам Италии. Там он услышал про нового Бога и захотел слушать Его жрецов.

— Какого Бога? Уж не Бога ли христиан?

— Вот именно. Он привёз с собою на север жрецов христианских и стал проводить время в беседах с ними.

Старик Эрик покачал своею седою головою.

— Не раз слышал я про этого нового Бога, — сказал он, — от Него и в самом деле могут погибнуть и Один, и Святовит, и славянский Перун. Говорят, Он всемогущ.

— Уж не знаю, — проговорил Руар, — а скажу одно, что где бы ни появился жрец этого Бога, всюду люди меняются и забывают о бит-

вах, о кровавой мести и только лишь толкуют о том, что врагам нужно прощать, что нужно любить всех, как самого себя. Да разве это возможно? Я уже не говорю о том, что после бесед с христианскими жрецами народ становится холоден к своим древним богам.

— Вот потому-то здешний главный жрец Святовита, этот старик Бела, так и ненавидит христиан, — заметил Эрик.

— Ненавидит? — воскликнул Ингелот.

— Для него нет большей радости, как уничтожить христианина.

— Ну, теперь я многое понимаю! Ведь Освальд сын Руара, наш вождь, хотя и именуется посланником конунга Олава Трюгвассона, но на самом деле он никогда им не был!

— Как так? — Воскликнул удивлённый Эрик.

— Клянусь тебе асами, что так. Ты видел этого молодого русса, что был вместе с Освальдом?

— Да. Я слышал, Нонне назвал его сыном Святослава, русского князя.

— Так, так! Он именно сын этого славного воина и сам князь северных руссов.

— Зачем же он между вами?

— А затем, что он бежал со своей родины. Старший брат его по имени Ярополк остался княжить в Киеве; среднему отец отдал большую и богатую область, а этому, теперешнему гостю Арконы, назначил быть князем в древнем Хольмгарде. Когда отец был убит, киевский Ярополк захотел быть князем всех руссов. Он убил среднего брата и добрался вот до этого, Владимира, но тот успел убежать во фьорды к конунгу Олаву. Олав сам не раз бывал в Хольмгарде, он принял молодого сего князя, помог ему набрать дружину, ну, словом, стал тот викингом. Владимир не раз ходил в походы за море и показал себя храбрцом. Только у молодца вовсе не было мысли оставаться на всю жизнь на службе у конунга. Он задумал кое-что другое. Владимир просто рассчитал, что конунг Олав поможет ему прогнать из Киева Ярополка.

— А тот что же? Неужели отказался? — воскликнул Эрик, и глаза его зловеще блеснули.

— В том и дело, старый мой друг, что около конунга Олава в это время был христианский

жрец, и Олав, этот славный герой, склонил своё сердце к его убеждениям. Христианский жрец стал ему говорить, что Ярополк любит христиан и поэтому нельзя идти на него войною.

— И конунг Олав послушал жреца?

— Олав наотрез отказал дать Владимиру свои дружины для покорения Киева и руссов. Тогда-то ярл Освальд, который также не терпит христиан, сам объявил поход, но, увы, воинов собралось немного. Именитые ярлы и викинги не хотели идти против воли конунга. Но конунг запретил и варягам идти с ярлом и русским князем. Тут-то Освальд и схитрил. Он объявил, что варяжские дружины нужны ему не для похода против руссов, а будто бы собираются им только для арконских жрецов.

Кое-кто остался, не пошёл с ярлом, но всё-таки собралась небольшая дружина. Для похода нас было мало, и Освальд решил попытать счастья здесь, в Арконе. Может быть, Бела вынесет знамя Святовита и, конечно, даст в помощь Владимиру свои варяжские дружины. Понял, мой старый Эрик, какое задумано

дело?

— Что же? — раздумчиво произнёс Эрик, — я не прочь пойти на Днепр: от Киева близка и Византия. Да и Киев город богатый. Там можно много найти ценной добычи.

— А пойдут ли за тобой твои?

— Мы все служим Святовиту, — пожал плечами старый варяг, — пошлёт нас Бела, и мы пойдём. А там скоро кончится срок нашей службы, и мы все станем свободны.

— Так мы, стало быть, будем товарищами?

— Разве у вас всё решено?

— Всё! Даст Бела помощь или не даст, а я и все, кто со мной, пойдём за Освальдом и Владимиром!

— Тогда что же и говорить! Сами асы покровительствуют нам и нашей дружбе. Только пока не сообщай никому, что я тебе поведал. Молчать придётся недолго. Освальд здесь не засидится. Руку, друг! Будем пить за былые встречи на полях битв. Тс, Зигфрид опять поёт.

Скальд пел теперь весёлую песню. Его слушали с восторгом. Пир зашумел ещё сильнее, когда Зигфрид кончил свою песню. Теперь,

когда головы пирующих порядочно были затемнены вином и беседа стала общей, встретившиеся друзья достаточно наговорились между собой. Слышались отдельные, чаще всего бессвязные восклицания, воины шумно рассказывали о своих боевых подвигах. Со всем незаметно день склонился к вечеру, но пир всё ещё продолжался, и только поздняя ночь прекратила его. Тишина водворилась в недавно шумном зале, слышались храпение, бред; наконец, сам собою потух и очаг.

3. ГОСТИ

Ока варяги и скандинавы пировали, во дворце главного жреца Святовита, Белы, происходило другое.

Старый Нонне привёл в обширный дворцовый покой Владимира, Добрыню и Освальда и здесь оставил их одних.

— Клянусь Перуном, — воскликнул Влади-

мир, встряхивая своими кудрями, — здесь нас встречают куда приветливее, чем у конунга Олава.

— Я это предсказывал тебе, — заметил Освальд.

— Только бы поскорее кончились все эти переговоры. Я тоскую по родной стороне.

— Скоро, племянник, скоро! — вступился Добрыня. — Отсюда мы пойдём в Новгород.

— Ах, поскорее бы! — сказал Владимир, и в голосе его ясно слышно было тоскливое чувство. — Поскорее бы! Меня измучила эта разлука с родиной, а как вспомню я, что брат Олег до сих пор остаётся неотмщённым, так стыдно становится жить на свете.

Добрыня долгим, испытующим взором смотрел на племянника, как бы желая проникнуть в тайники его души.

Добрыня Малкович был высок ростом, широк плечами. Грудь его была поистине богатырская, выпуклая. Он казался выше Освальда, тоже воина не из малорослых. И вид Добрыни был внушительный. Голова его оставалась не выбритою, как у варягов, а покрытой густыми, начинавшими седеть волосами,

ниспадавшими до плеч, по обычаю всех днепровских славян. Чёрные глаза как-то особенно выглядывали из-под густых нависших бровей. Взгляд их был выразителен; в нём так и светились непреклонная железная воля, ничем несокрушимое упорство и вместе с тем полнейшее душевное спокойствие, уравновешивавшее все чувства и порывы этого славного богатыря.

Добрыня Малкович был ближайшим другом и воеводою погибшего в 972 году среди печенежских орд великого киевского князя Святослава Игоревича. Мало того, он был его шурином по своей сестре Малуше. Брат и сестра из Любича попали пленниками в Киев. Здесь судьба распорядилась так, что пленные мальчик и девочка попали к княгине Ольге, матери Святослава. Девочка осталась и выросла на попечении мудрой княгини, Добрыня стал товарищем сперва детских игр Святослава, потом участником его знаменитых походов. Судьбе угодно было, чтобы Малуша стала супругою русского князя, и от этого брака родился младший сын Святослава Владимир.

Малуша была добрая, любящая женщина. Вместе со своей княгиней она посещала христиан, которых немало было в Киеве ещё со времён Аскольда и Дира, сильно склонялась к христианству сама, и только боязнь огорчить Святослава помешала ей принять крещение, но невольно для самой себя она вложила в своего пылкого, впечатлительного сына первые зачатки христианства. Княгиня Ольга, которой нечего было бояться грозного князя, с тех пор как Владимир помнил себя, внушала ему христианские истины. Но суровый Святослав рано отнял своего младшего сына от бабушки и матери, и частые походы, кровавые сечи заглушили в юноше семена добра, детские впечатления изгладились из памяти, молодая пылкость окончательно поглотила их. Душа Владимира была полна стремления к земным наслаждениям, к земному счастью, и никакая мысль о небесном не тревожила его.

Случилось так, что Святослав, отправляясь за Дунай «добывать» себе болгарское царство, разделил только ещё недавно сплочённую Олегом Северную и Южную Русь между тремя своими сыновьями. Старший Ярополк полу-

чил Киевскую землю, средний Олег — древлянскую; младший Владимир — Новгород. С Владимиром отправился в качестве опекуна и его дядя Добрыня Малкович. После смерти Святослава ближайший воевода Ярополка, его опекун Свенельд, мстя за своего сына Люта, убитого Олегом Древлянским, побудил своего князя пойти на брата войной. В одной из схваток Олег был убит. Когда весть об этом дошла до Новгорода, то Добрыня испугался за участь любимого племянника. Он был уверен, что Свенельд стремится для Ярополка к единовластию и после Олега должен наступить черёд и Владимира. Новгородцы казались ему ненадёжными. По крайней мере, они отказались дать ему дружины для мести за Олега. Страшась, как бы Новгород не выдал Владимира киевскому князю, Добрыня заставил племянника уйти за море, к конунгу Олаву. Надежды его на скандинавского владыку не оправдались, и теперь всё будущее молодого сына Святослава находилось во власти арконского жреца. Однако Добрыня Малкович и виду не подавал, что душа его полна тревоги. Недаром он давно уже был искущён во вся-

ких «дипломатических» сношениях. Сколько раз при Святославе он вёл переговоры и с венграми, и с ляхами, и с хитрыми византийцами, знал все их увёртки, научился прятать свои мысли и чувства в сокровеннейшие тайники души и бесстрастно поглядывать вокруг, когда в сердце кипела страшная буря тревоги и напряжённого ожидания.

Владимир Святославович был молод и к своему положению относился с задорной беззаботностью.

Будущее не пугало его. Он помнил прошлое и узнал настоящее. Силы так и кипели в молодом здоровом теле. Два года боевой, полной всевозможных приключений жизни развили в нём и статного витязя. Явилось сознание силы, а вместе с этим и полная уверенность в успехе. Неудачи не надламывали молодой энергии. Жизнь улыбалась этому изгнаннику, и более всего выводила его из себя осторожная медлительность дяди Добрыни.

Красив был собою Владимир Святославович! Рост его средний шёл к статной, словно отлитой фигуре. Русые кудри, холёные, прилежно причёсанные, рассыпались по его пле-

чам, небольшая русая бородка, незаметно переходившая в шелковистые усы, закрывала губы и подбородок; голубые глаза светились молодой пылкостью, задором, весёлостью и вместе с тем истинно-славянским добродушием. Когда Владимир смеялся, всё лицо его так и сияло. Когда он улыбался, глаза его так и лучились. Щёки его горели здоровым розовым румянцем, но в то же время и в фигуре, и в движениях, и в манере держать себя сказывалась богатырская и физическая мощь, привычка повелевать, а в словах сквозили и ум, и тонкая наблюдательность.

Ярл Освальд был высок ростом, сутуловат и медлителен в движениях, в чём, несомненно, сказывалась его привычка постоянно носить тяжёлое вооружение; левая рука его не отходила от левого бедра, как будто постоянно придерживала у пояса тяжёлый меч. Черты лица Освальда были крупны, резки. Давно начавшие седеть усы, как две змейки, спускались на грудь и придавали скандинаву вид какого-то чудовища.

Покой, где находились это трое гостей арконского жреца, был высок и непригляден.

Всё убранство его составляли тяжёлые шторы, задрапировавшие стены. Свет проходил через крохотные оконца, пробитые почти под потолком. От этого покой был мрачен, и невольно тоскливое чувство закрадывалось в душу тех, кому приходилось оставаться в нём долгое время.

Кругом была мёртвая тишина. Ни звука, ни движения не чувствовалось за этими угрюмыми стенами, жизнь словно замерла, как только эти трое людей переступили порог мрачного покоя.

— Что же, так и будем сидеть в этих стенах? — с нетерпением воскликнул Владимир.

Освальд беззвучно засмеялся.

— Юность нетерпелива, она не понимает старости, — сказал он, — а здесь кругом нас только старики. Медлительность свойственна их возрасту.

— О, ярл! — воскликнул Владимир. — Ты не старик, а тоже не желаешь понять, как мне хочется поскорее вернуться. Но ты воин, я дивлюсь, как не сочувствуешь ты мне, жаждущему яростного отмщения за кровь несчастного моего брата.

— Всё придёт в своё время, племянник! — перебил Владимира Добрыня, боявшийся, что молодой князь скажет что-либо лишнее.

— Придёт, придёт, — крикнул тот, приподнимаясь с ложа, на котором лежал до тех пор, — а каково томиться муками ожидания.

— Всякое ожидание учит мудрости.

— Знаю, знаю! Но что поделаешь, когда тоска лютой змеёй грызёт сердце. Ярополк, Рогвольд! Они теперь беззаботно наслаждаются счастьем.

— И гордая Рогвольдовна готовится разуть сына королевы Предславы! — вдруг раздался тихий, неприятный, похожий на шипение змеи, голос, заставивший всех троих гостей быстро вскочить со своих мест.

Кроме них, в покое был теперь низкий сторбленный старик в белом, ниспускавшемся до пят одеянии. Никто из гостей даже и не заметил, как он появился здесь, и его вмешательство в разговор стало полнейшей неожиданностью. Старец этот, несмотря на свою наружную дряхлость, выступал твёрдой поступью. В правой руке у него был длинный жезл, заканчивавшийся золотым изображением

конской головы, но опирался на него старик легко, почти не касаясь его нижним остриём пола. Голова, впавшая глубоко между плечами, однако, держалась твёрдо. Глаза смотрели выразительно и, несмотря на преклонный возраст старика, всё ещё сохраняли свой блеск. Череп был совсем гол, только на висках и затылке виднелись пряди седых редких волос. Длинная, ниже пояса, вся седая борода, падая на белую, как снег одежду, почти сливалась с нею. Голос старика, хотя он говорил тихо, звучал твёрдо и непреклонно.

— Великий отец Бела, — воскликнул, увидав старца, Освальд вдохновенный любимец грозного Святовита!

С этими словами ярл, низко, коснувшись рукою до пола, поклонился старику. Поклонился и Добрыня, но поклонился степенно, даже важно, с чувством собственного достоинства. Зато Владимир, услышав имя грозного Святовитова жреца, вдруг бросился к нему и торопливо заговорил несколько взволнованным голосом:

— Так вот каков ты, великий отец, чья воля держит в своих руках всё побережье Ва-

ряжского моря! Привет тебе, великий, привет мой! Будь здоров долгие ещё годы, и да прославит грозный Святовит тебя своею помощью!

Владимир с пылом схватил руку старца и, наклонившись всем корпусом, положил её себе на голову.

На лице Белы промелькнула тень удовольствия. Поступок молодого славянского князя пришёлся ему по душе. Он не сразу отнял свою сухую руку с головы Владимира и несколько раз ласково провёл ею по его русым кудрям.

— Привет мой и тебе, Красное Солнышко! — голосом, утратившим шипение, произнёс он. — Великий Святовит благославляет твой приход ко мне. Я уже вопрошал его, и он мне сказал, что ты благословенный гость в его чертогах. И вот я, смиренный исполнитель воли всемогущего божества, сам явился к вам, дабы возвестить вам милость Святовита.

4. БЕЛА

Ела протянул руку Владимиру и с его помощью дошёл до широкого, устланного мягкими звериными шкурами ложа.

— Сядь, сын мой, около меня, — по-прежнему ласково проговорил он, — твои кудри так мягки, что моя старая рука отдыхает, касаясь их. Садитесь и вы, могучие витязи, — кивнул старик в сторону Добрыни и Освальда, — я хочу говорить с вами, и помните, что моими устами будет предлагать вам свою волю сам великий и могущественный Святовит.

Глаза Добрыни как-то странно блеснули при этих словах Белы. На мгновение в них отразилось не то недоверие, не то насмешка. Как будто Владимиров дядя хотел сказать: «Знаем мы, как ваши боги говорят вашими устами! У нас в Киеве жрецы Перуна вот так же нам говорят! Стоял за шкурами да подслушивал, вот и появился, словно из-под земли! Да впрочем, говори, только бы для племянни-

ка польза была. А там мы и сами посмотрим, как нам с тобой говорить, теперь же твой верх!»

Старый Малкович, как и большинство славянских витязей, был совершенно равнодушен к верованию в созданных народом богов. Слишком он много перевидал на своём веку. Славянский Перун, прибалтийский Радегаст и Сварог, арконский Святовит, норманнский Один: что ни народ, то бог! Всем им где же верить, так пусть уже старики да женщины к этим созданным человеческими руками богам прибегают, а храбрый витязь больше на свой меч должен надеяться. Но вместе с тем Добрыня знал, что всюду жрецы выступают как умнейшие люди, великая сила, и потому раздражать их да перечить им опасно, особенно тогда, когда приходится обращаться к ним с важными просьбами. Поэтому он только вздохнул и опустил глаза, боясь выдать их блеском свои мысли.

Бела между тем продолжать ласкать Владимира, опустившегося к его ногам.

Сгорбленный, отживший свой век старец и молодой, полный жизни красавец составля-

ли чудную группу. Даже суровый Освальд невольно залюбовался ею и воскликнул:

— Да поразит меня свирепый Локки[40], если я когда-нибудь слышал, чтобы великий Бела так принимал кого-то из своих гостей!

Бела поднял на него глаза и чуть заметно улыбнулся.

— Я слабый исполнитель воли божества, — произнёс он.

— Так, стало быть, твой Святовит благосклонен ко мне! — вскричал Владимир.

— Я уже сказал, — ответил Бела, — что твой приезд приятен Святовиту.

— Тогда он поможет мне вернуть стол моего отца и отомстить за брата!

Бела покачал головой.

— Увы! Я не могу ещё сказать тебе, сын мой, этого.

— Отчего, отец?

— Я вопрошал Святовита лишь о твоём прибытии на Рюген.

— Тогда спроси его скорее. Спроси, отец, я принесу, какие ты назначишь, жертвы, твоему богу. Ах, отец, как тяжело знать, что кровь остаётся неотмщённого!

— И обида тоже! — тихо сказал Бела.

— Ты о Рогвольдовне? — вспыхнул Владимир, и глаза его загорелись диким огнём. — И сюда уже дошли вести о моей обиде? «Сына рабыни разуть не хочу!» О-о-о! Змея лютая! Она ужалила меня в сердце, и боль не прошла ещё. «Сына рабыни!» Моя мудрая бабка называла мою мать дочерью, мой отец не имел после неё других супруг. Рабыня! Слышишь, дядя? Рабыня! Ты тоже раб? И кто говорит это? Дочь чужака, пришедшего неведомо откуда. Ведь землю кривичей из милости Ярополк-братоубийца дал Рогвольду во владение, а я князь по рождению. Сын рабыни! Да все они кровью, жизнью своей поплатятся за эти слова!

В сильном нервном возбуждении Владимир вскочил на ноги и теперь, тяжело дыша, стоял перед Белой. Лицо его так и пылало, глаза горели, гнев всецело овладел им. Бела и Освальд любовались молодым князем. Добрыня, казалось, совершенно равнодушно смотрел на племянника.

— Ты, войдя сюда, — продолжал Владимир, обращаясь к Беле, — сказал: братоубийца Яро-

полк берёт за себя супругой Рогвольдовну. Так я скажу, что этого не будет!

— Кто же помешает им? — спросил Бела.

— Я!

— Ты? Уж не один ли ты пойдёшь на полоцкого и киевского князей?

— Подниму Новгород, если ты мне не можешь.

— Да, если только удастся. Знаю я этот народ приильменский! — возразил Бела. — Ох, как я его знаю! Они у себя шумят, кричат на вече, а на всякую войну идут неохотно.

— Теперь за мной пойдут. В Новгороде уже извели, каковы посадники Ярополка. Слышали мы с Добрыней, как плачутся, меня вспоминая. Рады будут, когда вернусь. Слышишь ты, кривичи с Рогвольдом верх над Новгородом берут. Полоцк выше Новгорода забирается. Ко мне уже гонцы были, вот и иду я теперь в свою область, сперва до Полоцка доберусь, с Рогвольдом посчитаюсь, а потом и Киев посмотреть пойду. Мне, если хочешь знать, так и твоей помощи не нужно.

Тень неудовольствия набежала на лицо Беды.

— Зачем же ты явился просить о ней? — холодно спросил он.

— А так. Дашь дружины, убытка не будет, пригодятся, а не дашь — всё равно!

Гневный порыв уже прошёл. Владимир успокоился и теперь говорил, то и дело взглядывая на дядю, как бы ища в его глазах одобрения своим словам. Добрыня сидел всё время понурившись, но при последних словах племянника встрепенулся и, устремив на Белу взор заговорил:

— Правду, отец Бела, говорит племяш-то мой, на Руси за нас и Новгород, и Киев, и вся Древлянщина. Слово скажи, появишься среди них — поднимутся и пойдут. А если пришли мы просить у тебя дружины, так нужна она нам как охрана в пути, да на первый какой-нибудь случай, ибо как князю без войска быть? Вот тебе мой сказ, а на остальном твоя воля.

Малкович смолк и с удовольствием погладил бороду. Он видел, что его слова произвели впечатление на жреца Святовита. Бела в самом деле недоумённо посмотрел на Освальда, как бы желая узнать, каково его мнение,

но норманнский витязь сидел, потупив голову, и не промолвил ни одного слова. Он как будто был сконфужен чем-то и страшился поднять глаза на Белу. Тот понял, что от норманна ждать объяснений, по крайней мере немедленно, нечего, и чуть слышно вздохнул. Старик ожидал, что пришельцы придут к нему и будут униженно просить помощи. В ответ он решил поставить свои условия, предварительно измучив их ожиданием, но вышло совсем не то. Ясно было, что они искали только союза и на всё, что он им предложил бы, могут и не пойти. По крайней мере, так понял Бела речь Добрыни. Теперь старик пожалел, что отнёсся слишком ласково к Владимиру, но изменить обращение, показать себя неприступно серьёзным, по его мнению, было уже поздно.

— Не будет от тебя нам помощи, — продолжал между тем Добрыня, знаком показав племяннику, что тот должен не прерывать его, — так мы и в другом месте отыщем её. Мало ли храбрых королей и князей окрест нашей Славянины есть? Король Мечислав у ляхов, король венгров с верховья Истра — всё это дру-

зья и побратимы покойному нашему князю Святославу были, так, авось, не откажут в помощи и его сыну. А если с ними не стоворимся, так к половцам пойдём. Их ханы до ратного дела охочи, тьму людей дадут. Таков мой сказ тебе, отец Бела. Но ежели мы к тебе первому пришли, так потому лишь, что владения твои первыми нам по пути попались да слышали мы вот от нашего друга Аскольда, — переиначил на славянский лад Добрыня имя норманна, — что и ты, отец, не прочь ратного дела, ибо засиделись дружины твои да и казна Святовита тощать стала. Вспомнили и пришли, ведь от речи убытку не будет, а выйдет у нас дело с тобой или нет, про то не станем пока до поры до времени загадывать. Так-то, отец!

Голос Добрыни звучал уверенно.

Говорил славянский витязь совершенно свободно, как будто перед ним был не всемогущий жрец таинственного рюгенского божества, а во всём равный ему, изгнаннику, человек. Уверенность и твёрдость Добрыни произвели впечатление. Бела не то, чтобы смутился, но у него были свои планы в отно-

шении этих русских витязей, и он смотрел на них как на своих покорных слуг, бесприкословных исполнителей своей воли — и вдруг неожиданный отпор в виде указания на то, что в его помощи эти люди далеко не так нуждаются, как он, Бела, ожидал! Однако Бела сейчас же нашёлся, как выйти из своего затруднительного положения.

— Ох, сын Малка, — произнёс он, — совсем не ко времени твои эти речи!

— Лучше всё сразу сказать, — ответил Добрыня.

— Да на это и другую пору найдём. Экие вы! Прямо с пути — и за дело!

— Ты, отец, сам заговорил! — перебил его Владимир.

— О чём? О Рогвольдовне? Так это так, к слову пришлось. Я обрадован был, что грозный Святовит благосклонен к вашему прибытию, и поспешил сам придти к вам, дабы пригласить вас с дороги разделить с нами, служителями Святовита, скромную нашу трапезу.

А вы сейчас же и за дела! Забудьте о них и помните, что вы гости Святовита. Путь ваш был долог, море бурно, и, думаю я, что, забыв

о всех делах, должно прежде всего дать покой и усладу истомлённому телу. А ты, мой сын, — закончил он, обращаясь к Владимиру, — пылок, как юноша! Вижу я, что сердце твоё страдает от обиды, но это ли тяжкое горе? Эх, дитя, дитя! Так ли змеи жалят человеческие сердца! Будешь жить, узнаешь сам, что и горшие страсти мутят вас, славных людей, и только тот, кто, подобно мне, весь живёт в божестве, может не страдать от них. Нонне! Нонне! — захолопал в ладоши Бела.

Невидимые руки распахнули шкуры, висевшие на одной из стен, и показался старый жрец, встречавший гостей на морском берегу. Он скрестил на груди руки, так что пальцы касались его плеч, и, низко склонившись пред своим владыкою, застыл в этой позе, ожидая приказаний.

— Всё ли готово, мой Нонне, для наших гостей? — спросил Бела.

— Ты повелел, могущественный! — последовал ответ.

— Так проводи их в зал трапез. Тебе я поручаю их; я же пойду к Святовиту, ибо настало время моления моего пред ним. Идите, доро-

гие гости, утоляйте ваш голод, запейте франкским вином вашу жажду, потом возлягте на ложе, и да пошлёт вам Святovit добрые сны!

Он слегка поклонился своим гостям; Нонне жестом руки пригласил их следовать за собой. Освальд, уходя, тоже низко поклонился старому жрецу. Добрыня отвесил поклон со степенной важностью, Владимир же подошёл к Беле и, положив свою руку на его плечо, произнёс ласковым голосом, в котором не осталось и следа недовольства:

— Отец, мне кажется, ты полюбишь меня. Не кори меня моей молодостью, попроси Святовита, чтобы он помог мне сесть на киевский стол, и ты найдёшь во мне навсегда преданного друга.

5. НА ПИРУ

Онне вёл гостей длинными запутанными переходами. В них стояла такая темь, что

только один старый проводник мог идти спокойной поступью. Остальные то и дело спотыкались и, чтобы удержаться на ногах, схватывались друг за друга. Невольно даже в неробкие сердца воинов закрадывался страх.

— Войти мы вошли, а как вот выйдем? — пробормотал словно бы про себя Добрыня.

Нонне услышал его и круто обернулся.

— Ты боишься, вождь? — спросил он.

— Чего боюсь? Ничего я не боюсь, — угрюмо ответил Малкович, — и будто бы нет другого пути в трапезную вашу залу! Здесь ведь и запутаться легко.

— Да, — несколько загадочно сказал Нонне, — кто раз прошёл по этим переходам, тому трудно вернуться без помощи Святовита обратно. — Голос жреца звучал и насмешкою, и загадкою.

— Но вы, чужеземцы, не бойтесь ничего, — продолжал Нонне, не слыша, чтобы кто-либо из спутников сказал ему в ответ хотя бы одно слово, — я проведу вас назад другим путём, и вы вновь увидите сияние солнца, услышите шум морских волн, но прежде всего вы должны взглянуть на тайну божества и прекло-

нить колена пред владыкою воздуха, морей и земли, великим, грозным Святовитом. Такова воля моего отца-повелителя Белы.

— Пусть будет так, — беззаботно вскричал Владимир, — хотя я теперь предпочёл бы чашу франкского вина и хороший кусок прожаренного на углях мяса. Но что же? Обязанность гостей покоряться во всём воле хозяина. Но что это слышу я?

Владимир остановился и схватил руку Добрыни.

Откуда-то до них доносились жалобные стоны. Казалось, где-то совсем близко мучается страшной, невыносимой болью человеческое существо. Стоны то слабели, то переходили в отчаянный, ужасающий рёв. В них слышалось безумное отчаяние, предсмертная тоска и жажда смерти, которую как будто удаляли нарочно, дабы продлить эти страдания. Между тем решительно ничего не было видно в полутьме лабиринта. Страшные звуки выходили как будто из глубины. По крайней мере, все трое витязей были уверены, что они слышат их у себя под ногами.

— Клянусь Одином, — вскричал

Освальд, — так не режут и пикты, когда их поражают секиры берсерков. Вероятно, в подземелье Святовита не сладко тем, кто туда попадает. Они стояли, не двигаясь. Непонятный ужас приковал их ноги к холодному полу. Нонне тоже остановился и, полуобернувшись, с насмешкой сказал:

— Ты прав, ярл! Великий Святовит бесконечно милостив к тем, кто ему покорен, и не знает пощады к врагам. Он мстит противящемуся ему и при жизни, и в мире теней, где он царствует так же, как и на земле. Не хотите ли взглянуть на обречённых?

— Нет, нет, Нонне! — вскричал Владимир. — Молю тебя, избавь нас. Долгий путь и без того истомил наши тела, и отдых необходим нам. Веди нас скорее прочь. Эти вопли растерзали моё сердце.

Но Нонне был неумолим.

— Я должен показать вам жертвы Святовита, — произнёс он, — мы находимся как раз около обречённых.

Добрыня незаметно дёрнул племянника за рукав, как бы указывая, что необходимо повиноваться желанию кровожадного жреца.

Владимир понял, что хотел выразить дядя.

— Так показывай скорее всё, что хочешь, — согласился он, — только, говорю, скорее.

Жрец сделал едва заметное движение рукою, и вдруг сразу пропала одна из стен лабиринта. Стало светло, и в некотором отдалении от себя, но гораздо ниже своих ног, гости Белы увидели несколько человеческих существ — человеческих лишь потому, что они фигурую были похожи на людей. Одно из этих существ было распято на двух скрещённых друг с другом брёвнах. Из бесчисленных надрезов на теле крупными каплями струилась кровь. Другое существо, также обнажённое, было заключено в клетку с железными прутьями. Оно кричало и ревелю, делая страшные и, казалось, совершенно бессмысленные прыжки. Путья клетки были раскалены и краснели, вспыхивая то и дело огоньками. Владимир понял, что пол клетки нагревался и это было причиной бессмысленного прыганья несчастного страдальца. Как ни крепки были нервы этого молодого, но уже закалённого в боях человека, он всё-таки не

мог вынести ужасного зрелища и отвернулся. Освальд, ещё более крепкий, чем новгородский князь, тоже стоял, закрыв лицо ладонями рук. Один Добрыня совершенно равнодушно смотрел на происходивший перед его глазами ужас.

— Скажи, Нонне, — тихо, несколько дрожащим голосом спросил Владимир, — что сделали эти люди? Какая вина обрекла их на эти пытки?

— Это христиане! — злобно хохоча, вскричал Нонне. — Этих людей Святовит ненавидит более всех врагов. Муки их — наслаждение ему.

— Христиане. Христиане, — пробормотал Владимир.

Он хотел ещё что-то сказать, но Добрыня опять остановил его.

— Да полно тебе, жрец, путать-то нас, — проговорил он, — уж не думаешь ли ты, что такие ваши дела, — кивнул Малкович в сторону несчастных страдальцев, — так устрашат нас, что заробеем. Поди скажи твоему Беле, что нас пугать нечего. Мы пришли к вам в Аркону по доброй воле, и договор наш тоже

да будет заключён добровольно. Страхи же ваши нам нипочём. Веди нас далее.

На этот раз голос старого витязя звучал уже далеко не шуточной угрозой. Притом же Добрыня, произнося последние свои слова, так повёл плечами, что даже Нонне вздрогнул. Жрец привык к подобострастию со стороны тех, кто являлся с просьбами о помощи к их повелителю Беле. Но этот славянин заговорил скорее угрожающе, и Нонне, получивший от Белы подробные инструкции, несколько рассердился. Ему в самом деле приказано было показать гостям ужасное зрелище. Бела рассчитывал, что пришельцы устроятся и пойдут на все те условия, которые он поставил бы им.

Однако он строго приказал своему слуге-жрецу не прибегать ни к каким крайним мерам, а лишь наблюдать за тем впечатлением, которое произведёт на гостей страшное кровавое зрелище.

Теперь Нонне видел, что благодаря хладнокровию Добрыни впечатление произведено самое слабое. Недовольный самим собою, он трижды хлопнул в ладоши, и стена мгновен-

но закрылась без всякого шума, как будто чьи-то невидимые руки поспешно запахнули её.

— Вот так-то лучше, Нонне, — воскликнул Освальд, — теперь веди нас скорее. Думаю, что конец этим вашим проклятым переходам скоро.

— Путь познаётся по своему концу! — и насмешливо, и загадочно произнёс в ответ старый жрец.

На этот раз Добрыня промолчал.

Идти им теперь, и в самом деле, пришлось недолго. Нонне вдруг скрылся совсем из глаз, потом запахнулись невидимые завесы стены, и трое витязей очутились в огромном зале, слабо освещавшемся небольшими окнами наверху и огнём в огромном очаге, устроенном в одном из углов. Стены угрюмого зала были завешаны звериными, шерстью вверх, шкурами, между ними были прикреплены огромные развесистые турьи рога, оставленные на выветрившихся и совершенно белых черепках. Посреди зала, ближе к очагу, стоял длинный, узкий стол и около него высокие, дубовые, покрытые шкурами скамьи. В конце

стола, чуть поодаль от него, на возвышении, установлено было кресло-трон с высокой спинкой и мягким сидением. Когда вошли витязи, кресло уже было занято. На нём восседал старый Бела, казавшийся издали, благодаря своей одежде, белым пятном. Около него стояли двое молодых жрецов, а у возвышения — четверо рослых и красивых воина Святовита, также в белых длинных одеяниях, в медных, ярко блестящих латах. Двое держали остриями книзу длинные тяжёлые мечи, остальные — массивные секиры на плечах. Головы воинов не были прикрыты; русые волосы волнами падали на плечи. Дружинники стояли неподвижно, как изваяние. Вся эта группа, со старцем в центре, была красива, и Владимир, как более впечатлительный, невольно залюбовался ею так, что даже забыл поклониться при входе старому жрецу Святовита.

Бела заметил, какое впечатление произвёл он на славянского князя, и слабо улыбнулся.

— Приди ко мне, о юный, — произнёс он, протягивая к Владимиру руки, — ещё раз приветствую тебя, ибо я опять вопрошал Святови-

та и Святovit снова остался доволен твоим прибытием на остров!

Славянский князь почтительно приблизился к трону жреца и преклонил колени.

— Отец, — с порывом сказал он, — я вижу, что ты полон доброжелательства к нам! Мне показалось, что, когда расстались мы, на лице твоём появилась тень гнева, но теперь твои слова рассеяли мои подозрения.

— Не может быть гнева на тех, к кому благоволит Святovit, — возразил Бела. — Витязи, — обратился он к Добрыне и Освальду, — займите места за столом, и чтобы вам не было скучно, я призову для беседы с вами начальников Святovitовых дружин, ты же, Владимир, сядь около меня, и когда утолишь свой голод и жажду, мы будем говорить с тобой обо всём, что тебе по душе.

Бела громко хлопнул в ладоши. Двое молодых жрецов, явившихся как из-под земли, установили несколько ниже его трона небольшой столик со всевозможными яствами. Яства, но в большем количестве, появились и на главном столе. Пока подавали их, зал наполнялся воинами-жрецами. Все эти

люди были с виду могучи, красивы. Стариков между ними не было, даже пожилых виднелось очень немного. Подходя к столу, они кланялись в пояс Добрыне и Освальду и только после этого занимали свои места. Добрыня Малкович отвечал им степенным поклоном, а сам всё старался подобраться к краю стола. Старому витязю хотелось быть поближе к племяннику, и он преуспел в этом. Уловку его не заметил даже Бела, всё своё внимание обративший на Владимира, и, наконец, Добрыня ухитрился пристроиться за столом так, что ему было слышно каждое слово из разговора племянника с арконским жрецом.

По знаку Белы начался пир. Все вставали со своих мест и низким, поясным поклоном приветствовали жреца. В этот момент раздались тихие, приглушённые далью звуки рогов, к которым скоро присоединились невидимые лютни, где-то послышалось согласное красивое пение скрытого от глаз пирующих хора. Всё же за столом молчали, даже не слышно было звона кубков.

— Клянусь Перуном, Одином, самим Сятовитом, наконец, — воскликнул Влади-

мир, — мне это пение нравится более, чем то, которое я слышал по дороге сюда!

— Что ты хочешь сказать, дитя? — ласково спросил Бела, взглядывая на славянского князя.

— Твой Нонне зачем-то привёл нас туда, где мучаются христиане.

— Д-а-а! — протяжно произнёс жрец. — И что же?

— Я подумал, что нехорошо очутиться на их месте!

— Ещё бы! — усмехнулся старец.

— Но за что они так мучаются?

— Ты хочешь это знать?

— Да! Нонне что-то такое говорил мне. Будто они враги Святовита, и их муки доставляют ему удовольствие. Может ли это быть? Я видел этих людей. Они кротки, в особенности их жрецы, толкуют о какой-то любви и неохотно берутся за меч. За что же страдают они? Я понимаю битву. Это другое дело. Тогда есть сладость борьбы, а за ней и счастье победы. Полна наслаждения удовлетворённая месть. Но что сладкого в том, чтобы пленить людей и терзать их тело?

Владимир и не замечал, что по мере того, как текла его речь, хмурился арконский жрец.

— Ты очень молод, сын мой, — вымолвил, прерывая его, Бела, — и многое в жизни действительно непонятно тебе. Нет у Святовита, у Перуна, у Сварога, Одина врагов земных более сильных, чем христиане. Всюду, где ни появляются они, рассеивается слава богов, которым поклонялись целые поколения наших предков. Христиане возвещают новую жизнь, а зачем она, эта жизнь, когда народ счастлив? Разве не прославил себя и свой народ конунг Олав своими бесчисленными победами? Имя его гремело повсюду. Но как только около него появились христиане, он забыл о победах и слушает их речи, а народ его беднеет и не находит себе пищи для существования. А речи их лживы. Они говорят о добре и какой-то любви людей, а что делают сами? Вот и ты пострадал и страдаешь от них.

— Как так? — вскричал Владимир.

— Тебе лучше это знать, лучше, чем кому другому!

— Ничего не знаю. Моя бабка Ольга была

христианкой, и я никогда не видал от неё никакого зла. Это скажет и Добрыня!

Малкович, услышав своё имя, приподнялся и перешёл к столу, за которым сидел его племянник.

— Ты что-то говоришь обо мне? — сказал он.

— Да! Вот скажи Беле, что бабка Ольга, хотя и умерла христианкой, а лучше её не было на свете женщины.

Добрыня крякнул.

— Ты уж позволь, отец Бела, присесть с вами, — говорил он, подвигая высокий табурет, — слышу я, поминаете вы моё имя, так думаю, что уже и мне лучше быть здесь.

Глаза арконского жреца блеснули гневом.

Среди дружинников, сидевших за пышным столом, прошёл шёпот. Им показалось оскорбительным для их властелина бесцеремонная выходка славянского витязя, но тот не обратил внимания ни на грозные взгляды Белы, ни на ропот его воинов.

— Ты, отец Бела, не гневайся, — говорил Добрыня, принимаясь за кубок с вином, — сам ты виноват, что меня за задний стол пе-

ресадил. Не место мне, князьему дяде, там. Вот я и перешёл сюда. Всё равно без меня с племянником ничего не решишь, и толковать-то со мной придётся!

— Отец Бела, — просительно сказал Владимир, — дядя Добрыня мне вместо отца, и нехорошо ему на пиру ниже меня быть!

. Лицо жреца несколько прояснилось.

— Это хорошо, что ты за своих заступаешься! — сказал он. — Пусть Малкович с нами будет. Я знаю, что он воин храбрый и советник хороший.

— Вот так и давно бы тебе! — промолвил, слегка усмехаясь, Добрыня. — Вот что, отец Бела, ты княгиню Ольгу хаять оставь: мудрая она была, недаром по вещему Олегу имя своё носила. Про христиан тоже ничего не скажу. Есть и среди них храбрые воины.

Бела опять нахмурился. Очевидно, он не мог выносить, когда при нём хвалили христиан.

— Много христиан развелось в Киеве, — произнёс он, — и они погубят весь народ славянский. Они уже просветили Ярополка и подстрекнули его убить Олега.

— Не может быть того! — воскликнул Владимир.

— Ты думаешь? — холодно сказал Бела, взглядывая в упор на Владимира. — Олег и ты никогда не поддались бы им, а Ярополк склонился на их сторону. Он позволяет христианским жрецам обращать в свою веру киевский народ. Олег не позволил бы этого. Ты тоже. Вот вас и нужно было устранить, чтобы Ярополк остался один княжить. О, они хитры! Олег пал, ты изгнанник. Ярополк поддался христианам.

— Я вернусь, — закричал Владимир, — и горе всем им!

Глаза его искрились гневом, слова будто через силу вырывались из груди.

— Кому им? — спросил Бела.

— Им! Ярополку и христианам.

— И ты не отступишься от своих слов?

— Клянусь, нет!

— Тогда, сын мой, ты можешь рассчитывать на помощь Святовита! — торжественно проговорил жрец. — Я дам тебе дружину и помогу тебе в твоей мести!

Он протянул руку славянскому князю, как

бы подтверждая этим своё обещание.

6. ДОГОВОР

Чевидно, Бела совершенно изменил свои взгляды на Добрыню.

Вскоре вместе с ним он удалился из зала, оставив Владимира пировать со своими воинами. Сын Святослава между тем скоро развесялился. Обещание арконского жреца ободрило его. Он сильно побаивался, что им с Добрыней не удастся добыть на Рюгене дружины, теперь эти опасения рассеялись. С уходом Бела все вдруг повеселели. Завязался разговор, воины уже не только что непринуждённо разговаривали, но и смеялись. Забыта была даже выходка Добрыни Марковича, тем более, что все видели, как жрец оказал ему внимание.

К Владимиру относились все с большим почтением.

После того как Бела открыто пообещал ему помощь, в нём видели вождя предстоящего похода в новые, не истощённые ещё предшествовавшими грабежами земли, а поэтому теперь уже многие старались обратить на себя его внимание.

В то же самое время Бела и Добрыня в отдалённом покое вели между собою вполне откровенный разговор.

— Помощь-то ты обещал нам, отец Бела, — говорил Добрыня Малкович, непринуждённо рассевшись пред жрецом на дубовой скамье, — а вот не сказал одного, что ты получить с нас пожелаешь?

— А то, что вы исполнить можете, — был ответ.

— Ещё бы ты запросил, чего сделать нельзя, — усмехнулся Добрыня. — Да ты обиняками-то не говори. Условимся сразу — и конец всему!

— Помогу я вам, — вдруг пылко и страстно заговорил арконский жрец, — помогу так, что и теперь уже за ваш успех поручусь, а вы обещаите мне лишь одно: что не заведёте на вашей Руси христианство и всех христиан из-

гоните из вашей земли.

— Только-то?

— Если и это исполните, хорошо будет!

— А и не любишь ты, Бела, христиан!

Жрец злобно рассмеялся.

— Мне полюбить их?! — воскликнул он. — Рюген и всё морское побережье, где живут мои венды, было подвластно Святовиту. В землях наших не было никого, кто осмелился бы усомниться в могуществе Святовита, и вот я вижу, что везде стала слабеть вера в богов, что люди перестают бояться их кары, не прибегают к нам, служителям божества. Я уже теперь не имею той силы и власти, какая была у меня недавно. Всё рушится, всё отпадает от старины, и виною этому христиане. Они везде заводят свои новые порядки. В землях франков, аллеманов, на острове саксов и пиктов исчезли совсем друиды, и только случайно уцелевшие руны кое-где ещё свидетельствуют об их недавнем могуществе. О древних богах и говорить нечего. Твёрд был среди народов славянских Святовит, но теперь, слышно, и они отказываются от старых богов. Ляхи уже становятся христианами; осталась

Русь ваша, но и в неё вошло христианство. Правда, оно идёт к вам с Востока, из Византии, но это всё равно. Если оно укрепится на вашем Днепре, то оттуда разольётся везде по землям, где живете вы, славяне, и тогда пропадёт Святовит, а с ним и Аркона, и мой Рюген потеряют всё, всю власть, какую имели до сих пор. Я уже знаю, Олав, конунг Норвежский, подчиняясь христианским жрецам, задумывает поход на Аркону. Он разрушит храм Святовита, убьёт его белого коня, подчинит весь Рюген своей власти. Тогда всюду здесь появятся храмы христианского Бога, и у меня не будет силы защитить моё божество, которому я служу всю мою долгую жизнь. Вот почему я хочу, чтобы твой Владимир стал киевским князем. Он будет в Киеве и не пропустит христианских жрецов на Русь. Тогда Рюген будет спасён.

— А если пропустит? Если и сам станет христианином? — сказал Добрыня.

— Этого не будет!

— Как знать будущее.

— Не будет! Я поставлю его киевским князем, я же и уничтожу его, если он или ты

осмелитесь изменить своему обещанию. Разве не мои дружины пойдут с вами? Разве не будет у меня могучих приверженцев в нашем Киеве? Я даю, я могу взять и назад данное.

«Ого, вот ты как, — подумал Добрыня, — я бы на твоём месте так говорить не стал! А ещё считаешься мудрецом!»

Бела не заметил его насмешливого взгляда.

— Итак, — с прежним увлечением продолжал он, — я помогу вам, я отдам вам голову Ярополка, потому что он никогда не будет служить нам. Вы же всегда будете моими союзниками. С помощью вас я изгоню христиан со всей Славянщины и всюду восстановлю старых богов, и опять народы будут счастливы по-прежнему. Когда же исполнится это, я соединю всех славян под властью киевского князя; всех славян, слышишь ли, витязь? И славяне пойдут повсюду, где умами и сердцами людей овладели христианские жрецы, и станут изгонять их, разрушать храмы их Бога, и будет тогда мой Святовит царить повсюду!

— Это не худо! — согласился Малкович.

— И ты с племянником будете служить

мне.

— Коли только в том дело, чтобы христиан не пустить да вашей Арконе помощь подать, тогда и говорить нечего: конечно, будем! Сказать по правде, нам что Перун, что Святовит — всё равно.

— Нет, Перун у вас был, пусть и останется.

— И то ладно! А христиане... Да пусть они пропадут!

Добрыня становился с каждой минутой всё веселее.

Он даже и помыслить не смел, чтобы Бела поставил такие лёгкие условия своей помощи. Теперь его интересовал вопрос, сколько даст дружинников ему арконский жрец.

— Отдам хоть всю норвежскую дружину! — ответил Бела, когда Малкович спросил его об этом.

Тут Добрыня несколько стал в тупик. Он прекрасно знал, что варяги служат у арконского жреца по найму.

«Видно, их срок близок к концу, — вдруг сообразил он. — Да это всё равно, лишь бы в Новгород придти, а там и мы найдём, чем варягам платить! Полоцкая земля недалеко. Ро-

гвольдовой казной все заплатим».

Однако он и виду не подал, что догадывается о близости срока окончания службы наёмных войск Арконы.

— Так по рукам тогда, отец Бела? — сказал он.

— А будет ли твой Владимир согласен на мои условия? — спросил осторожный Бела.

— Ну, ещё бы. Он хоть так про христиан говорил, а сам их не любит.

— Тогда пусть он даст клятву, а ты будь за него поручителем.

— Чем угодно, поклянёмся оба, — немедленно согласился Добрыня, — хоть Перуном самим, всё равно. Только ты не держи нас.

— Не буду держать. Ярополк усиливается.

Малкович лукаво посмотрел на жреца.

— А как же ты хотел выдать нам его с головой?

— И выдам. Он сам придёт к вам.

— Ой ли, отец! Ярополка-то я с детства знаю, простоват он, что и говорить, а всё-таки кто же сам на свою погибель пойдёт.

— Увидите! — коротко сказал Бела и устало закрыл глаза. Добрыня встал со скамьи.

— Притомился ты, отец, — сказал он, — да и я тоже. Пусть племянник веселится, а меня на покой отпусти. Обо всём, кажись, мы с тобой переговорили.

Не открывая глаз, Бела кивнул головою и хлопнул в ладоши. Появившемуся на зов служителю он приказал проводить витязя в приготовленный для него покой; но лишь только он остался один, выражение усталости исчезло с его лица, и он громко закричал:

— Нонне, Нонне!

Нонне ждал этого зова где-то совсем близко. Он явился мгновенно.

— Ты был здесь, Нонне? — с живостью спросил его Бела. — Ты слышал наш разговор?

— Слышал, великий отец.

— Что ты скажешь?

— Прости, великий, я не понимаю, зачем ты говорил этому варвару, почему тебе нужно, чтобы Владимир сел в Киеве? Не может ли он подумать, что мы нуждаемся в их помощи, а не они в нашей? Не вообразят ли они, что мы погибаем и не можем найти нигде себе союзников, кроме них, потому и берёмся помо-

гать им?

Бела грустно покачал головою.

— Нонне, ты думаешь, что этот варвар глуп?

— Думаю так, великий отец.

— Тогда я скажу, что ты ошибаешься. Он княжий советник, и князь Святослав поручал ему и управление государством, и переговоры с неприятелем. Знаешь ли ты, вот этот Добрыня не раз обходил хитрецов-византийцев, а о других и говорить нечего.

— Но ты принял его неласково и сначала совсем не говорил с ним.

— Я должен был приглядеться к нему, понять, каков он с Владимиром. Недаром я живу столько лет на свете. Когда этот юноша сказал, что Добрыня ему вместо отца, я понял, что он действительно находится под его влиянием. И вот теперь нам нужно перехитрить его. Необходимо, чтобы около Владимира, когда он станет киевским князем, был у нас свой человек, который стал бы его ближайшим советником. Ты знаешь ли воеводу Блуда?

— Воеводу Ярополка?

— Да. Вот я хочу, чтобы он занял при Владимире место Добрыни. Блуд давно уже там. Он ненавидит христиан, ненавидит и Ярополка. Если он будет при Владимире, вся Русь будет покорна нам и поможет отстоять Рюген от Олава.

— Великий отец, — воскликнул Нонне, — разве так грозна опасность?

— Нонне, Нонне! Или ты не знаешь, что Олав — владыка, каких ещё не бывало на свете? Он храбрее всех конунгов, даже храбрее великого Кнута. И он, как донесли мне преданные люди, даже во сне грезит, как бы низвергнуть Святовита. Вся наша надежда на русских славян. Вот почему я и принял этих двух изгнанников так, как никогда ещё не принимал конунгов и герцогов. Но не хитро взять, нужно ещё и удержать взятое. Вот это труднее всего. Настало, Нонне, время послужить тебе!

— Приказывай, великий отец, — склонился старик, — тебе известна моя преданность Святовиту и тебе! Всё будет исполнено, что бы ни повелел ты, разве смерть остановит мои дни.

— Я потому-то так и надеюсь на тебя, Нонне. Я скоро пошлю тебя на Днепр, в Киев. Жрецы Перуна — наши друзья и слуги. Я укажу тебе, как ты должен действовать и на что направлять воеводу Блуда. Ярополк должен погибнуть, но виновником его гибели должен стать Владимир. Это необходимо. Ты пойдёшь отдельно от Владимира, так, чтобы он даже не знал о твоём появлении на Днепре. Иди под видом купца. Жрецы Перуна примут тебя, как родного.

— Когда прикажешь мне приготовиться в путь, великий отец? — спросил Нонне.

— Сперва отпустим их. Завтра выведу коня Святовита и покажу рюгенскому народу его знамя. Немедленно отпущу чужестранцев. Они пойдут морским путём, ты же проберёшься по суше. Теперь иди. Нет, постой. Что эти христиане?

— Я показывал их пришельцам.

— А что они?

— Они не обратили даже внимания и поспешили пройти мимо. Добрыня даже обличал меня в том, что я хочу поразить их ужасом.

— Видишь, как пронизателен этот славянин. Иди же, мой Нонне, мне нужно остаться одному. Многое нужно обдумать, многое подготовить в путь; да хранят тебя Святовит и все подвластные ему боги.

Нонне низко поклонился Беле и исчез за звериными шкурами, покрывавшими стены. Старый жрец остался один. Глубокая задумчивость овладела им. Губы тихо шептали какие-то слова.

Наконец Бела глубоко вздохнул и громко заговорил сам с собою:

— Да, настало время последней борьбы. Кто одолеет: Святовит или Бог христиан? Я буду бороться до последнего своего издыхания. Пусть только Владимир сядет в Киеве! Я окружу его своими слугами, моя дружина будет всегда около него, и горе ему, если только он осмелится послушаться моих повелений, выйти из моей воли! Я сумею уничтожить его и поставлю киевским князем кого захочу. Христиане никогда не одолеют славянского Перуна, и Русь будет моей защитницей. Тогда берегись, Олав! Тебе не одолеть этого народа, он сам одолеет тебя и твоих. Только бы удалось

всё так, как задумано мною.

Старик заметно волновался. Он поднялся со своего кресла-трона и большими шагами прошёл по покою. Тревога овладела его душой, думы, одна мрачнее другой, волновали его, но он не поддавался тяжёлым мыслям.

— Нет, Святовит должен победить всех своих врагов, иначе погибнем и мы! — восклицал старик, и глаза его светились ненавистью.

7. КОНЬ СВЯТОВИТА

Ромкие звуки рогов заставили на следующее утро Владимира открыть глаза и стряхнуть дремоту. В эту ночь он спал крепко. Усталость после пути, весёлый пир, закончившийся поздно ночью, множество новых впечатлений усыпили молодого славянского князя так, что, проснувшись, он даже забыл, как лёг в постель.

Молодость сказалась. Сейчас же Владимир поднялся на ноги и огляделся вокруг. У противоположной стены на составленных вместе широких скамьях спал, сладко похрапывая во сне, Добрыня. Племянник поспешил разбудить его. Теперь он припомнил, что, возвратившись с пиру, он уже застал его здесь крепко спавшим. Он ещё тогда хотел разбудить его, но сон старого богатыря был так крепок, что, повозившись около него, Владимир сам поспешил улечься в постель.

«Если так, — подумал он, — Добрыня сделал всё, и старый Бела несомненно на нашей стороне».

Звуки рогов между тем не смолкали. Шум всё возрастал. В спальном покое появился жрец.

— Великий Бела, любимый слуга Святовита, — произнёс он, кланяясь Владимиру, — просил своих гостей сойти к нему для последней беседы.

Добрыня, спавший до того, как убитый, услышав голос чужого человека, сразу поднялся со своего ложа.

— Скажи отцу Беле, — обратился он к жре-

цу, — что мы сейчас будем.

Богатырь встал, потянулся, зевнул и, повернувшись к племяннику, произнёс:

— Мы уже покончили с Белой. Он даёт нам свои варяжские дружины и за это требует лишь одного, чтобы ты, когда станешь киевским князем, не принимал христиан, а тех, которые уже живут на Руси, прогнал бы.

— Только-то и всего, — вскричал Владимир, — не верится мне что-то!

— А ты поверь, — отвечал Малкович, делая в то же время племяннику знаки глазами, — старый Бела полюбил тебя, как сына, вот и хочет тебе помочь. Я уже сказал, что его условие я принимаю. Пойдём скорее к нему, и подтверди сам моё обещание.

Владимир понял, что Добрыня не хочет вести подробного разговора, и молча кивнул ему головою в знак своего согласия.

Между тем у ворот жреческого города собралось чуть ли не всё окрестное население. Рюгенцы сходились толпами. На острове было уже известно, что в это утро будет вынесено из храма знамя Святовита. Давно не появлялось оно перед толпою, и островитяне радо-

вались, так как этот ритуал свидетельствовал о скорой войне с врагами их бога, а такие войны, в сущности сводившейся к разбойничьим набегам на соседние страны, всегда обогащали жителей Рюгена, ибо отправлявшиеся в походы воины возвращались не иначе, как с хорошей добычей.

— На кого пойдёт Святовит свои дружины? — слышались в толпах вопросы.

— Говорят, что воины пойдут в славянские земли. Там много скопилось богатств.

— Неужели на Новгород?

— Кто знает это? Может быть, на Киев.

— В Киеве богатства больше. Туда идти бы.

В это время растворились ворота жреческого города, и толпы волнами хлынули в них. На площади перед храмом нестройными рядами стояли варяжские дружины. Тут были и рюгенские варяги, и варяги, прибывшие с гостями Белы. Эрик, Ингелот, Руар и Оскар стояли в первых рядах. Все эти воины, обыкновенно шумливые, теперь сохраняли тишину и спокойствие. Их лица были как никогда серьёзны и важны. Они все ожидали решительного мгновения. Когда будет вынесено

знамя Святовита, его жрец должен был объявить имя главного вождя похода, а вслед за тем белый конь рюгенского божества покажет, что ждёт воинов на полях битвы.

От храма вплоть до подножия холма стояли шпалерами пешие и конные дружинники Святовита. Пешие разместились между всадниками и образовали блестящую красивую группу. У закрытых дверей храма полукругом расположились жрецы в своих белых одеяниях. День на этот раз выдался светлый и даже солнечный. Обычный на Рюгене туман рассеялся, и даже видно было небо, покрытое быстро плывущими сероватыми облаками, море шумело без обычного своего рокота; звуки труб и рогов жрецов далеко разносились над Рюгеном.

Так прошло некоторое время. Вдруг послышалось громкое пение. Попарно, длинною вереницею вышли мальчики, певшие хвалу Святовиту. Дети были одеты в такие же длинные белые одеяния, как и остальные жрецы. За ними с длинными трубами в руках шли жрецы-юноши, дальше уже — престарелые жрецы. В конце шествия одиноко шёл Нонне.

Толпа приветствовала его громким приветственным кличем. Варяги ударяли мечами о щиты. Эти звуки, пение, трубы и рога — всё перемешалось в один гул.

За Нонне легко выступал Владимир, с любопытством смотревший вокруг. Позади него шли Добрыня и Освальд. Их со всех сторон окружали вожди Святовитовой дружины. Блиставшие в солнечных лучах их медные нагрудники, казавшиеся золотыми шлемы, отливавшие холодным блеском стали мечи и секиры производили сильное впечатление на собравшиеся толпы рюгенского народа.

Громкие крики восторга раздавались отовсюду. В них слышались удовольствие и чувство гордости.

Как и всегда, внешняя красота увлекающе действовала на толпу, и в сравнении с вождями Святовита, совсем остались незамеченными скромные, просто одетые славянские и норманнские витязи.

Шествие растянулось так, что, когда дети поднялись на холм и занимали места рядом со стоявшими перед храмом жрецами, гости Святовита и окружавшие их дружинники

только-только подходили к подножию холма.

Наконец, и они, провожаемые ни на мгновение не смолкавшими криками, поднялись на площадку перед храмом и заняли места во главе дружинников, стоявших шпалерами.

Пред закрытыми дверями остался один Нонне. Он поднял руки над головой и громко воскликнул:

— Святовит, Святовит, Святовит!

В насупившей сразу тишине эхом перекатился этот призыв. Ответа на него не было.

— Святовит, — взывал Нонне, — явись!

— Святовит, Святовит! — воскликнуло сразу несколько тысяч голосов. — Явись, явись!

Вдруг что-то блеснуло над холмом. Сотни труб, рогов загудели все в одно мгновение. Ворота храма распахнулись. Все, кто стоял у подножия холма, как подкошенные, пали ниц.

В открывшихся воротах ясно был виден блиставший на солнце уродливый истукан. Он представлял собой грубо сделанную гигантскую фигуру человека с одной поднятою, а другой опущенной рукой. Венок из длинных игл, изображавших молнии, окружал го-

лову идола. В поднятой руке он держал огромных размеров рог, в опущенной — исполинский меч.

Это был Святовит, божество славян-вендов.

У подножия истукана стоял старый Бела, казавшийся маленьким в сравнении с гигантским идолом. Левой рукой Бела указывал на Святовита, правая простёрта была по направлению к народу.

— Вот Святовит! — воскликнул он.

— Вот Святовит! — эхом повторил стоявший перед храмом Нонне.

— Вот Святовит, вот бог! — крикнули разом дружинники.

Крик их подхватила толпа. Неистовый восторг объял рюгенцев; они кричали, шумели, даже рыдали. Слышалось безумие в этой массе звуков. Варяги и те были увлечены общим порывом.

— Святовит, Святовит! — неистово кричали они, колотя мечами по щитам.

Бела вышел на площадку пред храмом, и едва он переступил через его порог, невидимые руки задёрнули истукан тёмною, непроницаемою для глаз завесою. В то же

время в храм вошёл Нонне с двумя вождями святовитовых дружин.

— Народ рюгенский, варяги, гости и служители Святовита! — отчётливо, громко заговорил Бела с высоты холма. — Настал великий час. В ночь на сегодняшний день я, как и всегда, молился и приносил священные жертвы грозному Святовиту. Громко выл ветер, и рокотало беспокойное море. И вот я видел, как ожил Святовит. Он был страшен. Молнии сверкали из его очей, клубы огня и дыма вырывались из его уст. Меч в его руке звенел, и заржал белый конь, чуя приближение своего господина. Я в страхе пал ниц на землю. В это время Святовит воссел на своего коня. Сами собою отворились двери храма, и грозный бог помчался по воздуху, рассекая его своим мечом. Я же лежал, не смея шевельнуться, и пробыл я словно в забытьи, пока не вернулся Святовит в своё жилище. Я услышал его тяжёлое дыхание, храп его утомлённого коня. «Бела, любимый слуга мой! — сказал мне подобным грому голосом Святовит. — Не страшись, ибо я люблю тебя. Когда настанет день, возвести народу моему, что пришло время поднять

меч на врагов моих. Я уже был среди них и обрёл их на жертву моему воинству. Пусть дружины мои идут смело, их ждёт победа, ибо я буду с ними». «Куда же повелишь идти дружинам твоим, о грозный?» — осмелился спросить я. «Пусть идут в славянские земли, на Русь, — отвечал мне Святовит. — Там города полны бранной добычей, которая будет наградою моим воинам за их труды. Там укрепляются мои враги-христиане, и пусть мои воины уничтожат их. Так я хочу, и да будет так. В знак же того, что такова моя воля, покажи народу моему моё знамя. Кто же ослушается, страшную смерть на того пошлю я». Так говорил мне Святовит. Голос его был подобен то реву ветра, то дыханию лёгкого утреннего ветерка. Лишь когда стихли божеские слова, осмелился я поднять с земли голову. Всё было по-прежнему. По-прежнему был неподвижен бог, и лишь глаза его сверкали тысячами молний. И вот я спешу исполнить волю Святовита и объявляю вам её. Вот знамя Святовита. Смотрите!

Трубы и рога возвестили появление этой реликвии. Снова пали на колени все стояв-

шие пред холмом рюгенцы, и даже варяги преклонили до земли свои головы. В это мгновение из храма выдвинулся старый Нонне. Два вождя несли за ним огромное разноцветное знамя-хоругвь, прикреплённое к длинному древку. Знамя состояло из длинных полотнищ, сшитых между собой. Сверху древко кончалось грубым изображением рюгенского божества.

— Смотрите, смотрите, — кричал Нонне, — вот знамя Святовита, грозного повелителя Рюгена!

Опять раздались трубные звуки. Теперь и дружинники Святовита ударили мечами по своим щитам. Слышались звон, стук, громкие крики. Толпа так и редела от восторга. Завеса, скрывавшая истукана, была отдернута опять, и Святовит во всём своём блеске появился пред народом.

— Послужим великому Святовиту! — гремели голоса.

— Покорим под его властью славянские земли!

— Да здравствует Бела, любимый слуга Святовита!

Старый жрец стоял под самым знаменем, придерживаясь за его полотнище. Он молчал, выжидая, пока пройдут первые восторги толпы.

— Народ рюгенский! — громко возгласил он, когда водворилась некоторая тишина. — Настало время. Сообщу вам ещё одну волю нашего властелина.

— Слушаем, слушаем! — раздались крики.

— Когда я приносил Святовиту последние утренние жертвы, дух познания грядущего снизошёл на меня. И увидел я в жертвенном дыму всякие земли, покорённые во славу Святовита его воинами. Всюду в этих новых странах, ставших подвластными нам, восхвалялось имя нашего повелителя; обитатели этих стран несли свою дань в нашу казну и ставили могучих воинов в дружины Рюгена. И спросил я в недоумении: «О, великий Святовит! Открой мне, кто должен всё это сделать, кто покорит новые земли под твою священную власть, кто поведёт твои дружины по твоим следам?» И мне было видение. В жертвенном дыму увидел я молодого и могучего вождя. Он не был из рюгенского народа, но

славянин и могуществен. И я узнал его, этого вождя-чужеземца. Он — в числе гостей, прибывших на Рюген. И смутился я духом моим и вопрошал божество: «О всемогущий владыка Святовит, как может случиться, что чужой вождь станет во главе твоих дружин?» И слышал я голос божества: «Неразумный и маловерный! Не я ли привёл к Рюгену драккары этого вождя, плывшие по бурному морю? Не я ли по вступлении его на мою землю показал тебе в дыму моих жертв, что угоден он мне, этот вождь? Ты же усомнился теперь. Горе, горе тебе, горе всему рюгенскому народу, если не будет исполнена моя воля. Пусть дружины изберут пришельца вождём своим, и ты выведи пред ними моего белого коня. Проведи его по копьям, и дам я знаменье, что успех ждёт моих воинов под его начальством». Голос смолк, и я пал ниц, умоляя властелина помиловать и меня, и рюгенский народ, если согрешил я своими сомнениями. Такова воля божества, а вот и вождь-пришелец, которого Святовит желает поставить во главе своих дружин.

По знаку Белы Нонне взял за руку Влади-

мира и вывел его пред народом. Несколько мгновений прошло в гробовом молчании. Тысячи пар глаз с любопытством устремились на молодого славянского князя.

Владимир стоял перед народом, гордо откинув назад голову и осматривая всё вокруг властным взором. Наконец, среди толпы пронёсся сперва чуть слышный шёпот, вскоре разросшийся в громкий гул голосов.

Первыми заговорили варяги.

— Лучшего вождя и не надобно! — воскликнул Эрик. — Клянусь Тором, с ним нас ждёт победа. Он в славянских землях свой и поведёт нас знакомыми путями.

— Пусть я не буду сыном своей матери, — отозвался Икмор, — если наш Эрик не прав! Взгляните на него: таких воинов мало и у Олава. Как он горд, как он могуществен!

— Да здравствует Владимир, конунг славянский! — вторя своим вождям, воскликнула варяжская дружина.

— На щит его! Поднимите его на щит!

— На щит его! Да будет он вождём нашим!

— Слышишь, Владимир? — положил Бела руку на плечо славянского князя. — Тебя ва-

ряжские дружины избирают своим вождём. Я сделаю всё. Исполнишь ли ты свои обещания?

— Исполню, — ответил тот, — лишь бы мне отомстить за кровь брата и сесть в Киеве.

— Помни только, я тебе даю, я и возьму!

Пока они говорили, словно живая волна всплеснулась на вершину холма. Это с громкими кличами взобрались среди рядов дружинников и жрецов беспорядочною толпою рюгенские варяги и прибывшие накануне скандинавы. Разом Владимир был приподнят с земли десятками дюжих рук. Ещё мгновение и, поднятый на щит, он возвысился и над жрецами, и над толпами народа. Опять смешались в один нестройный хаос звуков звон мечей, щитов, громкий клич, и лишь по знаку Белы на мгновение водворилась тишина.

— Народ рюгенский и вы, варяги и норманны, — воскликнул Бела, — взгляните, вот вождь Сятовита!

— Да здравствует вождь! — как один человек ответила толпа. — Да здравствует!

С торжественными криками спустили Владимира варяги на щите с выси храма и понес-

ли его между волнами народа, громко восклицая:

— Кто против избранного вождя, пусть выйдет!

Никто не выступил.

Слово Белы было для рюгенцев священо.

— Друзья, товарищи, воины, — воскликнул Владимир, когда варяги, всё ещё держа его на щите, стали так, что он очутился в живом кольце своих воинов, — клянусь, что поведу вас к великим победам! Клянусь делить с вами все труды, лишения и опасности походов и битв и свою долю добычи ратной теперь же отдаю вам всю целиком!

Варяги закричали от восторга.

— Да здравствует наш конунг! Да здравствует, — гремели они, — веди нас на врагов! Победим, победим!

— Коня! Пусть Бела выведет коня Святовита! — кричали другие голоса.

— Бросайте копья, посмотрим, что ждёт нового вождя: успех или поражение.

В храме Святовита, вблизи его истукана, всегда содержался жрецами белый, без малейшей отметины, конь. Около него всегда

наготове висело седло, но его никогда не седлали. По уверениям жрецов, на этом коне разъезжал в бурные ночи по воздуху их Святovit, поражая своих врагов и намечая пути, по которому должны были идти отправлявшиеся в набеги дружины.

Этот же конь являлся предвестником воинских успехов или неудач во время таких набегов. Пред отправлением в поход дружинники сооружали помост из копий, укладывая их в ряд древко к древку. Потом заставляли коня Святовита ступать по ним и замечали, какою ногою он прежде вступит на копья: если правой, воинов ждёт полный успех, если же левой — неудача. И теперь народ рюгенский требовал, чтобы жрецы вывели им коня и путём гадания предсказали, что ждёт дружины в этом походе в страны, где никогда не были ещё воины Святовита.

Дружинники Святовита поспешно бросали по скату холма свои копья. Жрецы укладывали их поплотнее, одно к другому. Бела и Нонне удалились в храм, завеса внутри которого скрывала уже истукана. Варяги и народ с напряжённым вниманием следили за укладкой

копий, сама собою воцарилась мёртвая тишина. Слышались только звяканье железа да изредка похожий на шелест ветра шёпот.

Прошло некоторое время.

Вдруг из глубины храма донеслось громкое конское ржание. Воины и народ, стоящие во круг холма, встрепенулись и опять затихли. Ржание раздавалось всё ближе и ближе. Опять распахнулась завеса, скрывавшая истукана, и в дверях Святовитова храма показался белый конь.

Это было красивое животное, выхоленное, гладкое. Голову коня украшал пук перьев, спину покрывала белая попона. Конь выступал мелкими шажками. Он поводил налитыми кровью глазами, прыгал ушами, фыркал. Под уздцы его вёл сам Бела, два самых сильных молодых жреца держали длинные поводья.

— Конь Святовита! — пронеслось в толпе.

На пороге храма конь, ослеплённый ярким светом, остановился и громко заржал.

— Счастлирое предзнаменование. Удача, удача будет! — заволновался народ.

— Правду сказал отец Бела. Правду.

— Ещё бы. Сам Святovit вещает волю его устами.

— Тише, тише! Конь Святовита у копий.

Бела осторожно сводил коня. В напряжённом ожидании замерли все люди.

Владимир, всё ещё стоящий на щите, с тревогою следил за конём. Многое теперь зависело в его судьбе от этих мгновений. Какою ногой ступит на копьё Святовитов конь? Если левой — не будет в дружинах воодушевления и неохотно пойдут они за своим только что избранным вождём. Без воодушевления же нет и победы.

Вдруг вздох облегчения вырвался из груди славянского князя. Конь был близко от копий, и Владимир мог рассчитать по его шагам, что он должен вступить на копьё непременно правой ногой. Бела поднял голову и взглянул с улыбкою на славянского князя.

Тотчас раздалось ржанье коня, но его заглушил громкий радостный крик толпы: Святовитов конь ступил на копьё правой ногой!

Никто теперь в огромной толпе этих простодушных людей, окутанных непроглядной тьмой язычества, не сомневался в полном

успехе набега, в том, что этот пришелец избран в вожди волею Святовита. Кричали в неистовом восторге и воины, и жрецы, лишь один Бела был бесстрастно спокоен.

— Народ рюгенский, норманны и варяги, — воскликнул он, — видите вы, прав я был, возвестив вам волю грозного Святовита!

— Прав, прав! — зашумела толпа. — Да здравствует Владимир, конунг славянский! Да покорит он нашему Святовиту новые страны!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. БРАТ НА БРАТА

Пусть несколько недель после происшедших на Рюгене событий в широкий пролив[41], соединявший Варяжское море с морем Нево, вошла большая флотилия остроносых драккаров.

Ветра не было, и драккары шли на вёслах. Тихо плескались об их крутые бока волны, широкий след оставался за кормой. Впереди флотилии шли лёгкие разведочные суда, показывавшие остальным путь среди бесчисленных отмелей, то и дело выступавших из воды островов, покрытых, как шапками, густым сосновым лесом.

Судя по внешнему виду драккаров, они только что выдержали долгое морское путешествие. Краска обсыпалась с их бортов, паруса были грязны, кое-где виднелись поломки. На бортах, кормах, палубах находились воины. Одни сидели у вёсел, другие мирно отдыхали на внутренних скамьях, третьи с азартом бросали кости — любимая игра, заимствованная скандинавами и варягами у франков.

В середине флотилии шёл один драккар — и больших размеров, и более красивый, чем остальные.

Этот корабль принадлежал вождю направлявшихся к Нево дружин — славянскому князю Владимиру, стремившемуся с рюгенскими дружинами в южную славянщину, чтобы от-

мстить одному брату гибель другого и самому занять место первого, став князем всей Руси, осевшей на огромном пространстве от берегов Варяжского моря до устья великой славянской реки — Днепра.

Когда варяжская флотилия вошла в полив, Владимир был на корме своего драккара. Около него, как всегда, важный, степенный, сосредоточенный, стоял его неизменный спутник и друг Добрыня Малкович.

Оба они смотрели на темневший справа от них далёкий берег.

— Там новгородская земля, — сказал, указывая на него племяннику, Добрыня.

— Да, дядя. Вижу и удручаюсь.

— Чем это?

— Тяжко идти на родину мне. Не с добром иду. Меч и огонь несу.

Добрыня сделал нетерпеливое движение.

— Постой, — остановил его племянник, — я знаю, что ты сейчас скажешь. Ты будешь уверять, что иду я мстителем, знаю я это, да ведь Ярополк-то брат мой?

— И Олег был его и твоим братом.

— Так ведь Олега погубил не столько Яро-

полк, сколько Свенельд-воевода.

— А зачем Ярополк слушал негодника?

— Как же не слушаться? Если бы ты вот.

— Я? Я бы сумел повернуть всё так, что никто ни в чём не был бы виноват!

— Пусть будет по-твоему. Но ещё тяжело мне, что я сам-то несвободным являюсь в родную землю.

— Чего же свободнее? Вон сколько воинов у нас! У кого такая дружина, тот несвободным не может быть!

— А обещание-то моё?

— Это старому Беле, что ли?

— Ему! Оно меня и по рукам, и по ногам сковывает. Ведь подумать только: если я сокрушу Ярополка и сяду в Киеве, так всё-таки должен буду во всём Беле быть подчинённым. Ровно, бы на службе я у него состою. Разве я свободен?

— Дай только добыть Киев, а там мы и от Белы отделаемся. Всё ведь я тебе говорил, чего там, на Рюгене, сказать было нельзя, ибо везде там были уши и каждое слово, какое скажешь, сейчас Беле переносилось. Что же ты думаешь, простаки мы? Пусть только нам

помогут рюгенские дружины изничтожить врага, а там мы найдём на них управу. Теперь-то перестань думать об этом. Важнее всего для нас, какие вести придут к нам из Новгорода. Что-то долго не возвращаются гонцы!

Владимир тяжело вздохнул.

— Да, пока всё в руках новгородцев! — проговорил он, — Неужели же нам придётся пролить их кровь?

— Будут упрямиться, так и накажем их, — усмехнулся Добрыня. — Тоже эти новгородцы — зелье известное.

Дядя и племянник немного помолчали.

Казалось бы, Владимиру, чем ближе к родине, тем веселее быть, а он, напротив того, становился всё мрачнее и мрачнее. Добрыня не понимал, что делается с его племянником. Сперва он думал, будто Владимира угнетает мысль, что за оказанную военную помощь он отдал и себя, и все свои будущие завоевания арконскому жрецу, которому перед церемонией вынесения знамени Святовита дал торжественные обещания выплачивать дань, посылать по требованию арконских жрецов

свои дружины, изгнать из Руси всех христиан.

Правда, эти условия действительно ставили киевского князя в зависимость от арконского жреца, но Добрыня Малкович, принимая их, в то же самое время решил их не исполнять и потому относился к будущему совершенно равнодушно. Он был уверен, что, когда придёт время, он сумеет обойти старого Белу, а его угрозы он не боялся. Так он и племяннику сообщил и, видя, что тоска всё ещё не оставила Владимира, решил, что причины её совсем другие. Но какие это были причины, Добрыня сообразить не мог.

Долгое морское путешествие также не развеяло грусти Владимира, а между тем приближалась время, когда он должен был собрать всю свою энергию, всё мужество. Войдя в пролив, они уже были в виду новгородских областей. В Новгород были посланы гонцы. Наступило время томительного ожидания. Если новгородское вече откажется принять возвращающегося князя, тогда решено было взять Новгород военной силой и разорить его. А этого не хотелось и Добрыне Малковичу.

Новгород был крупной величиной и в то время. Со всего Приильменья, из-за Нево, сходились в него купцы. Здесь было складочное место всевозможных товаров. Гибель Новгорода была бы полным разорением края; и вряд ли встретили бы добром приильменские племена тех, кто разорил их столицу. Пришельцам лучше всего было бы действовать добром, пока они не утвердились в крае. Не так уже и многочисленна была сопровождавшая их варяжская дружина, чтобы, потратив её под Новгородом, идти с остатками на далёкий Киев. Всё это соображал Добрыня и терзался долгим мучительным ожиданием вестей из столицы Приильменья столько же, сколько и постоянно грустным видом своего любимца-племянника.

А драккары, тихо покачиваясь на волнах, шли всё вперёд и вперёд. Задул попутный ветер, мигом убраны были вёсла, подняты паруса, и флотилия пошла гораздо быстрее, чем при входе в пролив.

Норманны, которыми начальствовал ярл Освальд, и варяги, выбравшие себе предводителем старого Эрика, сильно томились без-

действием. От самого Рюгена они плыли всё морем, берега которого, то и дело разоряемые всякими морскими разбойниками, были почти что полной пустыней. Ни одной битвы ещё не было с начала путешествия. Однако ропота среди этих людей не возникало: они все знали, что пойдут на Киев, и раньше киевской земли не могли рассчитывать на встречу с врагом.

Правда, не раз подумывал о Новгороде, но тут они ничего не могли ожидать. Новгород находился под покровительством Олава Трюгвассона, прошедшего в нём своё детство и юность, и обидеть этого конунга было делом опасным. Тогда никто не посмел бы вернуться на родину, а, несмотря на дикость и склонность к разбою, скандинавы любили свои скалы, фьорды, и лишиться родины было совсем не под силу даже их закалённым в битвах сердцам. Поэтому они давно уже перестали думать о Новгороде как о военной добыче, и лелеяли мысль о Киеве и о недалёкой от него Византии. Мало кто из них не думал, что Владимир, как только управится с Киевом и отомстит за своего брата Олега, сейчас же пове-

дёт их по примеру своих предков, Олега Вещего, деда Игоря, отца Святослава, на пышную столицу Востока. Вот где ждёт их богатейшая добыча!

И при одних только мыслях о Византии разыгрывалось воображение этих хищников. Они уже видели перед собой груды золота, слышали звон его при дележе добычи, и не один скандинав засыпал, убаюкиваемый сладкими грёзами о походе за Чёрное море.

Быстрее и быстрее шли драккары, шире и шире становился пролив. Приближалось бурное Нево, волны становились всё выше и выше, ветер всё шквалистее. Шли целыми днями, останавливались на ночь для отдыха у островов. Тогда все, кто мог, выходили на сушу и, не опасаясь внезапных нападений, отдавались шумной весёлости.

Только одного Владимира не оставляла его тоска.

2. НОВГОРОДЦЫ

Одно утро, когда дружины Владимира приготовились после ночлега на судах, поставленных на якорь, в дальнейший путь,

вдруг с передового драккара раздались громкие крики.

— Ладьи, ладьи! — только и можно было разобрать.

Вмиг всё всполошилось. Освальд громкими звуками рога отдал приказание кораблям построиться в боевой порядок. Быстро подняты были якоря, заплескали по воде вёсла, и лёгкие судёнышки, управляемые опытными рулевыми, встали поперёк реки-пролива неправильным полукругом. Над палубами поднялся целый лес копий, засверкала в лучах солнца холодная сталь мечей. Борта словно выросли от поднявшихся над ними щитов. Прошло очень немного времени, и всё уже было готово к отчаянному бою.

Княжеский драккар поместился в самом центре построившейся в боевой порядок флотилии, справа от него выгнулись полукругом драккары с норманнами, слева были варяги.

Начальство в бою, как старшему летами, принадлежало ярлу Освальду, и его драккар выдвинулся далеко вперёд, но постоянно менял своё место.

Владимир и Добрыня надели панцири, скрыли головы под ярко блиставшими шлемами и стояли на палубе, с нетерпением ожидая появления встреченных сторожевыми драккарами ладей. Они не думали до сих пор о битвах, даже не рассчитывали встретить кого-либо в этих водах, но понимали, что все эти приготовления далеко не лишни, ибо никто не мог сказать наверное, друзья или враги идут навстречу.

Вдали уже белели паруса шедших с Невы судов. Добрыня из-под ладони зорко всматривался вперёд, Владимир смотрел спокойно, как будто ему было всё равно, кто на него идёт.

— Раскосые паруса, — проговорил, наконец, Малкович, опуская руку, — это новгородские ладьи.

— Я и сам так думал, — отозвался Владимир, — кому же здесь быть, кроме новгородцев?

— Они, они. А вот с чем они идут к нам, того не знаю.

— Подождём. Подойдут поближе — узнаем! Добрыня Малкович приготовился к встрече.

Теперь, когда могла быть близко опасность, ни скуки, ни томления не было в нём. Владимир стал перед ним. Его красивое лицо повеселело, глаза так и искрились нервным возбуждением.

— Ой, дядя, чуется мне, что бой будет!

— Кажись, без сечи не обойдётся, — отвечал Добрыня. — Ишь людей без счёту; если бы с добром шли, куда их столько. Да ничего. Здесь покажем, там всё миром обойдётся.

— Вот сейчас мы узнаем, зачем идут к нам новгородцы. Аскольд навстречу им лёгкие драккары выслал. Ишь понеслись, что лебеди белые.

Шедших навстречу ладей становилось всё больше. Они красиво шли по спокойной воде, расставив свои косые паруса. Никакого порядка кормовые не соблюдали. Шли как кому по душе пришло. Два драккара неслись к ним навстречу, остальная флотилия при-

шельцев, ловко маневрируя, сумела сохранить все свои места и ожидала подхода встречных в прежнем боевом порядке.

Случилось, однако, совсем не то, чего ожидала дружина Владимира. Высланные вперёд ладьи, вождям которых приказано было, в случае враждебных действий, поскорее уходить назад к главным силам, вклинились в самую середину новгородской флотилии, и ничто не показывало, чтобы там произошёл бой. По мере того, как сокращалось расстояние, с норманнских и варяжских судов ясно было видно, что драккары мирно идут борт о борт с новгородскими ладьями.

— А что, ведь это добрый знак, — воскликнул Добрыня, — пожалуй, обойдётся и без драки.

Владимир ничего не ответил.

Он не спускал глаз с приближающихся судов. Теперь они были на таком расстоянии, что до слуха князя и Добрыни ясно доносились крики, галденье, как будто бы там говорили всё разом, причём никто из говорящих не слушал другого, а только старался его перекричать.

— Новгородцы, — радостно воскликнул Добрыня, — идут, голубчики, сами встречают своего князя. Ишь, как горланят, словно у себя на вече. Горлопаны этакие! — Старый витязь был радостно настроен. Обыкновенно спокойный и важный, он теперь забыл свою степенность и, сложив трубой руки у рта, кричал, что было силы: — Эй, вечевики! Где запропалились? Отчего князя своего у пределов Руси не встретили, вот он вас!

Ему с ладей ответили какие-то крики. Слов разобрать нельзя было, но в самих звуках не было ничего враждебного. Напротив, слышалась явная радость.

Однако Освальд держал по-прежнему в боевом порядке свои дружины. На норманна этот шум, эти крики действовали как указание к предстоящему бою, и он уже посылал к князю спросить, не кинутся ли дружинам на подходивших новгородцев, не дожидаясь, пока те нападут сами. Владимир строго запретил своему вождю начинать бой. Между тем случилось нечто совершенно неожиданное. Ладьи, шедшие, казалось, в полнейшем беспорядке, вдруг, словно им откуда-то был подан

незаметно для пришельцев сигнал, ловко скользнули между драккарами, и, прежде чем Освальд мог сообразить, что произошло, каждый драккар уже оказался между двумя новгородскими ладьями, а судно с князем и Добрыней было окружено и отрезано от остальной флотилии.

Страшный гомон, шум, галденье сменили недавнюю ещё тишину. Прибывшие орали, что было сил. Куда ни взглядывал Владимир, всюду он видел перед собой бородатые раскрасневшиеся лица под шапками-колпаками: выражение их было радостное, никакой враждебности не было заметно. Выкрикивались приветствия, и в то же время кричавшие успевали перебраниваться между собой. Гомон был общий, и в первые мгновения совсем оглушил молодого князя.

— Здравствуй, князь наш пресветлый Владимир Святославович, — кричали с одной стороны.

— Не оставь ты нас, сирот, своей княжеской милостью, — вторили с другой стороны.

— Пожалуй к нам, в Господин Великий Новгород, владей нами по-прежнему!

— Горюшка-то сколько без тебя хлебнули мы, слёз горючих сколько пролили.

— Всех-то нас, сирот, без тебя избидели.

— А пуще всех Рогвольдишка!

Владимир гордо и властно смотрел на весь этот люд, выражавший теперь криками свою к нему любовь. Добрыня, очутившись между своих, не стерпел. Всю его степенность как рукой сняло, и недавний ещё тонкий, проницательный дипломат не замедлил вступить в грубую, но добродушную перебранку, на которую ему отвечали такою же добродушной бранью.

Крики и перебранка не стихли даже тогда, когда на борт княжеского драккара перешло с новгородских ладей трое почтенных стариков в длинных, до пят кафтанах и высоких, с круглыми днищами шапках. Их сопровождало двое воинов в панцирных рубахах и медных шлемах, с мечами, оставшимися в ножах.

Владимир сразу узнал гостей. Это были степенные новгородские бояре, бывшие в совете новгородского посадника.

Прибытие их доказывало полное миролю-

бие новгородцев, ибо они не могли быть посланы ни для чего иного, как для чествования.

— Здравствуй, свет ты наш ясный, солнце красное, князь Владимир Святославович, — проговорил один из них, склоняясь перед князем, — осчастливил ты нас, вернулся к нам. Прими же привет от Господина Великого Новгорода и помилуй, ежели кто провинился чем пред тобою.

— Здравствуй, солнышко наше красное, князь Владимир Святославович, — заговорил другой боярин, выступая вперёд и кланяясь, — поведай нам, неразумным, с добром или покором идёшь ты к нам? Коли с добром — милости просим. Приказало нам вече кланяться тебе низко и просить тебя в Новгород Великий, а коли худо мыслишь ты, так и не прогневайся. Не пустим мы тебя. Везде заставы поставлены, и будет между нами бой не на живот, а на смерть.

Третий старик молчал.

— Иду я к вам, люди новгородские, — раздался звучный голос князя, — зла против вас не имею. Хочу добрым к вам быть и, если при-

мете меня управлять вами, хочу судить вас по старине, по милости и правде. Вины, какие были на вас, я прощаю вам. Так вечу скажите. А если не примете вы меня, князя своего, то будет между нами бой. Прикажу дружине моей разорить всю землю вашу и всякое именьишко возьму за себя, дабы и другим не повадно было идти против меня, князя своего.

Тогда заговорил третий старик.

— Здравствуй, князь Владимир Святославович, привет тебе и многие лета. Посланы мы к тебе с добром. Велело нам вече наше сказать тебе: коли идёшь княжить у нас по старине, так будь князем, владей нами, суди нас и милуй. А зла у веча на тебя нет. Коли и ты зла не имеешь, пожалуй скорей в Великий Новгород. Княжьей честью встретит тебя народ наш, и будет солнце на небе да ты, князь, в Великом Новгороде.

С этими словами он низко поклонился Владимиру.

3. СТАРЫЙ ДРУГ

Ока шли эти переговоры, вокруг было сравнительно тихо; но как только кончил гово-

рить последний боярин, сразу начались прежние гомон и галденье.

— Надёжа-князь, не оставь нашей бедности, — кричали одни, — пожалуй к нам.

— Соскучились мы по тебе, князь Владимир Святославович!

— Что посадники — князя Великому Новгороду надобно!

— Негоже ему хуже других быть! Пусть Киеву не уступит.

— Зовём тебя, иди к нам, княже, и владей!

Владимир с удовольствием слушал эти крики. Он знал новгородцев и понимал, что все эти восторги далеко не продолжительны и вызваны лишь впечатлением минуты. Но и то было хорошо, что новгородцы добровольно принимали его. Засиживаться же в Новгороде не думал и сам Владимир.

После двух лет, проведённых среди совсем чужих по крови и по духу людей, любо было

смотреть сыну Святослава на этот народ, слушать родную речь. Он внимательно взглядывался в каждое лицо, и, наконец, взор его упал на воинов, стоявших позади новгородских послов. Ему показалось, что одного из них когда-то он видел. Всмотревшись попристальней, он даже вздрогнул от радости. Перед ним вдруг встала, как наяву, недавняя ещё его юность. Живо вспомнился ему друг его детских дней Забыта. Пылкое воображение нарисовало ему самоотверженного юношу, сына Прастена, любимого воеводы его отца, старца-христианина Андрея, несчастного печенежского князя Темира.

Вспомнился ему день, когда обвинённый Прастеном Андрей вступил по приказанию князя в единоборство со своим обвинителем и, несмотря на свою старческую дряхлость, уложил на землю богатыря-воеводу, стремившегося опозорить его, уничтожить из-за старой кровавой вражды; вспомнилось, как Андрей, которому Святослав выдал побеждённого врага, первый обратился к нему со словами братской любви и прощения. И Забыта вспомнился, израненный, окровавленный.

Теперь друг его юности стоял перед ним, глядя на него своими ясными, лучистыми глазами. Вот они после долгой разлуки опять встретились, и доброе, хорошее чувство овладело душою князя.

— Вы, бояре, — обратился он к послам, — знаете: слова своего я назад не беру. Коли просите меня усердно, так я на ваши просьбы склоняюсь и пойду к вам в Новгород. А чтобы не было меж нами неприязни какой, так нужно уговориться нам обо всём лично. Вот и поговорите вы с дядей Добрыней. Он в разговоре будет вместо меня перед вами, и как вы порешите, так и я утвержу.

— С Добрыней, так с Добрыней! — согласился старший посол. — Здрав будь, Малкович.

— И вы здравствуйте, — выступил Добрыня, — вот опять нам пришлось свидеться и дело делать.

— Тяжеленек ты, Добрынюшка, — отозвался тот же боярин.

— А уж каков есть, — усмехнулся тот, — а потому и тяжеленек, что все ваши повадки да увёртки знаю. Да пойдёмте, други, под палу-

бу, там я вас сладким вином франкским угощу, вот и потолкуем. А ты, князь, — обратился он к Владимиру, — велел бы к острову какому пристать да угостил бы на радостях народ твой, чтобы твоё здоровье пили и веселились.

Радостные крики покрыли слова Добрыни.

Владимир приказал Освальду, тоже явившемуся на его драккар, пристать к острову, где они ночевали.

Это было нетрудно, возвращаться не приходилось, ибо течение снесло драккары и ладьи далеко за остров. Скоро пустынный клочок земли закипел народом. Варяги, норманны, новгородцы братались между собой. Много помогли этому бочонки с вином, выкаченные на остров пришельцами, и крепкий мёд да брага, предусмотрительно захваченные с собою новгородцами.

Послы и Добрыня ушли в подпалубу. Владимир же, как только разошёлся с ними, сейчас же остановил молодого воина.

— Зыбата! — сказал он, кладя ему руку на плечо. — Или ты не узнал меня?

Молодой воин смотрел на князя блестяще-

шим, радостным взором.

— Узнал, княже, как не узнать, — говорил он, — да подойти всё боялся. Как примешь, не ведал.

— Что ты, Зыбата! Всегда я приму тебя как друга.

С этими словами Владимир сперва протянул молодому воину руку, а потом привлёк его в свои объятия.

Они оставались на кормовой палубе одни. Все их ближние дружинники сошли на землю, только из-под палубы доносилось гуденье голосов переговаривавших о делах новгородских послов и Добрыни.

Князь опустился на скамью и усадил около себя Зыбату.

Радость встречи ещё более оживила красивое лицо Владимира.

— Ну, говори же мне, рассказывай о себе, — повторял он Зыбате, — я всё хочу знать.

— Нет, княже, — улыбнулся тот, — расскажи ты.

— Хорошо. Ты знаешь, презренный Ярополк убил Олега, и я тогда не отомстил за его смерть.

Зыбата с грустью на лице покачал головой.

— Нет, княже, Ярополк не убивал Олега, — сказал он.

Брови Владимира сдвинулись, по лицу скользнуло выражение мести и гнева.

— Он, Ярополк, убил нашего брата, — с особенным выражением произнёс он, — ты мне будешь говорить о Свенельде? Так Олег вправде был убить его сына Люта, потому что Лют без позволения охотился на его землях. Свенельд что такое? Разве он князь, что осмелился поднять руку на князя? Но я и это забыл, если бы Ярополк отомстил за убийство Олега. Но он даже не наказал Свенельда. Так я отмщу им обоим. Я иду — и горе Ярополку!

Зыбата тихо положил руку на плечо Владимира.

— Княже, вспомни, что нет ничего сладостнее прощения! — тихим, взволнованным голосом сказал он.

Владимир взглянул на него, и вдруг словно тёмная туча набежала на его лицо.

— Да, я и позабыл, — произнёс он дрогнувшим голосом, — ты ведь христианин?

— Да, я христианин! — поспешил подтвер-

дить Зыбата. — И отец мой Прастен христианин, и старый печенег Темир христианин. Все мы крестились во имя Господа Иисуса Христа, и старец Андрей — помнишь его? — был нашим крёстным отцом. Но ты молчишь, Владимир, ты отвернулся и более не смотришь на меня. Что это значит? Чем я прогневил тебя? Скажи, князь, скажи.

Теперь лицо молодого князя отражало невыносимую тоску. Признание Зыбаты напомнило ему о клятве, данной арконскому жрецу, и вот он уже столкнулся с христианином, и в душе его не находилось достаточно силы, чтобы поступить по клятве и уничтожить этого «врага Святовита» — человека, которого он любил с первых дней своего детства.

— Ты всё-таки молчишь, княже, — продолжал Зыбата, — вспомни же нашу весёлую юность. Я-то как лелеял мысль о свидании с тобою. Знаешь ли, я, как только оправился после болезни, по совету моего крёстного отца Андрея, оставил Киев и ушёл за тобою в Новгород. Там я хотел послужить тебе, моему другу и князю, но когда я явился туда, тебя

уже не было, ты ушёл за море к варягам. Однако много людей говорили, что ты вернёшься. Я остался тебя ждать, и вот она, желанная встреча. Что с тобою, Владимир мой?

— Зыбата, Зыбата, — раздался чуть слышный шёпот молодого князя, — уходи от меня, уходи, пока не поздно. Скройся, чтобы я никогда не видел тебя более. Чтобы я даже не слышал о тебе.

— Зачем это нужно? — изумился молодой воин.

— Нужно, нужно. Ты христианин, а я, пойми, Зыбата, я дал клятву ненавидеть всех христиан.

Зыбата сперва отпрянул от Владимира, потом медленно поднялся на ноги.

— Ты, княже, дал клятву ненавидеть всех христиан, — проговорил он, — за что же? Разве христиане причинили тебе какое-нибудь зло, которого ты никак им простить не можешь?

— Нет, нет, они мне ничего не сделали, — торопливо говорил Владимир, — но я дал клятву и исполню её, да, исполню! Уходи же, приказываю тебе, уходи и не смей показы-

ваться мне на глаза!

— Жаль мне тебя, Владимир, — проговорил Зыбата, и его глаза увлажнились слезами, — языческая тьма скрыла твою душу, но я верю, что рассеется она, скоро рассеется, тогда великий свет истины осияет тебя, и ты возродишься к новой жизни.

— Уходи! — крикнул взбешённый князь, хватаясь за рукоятку меча.

4. УСПЕХ

Зыбата не испугался этого угрожающего движения, но раздавшиеся в это мгновение громкие голоса заставили Владимира забыть своей гнев.

Из кормовой каюты выходили Добрыня Малкович и новгородские послы. Лица их были красны и покрыты потом, голоса стали как-то особенно крикливы, все движения размашисты и суетливы. В то же самое время

Владимир по довольному лицу своего дяди мог заключить, что переговоры закончились полным успехом.

Зыбата теперь сам отошёл в сторону. Тяжело было на душе молодого воина. Не такой встречи с любимым другом детства ждал он. Как он мечтал об этом радостном мгновении! Вспоминая Владимира, Зыбата был уверен, что в дружеских беседах он сумеет познакомиться его с великими истинами Христовой веры, и кто знает, может быть, и просветить князя светом христианства. Он помнил впечатлительность Владимира, восприимчивость его ко всяким убеждениям и постоянно лелеял мысль, что ему удастся заронить первые семена в его душу. Теперь, как дым, развеялись все его надежды. Владимир вернулся ожесточённым врагом христиан, и от него можно было ожидать теперь всякого зла для братьев Зыбаты по вере.

«Ох, не пришло ещё время, — с тяжёлою тоскою думал молодой воин, — но верую я, что должно наступить оно, и тогда сокрушит мой князь языческих богов в стране своей!»

Владимир, насильно заставив себя более

не думать о Зыбате, слушал дядю и послов, передававших ему, на чём окончены были их переговоры. Успех, действительно, превосходил всякие ожидания. Новгородцы всегда ревниво относились к своему самосознанию, и им казалось унижительным для Господина Великого Новгорода то обстоятельство, что у Киева был свой князь, тогда как у них дела правления сосредоточились в руках выборного посадника.

Ради того, чтобы снова получить себе князя, они пошли на всякие уступки. Князь должен только не касаться их прежних вольностей и уважать их вече, подчиняться ему во всех важных вопросах. За это Новгород принимал на себя полное содержание князя и всей его дружины, причём вручал князю всю исполнительную власть. Условия эти, по крайней мере, на первых порах, были очень выгодны для Владимира, вовсе не намеревавшегося засиживаться в Новгороде, и он со своей стороны поспешил подтвердить все обещания, которые дал послам Малкович.

Не было пределов удовольствию последних. Они разошлись так, что начали предла-

гать князю немедленно отправиться в путь. Но Владимир, так же, как и Добрыня Малкович, хорошо знал характер новгородцев. Послов непременно нужно было «уважить», «почествовать». Князь пригласил их сойти на остров. Громкие крики встретили его там. Нестройной толпой окружили его новгородские дружинники, очень быстро узнавшие, на чём закончились переговоры. Только предложение Добрыни отпраздновать тут же весёлым пиром возвращение князя несколько умерило их бурную радость. Тотчас на острове запылали костры, появились всякие снеди и пития, и до ночи не смолкал весёлый шум этого счастливого пира.

На другой день вместе с солнечным восходом обе соединившиеся флотилии тронулись в дальнейший путь.

После весёлого пира новгородские послы, перебравшиеся на всё время пути к князю на его драккар, чувствовали себя так тяжело, что даже не проснулись и не вышли из шатра, где им были приготовлены постели.

Владимир и Добрыня, привыкшие у скандинавов к шумным и обильным пирам, как и

всегда, занимали свои места на кормовой палубе, следя за отправлением в путь судов. Малкович был весел, как никогда. Первый успех окрылил его, и он был уверен, что скоро увидит племянника киевским князем.

— Нечего нам и засиживаться в Новгороде, — говорил он, — отдохнём и пойдём на Днепр. Врасплох застанем Ярополка. Он и дружин собрать не успеет, как мы появимся. Киевляне бы только нас приняли.

Он говорил и в то же время искоса поглядывал на племянника. Опять тени тяжёлой тоски залегли на лицо Владимира. Он слушал Добрыню рассеянно, не отвечая ему ни слова, не разделяя его радостного настроения.

— Да что ты такой? — не вытерпел, наконец, Малкович. — Или и не рад, что так всё выходит?

— Нет, Добрыня, как же не радоваться-то? Рад я!

— Так чего же грустишь-то?

— Мучает меня клятва моя. Нехорошо я сделал, что обещал Беле вывести на Руси христиан. Покойная бабка Ольга вспоминается. Ведь она христианкой была. Потом и клятву я

свою нарушил.

— Как это?

— Зыбата здесь.

— Прастенов сын?

— Да, он. Он христианин, и нет у меня зла на него, нет зла и на других христиан. Нарушаю я клятвы и не могу ненавидеть их.

— Вон ты о чём. И охота себя терзать? Ну, нет на христиан зла, так и пусть не будет его.

— Да ведь я клялся Беле.

— Клялся вывести христиан, когда будешь киевским князем и сокрушишь Ярополка. С тех пор и твои клятвы действовать будут, а до той поры позабудь ты их совсем. Вот и всё.

Лицо Владимира вдруг просветлело.

— Добрыня! Ведь правда твоя, — вскричал он, — пока я не киевский князь, от своих клятв я свободен, Правда, правда. А я-то Зыбату прочь от себя прогнал. Спасибо, дядя, и тут ты меня выручил.

В порыве благодарности Владимир обнял Добрыню.

— Ну, то-то же, — говорил растроганный этой лаской племянника Малкович, — ты только меня в таких делах слушайся, и всё

ладно будет. Вот добыть бы только Киев, а там мы от старого Белы отделаемся. Он-то хитёр, да и мы не просты. Только бы Ярополка сокрушить.

После этого разговора Добрыня уже не видел грусти на лице своего племянника. Владимир стал весел, да и не было времени задумываться ему. Новгородцы теперь не отходили от него. Быстро узнал князь обо всём, что случилось у истоков Волхова за два года его отсутствия, и понял, что новгородцами руководило в желании иметь князя не одно только тщеславие, а и необходимость получить твёрдую власть, которая могла бы усмирить внутренние междуусобицы и укротить своевольных вечевиков, постоянно их затевавших.

Владимир в остальные дни пути не один раз обдумал всё, что намеревался делать, несколько укрепившись на Волхове. Месть Ярополку была для него лишь поводом к захвату киевского княжения. Были у него другие враги, при одном воспоминании о которых вспыхивало гневом его сердце.

«Не хочу разуть сына рабыни!» — вспом-

нил он гордый ответ Рогнеды Рогвольдовны, дочери полоцкого князя. «Так нет, я заставлю тебя разуть мои ноги», — думал он тогда, и в его воображении рисовалась уже картина унижения гордой княжны.

А путь с каждым днём всё уменьшался. Новгородские ладьи и варяжские драккары вошли, наконец, в бурное и шумливое Невы. Далеко-далеко раскинулась перед ними беспредельная водная пустыня. Громадные волны ходили на просторе. Суда держались берега и благодаря этому благополучно вошли в устье Волхова, в то время также очень широкого и бурного. Здесь им путь преградили пороги. Не доходя до них, все суда стали у берега. Далее приходилось идти «волоком», то есть тянуть ладьи и драккары по суше.

Это была только первая остановка князя на родной земле. Остановились у Ладоги-крепостцы, поставленной у порогов ещё Рюриком, шедшим этим же путём из Скандинавии в Новгород после призвания своего на княжение. Крепостца была занята новгородскою дружиною. Здесь уже узнали, что возвращается обратно на Русь ушедший из неё новго-

родский князь, и с великим почётом встречали Владимира. Невольно вспомнилось Свято-славову сыну, как за два года перед тем уходил он, прячась от людей, боясь за свою жизнь, уходил один, с немногими слугами. И вот теперь он возвращается в числе сильной дружины, и все, кто ни попадался на пути, встречают его как любимого, долгожданного вождя.

«Нет, — восклицал про себя Владимир, — никогда не отдам я своей земли Святовиту! Никогда не позволю иноземцам распоряжаться ни на Волхове, ни на Днепре. Только бы стать мне киевским князем — все мои заботы обращу я на то, чтобы счастлив был народ мой. А варягов да Освальда с его норманнами Добрыня всегда усмирить сумеет».

5. ВЕЧЕ

Ротяжный, но гулкий звон колокола, раздававшийся из новгородского Детинца, всколыхнул сразу всех обитателей древней столицы северной приильменской Славянщины. Словно громадный муравейник, зашевелились новгородские «концы», улицы, сходящиеся с различных сторон у Детинца. Концевые старосты торопливо пробегали вдоль домов, что есть силы стуча в их наружные двери и окна. Колокол был вечевой, звон его созывал новгородцев на всенародное вече, и каждый свободный новгородец, кто бы он ни был, важный ли гость, или дружинник, несчастный ли жалкий бедняк, со всех ног бежал в Детинец — сильную крепость на холме левого берега мутного, бурного Волхова. Словно гигантский паук залёг Господин Великий Новгород в истоке древней славянской реки. Как будто навес какой, висело над ним беспредельное озеро Ильмень, находившееся несколько выше его. Сверкающей на солнце гладью оно, казалось, вот-вот опрокинется вниз со своей высоты и зальёт массой своих вод оба низменных берега, поглотит этот город с его деревянной крепостью, с его вытя-

нувшимися по прямым линиям богатыми и бедными домами. Тёмными точками на сверкающей глади озера виднелся высокий Перынский холм, где когда-то давным-давно жило, как гласило предание, страшное чудовище-волхв, не пропускавшее никого ни в реку, ни с реки без тяжкой дани. Наискось от Перынского холма, значительно ниже истока, находилось Рюриково городище, остров с крепостцой, построенной первым новгородским князем Рюриком. Их со всех сторон окружала вода, и, казалось, только они и сдерживали Ильмень и не пускали его опрокинуться и залить город.

Волхов выходил из Ильменя без обычного для всех рек, протекающих по низменностям, истока. Он, выйдя из озера, сразу становился широким и бурным и, несколько сузившись за Рюриковым городищем, красивой змей-лентой извивался среди своих низких берегов, то выгибаясь крутым коленом, то врываясь в сушу острым заливом, то разрывая дремучие надбережные леса и совсем теряясь в них.

Около Новгорода Волхов был необычно-

венно оживлён. Во все стороны крестил его мутные волны десятков тупоносых тяжёлых лодок, вертлявых челноков; весь левый берег на всём протяжении города сплошь был уставлен зачалившимися тут большими торговыми судами: днепровскими стругами, новгородскими ладьями, скандинавскими драккарами и галерами, составляющими новгородский флот. На судах и на берегу около них кишели люди. Одни были в длиннополых кафтанах и остроконечных шапках-колпаках, другие в широкополых шляпах и белых рубахах, третьи в чёрных и цветных, пёстрых одеяниях иноземцев. Тут были и купцы, «гости новгородские», и заезжие из-за моря, явившиеся сюда, чтобы на золото, серебро, дорогие уборы и материи выменять меха, которыми в ту пору изобиловал Новгород.

Вся эта толпа шумела, кричала, смеялась, бранилась, и даже рослые, бородатые воины в латах и панцирных рубашках, расхаживавшие по берегу, не были в состоянии восстановить какой бы то ни было порядок.

Звон вечерого колокола остановил все дела, которым отдались было новгородцы, сразу

оборвал весь обычный торговый шум. Народные волны так и хлынули в Детинец.

Там было в ту отдалённую пору немало строений: палаты посадника да пустовавшие палаты князя, избы для дружины, всегда готовой к отражению всякого врага, хотя бы это были сами вспыхнувшие буйным огнём новгородские граждане, да на середине обширной площади — высокий вечевой помост с большим колоколом, укреплённым в раме из брёвен-брусев.

Много прошло времени после того, как заговорил этот колокол, созывавший своим медным языком всех новгородцев.

Шумя и гудя, волновалось вокруг вечевого помоста бурное живое море. Скоро стало так тесно на площади, что вновь прибывшие взбирались на крыши изб, на крыльцо палат и даже на ступени помоста, так что дружинники едва-едва могли сдерживать напор толпы. Крик и шум стоял невозможный. Никто не хотел никого слушать, все говорили и кричали в одно время, и среди этого гама, словно прорезая его, уныло, прерывисто звучал колокол вплоть до тех пор, пока из палат посадни-

ка не вышли сперва степенные, а затем именитые бояре и, сопровождаемые дружинниками, расчищавшими им путь среди толпы, не тронулись к помосту. Там они разместились, одни на ступенях, другие на самом помосте; отдельно ото всех стал выборный посадник, и лишь тогда смолк колокол.

И посадник, и все бояре равнодушно смотрели на бесновавшуюся у их ног толпу. Привычны они были уже к этому вечевому шуму и только зорко поглядывали, как бы не вышло где драки или поножовщины, ибо в этом случае трудно было бы сдержать народ и всё могло бы закончиться кровопролитием.

— Начинать, что ли? — тихо спросил посадник у именитых бояр, находившихся вместе с ним на помосте.

— Успеем ещё, пусть вдоволь наорутся, — было ответом.

Вече, действительно, скоро притомилось. Крик и шум стали стихать. Можно было разобрать и отдельные восклицания.

— О чём вече-то? — кричали ближайšie. — Опять что ли, о князе?

— Так порешили мы с князем, пусть идёт!

— Только бы по старине правил.

— Не то стоним.

— Теперь пора, будто утомонились малость! — шепнул посаднику старейший из именитых бояр.

Тот кивнул ему в ответ и, подойдя к самому краю помоста, закричал, что было сил:

— Послушайте, мужи новгородские и людины, все послушайте речи моей.

— Говори скорее, — раздались голоса, — а мы судить будем.

— Решили мы все здесь, на свободном вече, — продолжал посадник, — что негоже Господину Великому Новгороду быть ниже Киева, ибо есть у сего града свой князь. А так как такого князя у нас нет, то и призвали мы опять к себе князя Владимира Святославовича; без принуждения чьего-либо призвало его вече; выслушал послов наших князь и согласился идти к нам и править по старине и вольностям нашим, ничем их не нарушая и оберегая их, как зеницу ока своего. Об этом было уже вече, и всё вам послы наши сказали.

— Так, так. Знаем это, — загремели кри-

ком, — где же он, князь-то, нами избранный, отчего его нет до сей поры?

— Вот и собрали мы вас на вече, — перекричал всех посадник, — чтобы сказать вам: идёт князь Владимир Святославович и ополдень должен уже здесь быть; великою честью должны мы его встретить, челом ударить ему всенародно, дабы был он к нам милостивив, от врагов защищал, правых виновным в обиду не давал, судил по обычаям дедовским и был бы за весь народ приильменский один за всех и нам бы всем быть за него одного!

Весть о том, что избранный князь уже близко, ошеломила вечевигов. Они все стихли, крик и шум прекратились, всем как будто стало не по себе.

— Что же теперь, люди добрые, — проговорил один из степенных бояр, — чего призадумались? Сами под ярмо полезли, так уж думать нечего; теперь нужно идти на берег да встречать князя великой честью. Не то худо будет. Не один он идёт, с ним и Добрыня Малкович.

Вече встрепенулось. Хорошо знали новгородцы крепкую руку Добрыни, показал он им

себя, и теперь сразу припоминалось им, что не любит Владимиров дядя противоречий, хотя бы противоречия и от самого веча шли.

— Не хотим Добрыни, не хотим! — разом закричало множество голосов. — Пусть князь один к нам идёт.

— Не хотим, не хотим! Пусть князь от себя Добрыню прогонит!

— Владимира Святославовича себе в князя выбирали, а о Добрыне Малковиче и речей не было.

У Добрыни были, однако, в Новгороде и сторонники.

— Нельзя так, — кричали с другой стороны, — племянника берём, так негоже его с дядей разлучать.

— Обоих принимаем!

— Пусть оба идут!

Мнения разделились. Поднялся невообразимый крик. Вечевики с пеной у рта наступали друг на друга. В отдалённых углах площади уже завязывались драки. Шум становился зловецким. Разгоравшиеся страсти легко могли довести всех этих людей до кровопролитной рукопашной схватки, слышался уже лязг

железа: это наиболее буйные из вечевигов схватились за оружие.

Но в тот момент, когда общее напряжение возросло до последней степени, вдруг с Волхова донеслись громкие звуки рогов. С поразительной быстротой смолк весь крик, шум, сами собой успокоились вспыхнувшие было страсти.

— Князь, князь прибыл! — пронёсся среди вечевигов крик, и вся толпа, забыв о недавнем несогласии, стремглав пустилась от Детинца на волховский берег.

6. КНЯЗЬ

а берегу вечевики увидели, что княжеские суда, никем не замеченные, успели подойти к самому Детинцу. Невольно приумолкли те, кто был против Добрыни Малковича.

Словно лес из копий вырос на подошедших драккарах и ладьях. Ярл Освальд так рас-

положил свои норманнские и варяжские дружины, что с берега казалось их гораздо более, чем было на самом деле.

Но не это усмирило, успокоило толпу: на большой, богато убранной ладье народ увидел своего избранника, князя Владимира Святославовича, при виде которого невольно все, даже самые бурные, самые бесшабашные, поддались его обаянию. Князь стоял, освещённый солнцем, посередине ладьи, так что его можно было заметить издали. Он был в блестящих медных доспехах и шлеме викинга. Солнечные лучи так и сверкали на его броне и, преломляясь на меди шлема, рассыпались сиянием вокруг его красивой головы. Густые кудри Владимира выпущены были из-под шлема и струились по плечам. Лево́й рукой он опирался на длинный, с крестообразной рукоятью, скандинавский меч, правую положил на плечо Добрыни Малковича, одетого в панцирную рубашку до колен и высокий новгородский шишак.

Рядом с красавцем князем Добрыня казался олицетворением могучей силы, и вечевики невольно залюбовались на этих двух людей.

Забыто было прошлое; толпа отдалась обаянию торжественной минуты, и вместо угроз с берега нёсся один только приветный клич:

— Привет тебе, солнышко наше красное, привет тебе, князь Владимир Святославович!

Из Детинца вышли и спустились к самой воде посадник и все бояре. И на них подействовала торжественность минуты, и они невольно поддались общему чувству. Кое-кто из бояр даже прослезился. Вместе с народом все они кричали приветствия, а в это время с княжеской ладьи были уже скинуты на берег сходни, и князь, сопровождаемый Добрыней, Освальдом, Эриком и послами Новгорода, легко сошёл на твёрдую землю.

Одновременно с ним бесшумно выскочили на берег его дружинники, и прежде чем новгородцы могли опомниться от неожиданности, вдоль берега вырос лес копий и будто сама собой образовалась стена из норманнских и варяжских щитов.

Всё это произошло с поразительной быстротой и в таком стройном порядке, что даже самые буйные вечевики поняли, что теперь им нужно попридерживать языки.

Перед ними была внушительная сила; они сами подпустили её и дали возможность застать врасплох Новгород.

Каждый понимал, что достаточно только одного движения прибывшего князя, и вся эта живая стена двинется вперёд и сметёт всё, что ни попадётся ей на пути.

Ворота Детинца были отворены, и занять крепость для прибывших воинов ничего бы не стоило, а вместе с крепостью и весь Новгород немедленно попадёт в руки пришельцев.

Смутившиеся противники Добрыни Малковича молчали. Только одни радостные приветствия неслись навстречу Владимиру Святославовичу; но скоро смущение первых прошло, и они, забыв своё недавнее ещё неудовольствие против дяди князя, примкнули к тем, кто приветствовал прибывших, и крик толпы стал единодушен.

— Собрано ли вече? — спросил Владимир, приняв приветствия посадника и бояр. — Хочу явиться к моему народу и отдать ему мой поклон!

Узнав, что прибытие его застало вече в самом разгаре, князь сделал знак Освальду и

Эрику, а сам вместе с Малковичем, окружённый боярами, быстро пошёл по берегу, поднимаясь к воротам Детинца.

Но сделать ему удалось всего несколько шагов. Восторг толпы достиг высших пределов. Живые волны хлынули со всех сторон, разметали всех, кто был возле князя и Добрыни. Даже норманны и варяги, которых Освальд и Эрик поставили полукругом около Владимира, мгновенно были отёрты. Ещё мгновение — и десятки дюжих рук подняли и Владимира, и Добрыню высоко над толпой, и вечевики понесли их с громкими, полными восторга криками в ворота Детинца.

Это была высшая честь, какую только могли оказать новгородцы своему избраннику. Князь и его дядя бережно были донесены до вечевого помоста, и только когда они очутились там, отхлынуло это живое море, унося с собой и бояр, и посадника, и всех дружинников. Но Освальд и Эрик тоже не дремали: с величайшим трудом пробрались они к помосту со своими воинами и заняли его ступени со всех сторон, так что между вечевиками и князем с Добрыней снова выросла живая стена.

Владимир сделал величавый жест, и, повинаясь ему, смолкла толпа.

— Привет тебе, народ мой новгородский! — заговорил князь. — Снизойдя на твои моления, пришли мы в Великий Новгород творить суд и расправу по старине, стоять за дедовские и отцовские вольности. Обещаем мы править Новгородом так, чтобы не было недовольных, несчастных, сирых и обиженных. Все будут равны пред нами, и суд наш будет для всех одинаков. Вольности же и старину будем охранять мы, и в том да будет порукою слово наше княжье. Будем блюсти мы честь Великого Новгорода и никаких обид на него не спустим. Кто против Великого Новгорода, тот и против нас, тот нам враг злейший. И обещаем сокрушить мы его, ни крови своей, ни живота своего не жалея. А прежде всего объявляем мы, что забыли навсегда всякие вины, которыми ты, народ новгородский, был винен перед нами; не вспомним их никогда. А тебе, народу новгородскому, быть нам верным и служить нам по чести и правде, все службы наши править без промедления и недовольства. А мы за то слуг наших верных

будем жаловать своими милостями. Кто же ослушником нам будет, того мы, князь, вольны казнить любою казнью по суду своему и по старине отцов и дедов наших. В знак же благоволения нашего к тебе, народ новгородский, прими наш княжий поклон и привет, дабы всем было ведомо здесь, в Новгороде, и в пятинах, и в погостах, и в областях новгородских, что пришли мы с великим добром и милостями.

С этими словами Владимир склонил свою голову перед толпою, доселе его безмолвно слушавшую.

Княжий поклон этот вызвал новые крики восторга. Речь князя, обычная в подобных случаях, пришлась всем по сердцу.

Несколько старцев, бояр именитых, успело в это время протиснуться через толпу к вечевому помосту и даже пробраться через княжью стражу на верхние ступени.

— Люб ты нам, князь Владимир Святославович, — заговорил самый старый из них. — Добром, свободною волей избрали мы тебя князем своим, и спасибо тебе на твоём милостивом слове, не оставил ты нас, сирот горе-

мычных, прими же и ты от людей новгородских поклон и привет!

Старец опустил на колени и приник головой к ногам князя, но Владимир быстро нагнулся и, подняв, обнял его и поцеловал. Вечерники словно обезумели. Им казалось, что в лице этого старца князь дал поцелуй всему Новгороду, и в эти мгновения не было на площади Детинца человека, который не отдал бы жизнь за Владимира Святославовича.

— Солнышко красное, князь любый! — ревели толпа. — Веди нас всех на врагов твоих. Кто твои враги, тот и Господину Великому Новгороду злой обидчик!

— На Киев веди нас!

— Все пойдём за тобой!

— Смерть Ярополку!

— Будь князем великим!

Пред Владимиром в это время стоял уже другой старый боярин.

— Пожалуй ты нас, сирот, князь наш, первую твоею милостью, — говорил он, сопровождая свои слова поклонами, — терпим мы великие обиды от кривичей. Их Полоцк выше Новгорода стать хочет. Изничтожь ты ворога.

Пусть, что солнце на небе одно, и Новгород в земле приильменской один будет.

Глаза Владимира сверкнули радостным блеском.

— Слышишь, народ новгородский, — крикнул он, — боярин твой именитый об обидах, что чинит Великому Новгороду Полоцк, жалуется. Пожалую я вас, Новгород, своею милостью. Изничтожу обидчика, сокрушу его силу, и будет Новгород мой во веки славиться.

Опять будто искры пролетели в толпе.

— На кривичей! На Полоцк! На Рогвольда! — редела толпа, и Владимир, слушая с улыбкой эти крики, вспомнил гордую княжну Рогнеду, и словно голос какой-то шептал ему её гордые слова: «Сына рабыни разуть не хочу».

7. В ПОЛОЦК

е проходимые леса, в которые и тогда не сту-

пала нога человеческая, покрывали оба берега речки Полоты, катившей свои тихие воды в ту быструю и бурную реку, которую ныне называют Западной Двиной.

Всюду были тогда леса на нынешней Полоте, Свислочи, Березине. Века стояли они, угрюмые, молчаливые. Жизнь будто замерла в их чащах. Звери редко забегали туда, птицы свободные не залетали: такая там, в этих лесных глубинах, была пустота и дичь.

И вдруг оживились угрюмые и молчаливые леса. Массою всевозможных звуков наполнились они. Тучи воронья кружатся над ними, хищные звери, перепугано озираясь, убегают в непроходимые чащи. Там, где недавно царила ещё мёртвая тишина, раздаются человеческие голоса, много голосов, слышится бряцание железа, стук топоров, скрип колёс.

Это идёт князь новгородский Владимир с дружинами своими: норманнской, варяжской и новгородской. Идёт он на обидчика Господина Великого Новгорода полоцкого князя Рогвольда, чтобы отомстить и ему, и его гордой дочери за страшное оскорбление,

которое было нанесено ему, князю природному.

Скор и решителен был князь Владимир Святославович. Недолго засиделся он на Волхове после того, как новгородцы признали его своим князем. Спешит, пока горят к нему любовью новгородские сердца, расплатиться с злым ворогом за обиды, и нет у него даже малой жалости к тем, кого он замыслил обречь грозной смерти.

Добрыня Малкович остался за князя в Новгороде.

Княжья дружина где по рекам, на лодках, где по берегу идёт. Часто приходится воинам прорубать себе путь через лесные гущи. Тогда начинает громко стучать топор, и валятся под ударами его простоявшие века великаны-деревья.

Когда дружинники останавливаются на ночлег, яркое зарево от бесчисленных костров поднимается к небесам, плывут стаями багровые облака, с громкими жалобными криками разлетаются потревоженные птицы, спешат забраться подалее в лесные чащобы испуганные звери.

Князь неумолим. Мало даёт он отдыху своим воинам: идут, пока тёмная ночь не настанет, поднимаются, чуть только свет забрезжит.

Владимир Святославович всем показывает пример неумолимости. Позже всех ложится он на походе спать, раньше всех поднимается. Большой путь нужно пройти ему и его дружинам, и пройти с такой быстротой, чтобы полоцкий князь не успел даже вестей получить о приближении неприятелей.

Близок и конец пути.

Там, где тихая Полота впадает в бурную Двину, залёг у воды Полоцк. Крепкие высокие стены окружают его, рвы глубокие опоясывают со всех сторон. Силён Полоцк, могуч его князь Рогвольд. Течёт в его жилах кровь норманнская, и битвы да жаркие сечи — его любимая забава. Таким сильным чувствует он себя среди беспредельных киевских лесов, что Новгорода не страшится, а когда прослышал, что приняли новгородцы опять к себе возвратившегося на Русь князя Владимира, так набежал он на области новгородские, много там людей побил, много селений выжег и лишь после этого ушёл опять в свою

лесную чащобу.

С одним только киевским князем Ярополком дружит полоцкий князь. Выдаёт он ему в супруги свою красавицу дочь Рогнеду, и к концу лета должен отправиться на Днепр. Там его Рогнеда станет великой княгиней, и не будет на всей Руси женщины выше её. Она, как Ольга, мать Святослава, будет истинной правительницей всей огромной страны, раскинувшейся от Варяжского моря до Чёрного.

Слаб князь Ярополк, и умная Рогнеда сумеет подчинить его своей воле, а по дочери и отец будет в целой Руси полномочным владыкой. Русь же не полоцкое княжество: поднять её да пойти на богатую Византию, как Олег, Игорь, Святослав ходили, — большая добыча будет! Можно, пожалуй, тогда целое царство завоевать.

Честолюбивые мечты не давали покоя полоцкому князю; с гордостью поглядывал он на своих двух сыновей, удальцов-богатырей, вышедших во всём в отца: и могучей силою, и отчаянной храбростью.

Случилось так, что в то время, когда Рогвольд стал уже собираться в Киев, верные

люди принесли ему весть о том, что идёт на него с сильной дружиною новгородский князь.

Весь так и закипел ярим гневом полоцкий князь. Недавний изгнанник первый на него меч поднять осмеливался! Нужно показать ему, что не может остаться безнаказанной такая дерзость. Да разом, благо сам повод даёт, уничтожить и врага киевского князя. Знал Рогвольд, что Владимир ещё до своего ухода за море дал страшную клятву погубить старшего брата, понял он, что с тем новгородский князь и на Полоцк идёт, чтобы уничтожить самого сильного из союзных Киеву князей. Решил он тогда же преградить дорогу наступающему неприятелю и начал созывать свои дружины.

Словно мошки из щелей, поползли со всех сторон полоцкой земли и синеглазые, русоволосые кривичи, и низкорослые, похожие на лесных зверей, дреговичи, великаны-северяне и лучшие полоцкие дружины самого князя.

Шли, собираясь, и пешие, и конные. Были вооружены кольями, короткими мечами, лу-

ками с длинными певучими стрелами; встречались воины, всё вооружение которых составляла тяжёлая дубина, бывшая в их руках, несмотря на свою кажущуюся простоту, грозным оружием; были и воины с рогатинами, с которыми они у себя, в лесных чащах, ходили в одиночку на медведя. Много-много собралось их, так много, что за стенами Полоцка места для них не хватало; и бесконечным лагерем стали они под городскими стенами, выжидая, пока князь поведёт их на врага.

Когда собрались все, вышел князь Рогвольд на стены и окинул взглядом свои дружины. Радостью вдруг наполнилось его сердце. Трудно было бы потерпеть неудачу со столькими воинами!

Рогвольд был уверен, что у Владимира невелика дружина, по крайней мере, варяжско-норманнская. Новгородцев же полоцкий князь ни во что не ставил. Знал он, что эти воины только и храбры, что до первой неудачи. Вся их энергия пропадала, как только успех начинал склоняться в сторону неприятелей. Бросались тогда новгородцы врассыпную, и ни один вождь не мог удержать их в

такие минуты; не выдерживали также никогда новгородцы слишком стремительного натиска, и поэтому никто не считал их серьёзной боевой силой. Поэтому-то и был уверен полоцкий князь в своей победе.

Наконец, когда собрались все дружины полоцкие, Рогвольд решил, что настала пора выступить навстречу Владимиру; осведомлён он был, что спешно идёт на него новгородский князь, что сильно утомлены далёким походом его воины.

На рассвете одного ясного дня началось выступление дружин Рогвольда. Оба сына полоцкого князя вели их; сам Рогвольд решил проследить за тем, чтобы никто не остался около города.

— Ухожу я, дочь моя любезная! — говорил он на прощание Рогнеде, — ухожу ненадолго. Возвращусь, наказав дерзкого. Я отведу его в Киев Ярополку, и будет он моим подарком твоему супругу!

— О отец! — только и проговорила в ответ Рогнеда. Тоска вдруг словно тисками сжала ей сердце. Она на мгновение закрыла глаза, и ей живо представился красавец новгород-

ский князь, окровавленный, израненный, и в то же время гордый, властный, угрожающий, но не просящий пощады. И жалко, до боли сердца жалко стало гордой княжне Владимира, и поняла она, что нет у неё на душе зла против него, что и оскорбление нанесла ему только сторяча.

А суровый грозный отец, прикасаясь прощальным поцелуем ко лбу дочери, говорил:

— А если не возьму я его, рабынича, живым, то отрублю ему голову и принесу её тебе как лучший дар мой.

Он, несмотря на свои преклонные лета, с лёгкостью юноши вскочил в седло и умчался вслед за уходившими в леса дружинами.

Рогнеду окружили женщины, девушки, оставшиеся в Полоцке. Не было тревоги на их лицах. Весело проводили они своих мужей и покойно ожидали их возвращения.

В Полоцке оставалось несколько десятков воинов. Князь Рогвольд так был уверен в своей победе над Владимиром, что даже не нашёл нужным оставить крепкую защиту своему стольному городу.

8. СТРАШНАЯ ВЕСТЬ

И как не могла успокоиться в течение всего дня Рогнеда Рогвольдовна. Места нигде не находила себе в огромном княжеском тереме. Страшные предчувствия овладели ею и мучили её так, что никуда она не могла уйти от них. И тем горше было у неё на сердце, что кругом неё всё было полно самого искреннего веселья. По всему Полоцку раздавались весёлые песни девушек, громкий смех, шутки, как будто не было совсем тяжёлых мгновений расставания при отправлении в поход дружин.

Княжна Рогнеда и сама не знала, о чём тоскует её душа. Она, как и все её подруги, была уверена, что новгородское воинство будет разбито наголову дружинами её отца, но как-то тяжело и страшно становилось при мысли об этой бесспорной, по общему мнению, победе. Почему-то новгородский князь не выхо-

дил из её головы. Вспомнила его гордая Рогвольдовна, как живой рисовался он ей, этот «рабынич». Не в состоянии забыть была княжна Рогнеда, как он сам явился свататься к её гордому отцу. Из терема ещё видела она красавца князя, сердечко её как-то забилося при одном взгляде на него, но потом от ма-тушки да от нянюшек проведала, что распалился гневом Рогвольд на своего гостя, когда узнал, с каким делом он явился к нему. Вскоре сама она под влиянием отца возмутилась, что сын пленницы, положение которого в Новгороде в то время становилось очень шатким, осмеливается просить её, княжью дочь, себе в жёны. Послала она ему гордый ответ, но легче душе не стало. Отец и братья её были довольны, но сама она горько раскаивалась в своих словах, и вот опять теперь живо напоминает о себе Владимир Святославович.

Женским чутьём поняла Рогнеда, что не вражда к Рогвольду и не жажда добычи ведёт новгородского князя на Полоцк; что идёт красавец-рабынич добывать её, княжну Рогнеду. Добром, дескать, покориться не хотела, так силой возьму.

«Нет, не бывать этому! — думала княжна. — Не добратся ему до меня силой, сам сложит свою буйную голову».

И как только подумала она это, опять, словно тисками, сжала какая-то сила молодое девичье сердце.

Вот и день пролетел, тревожный, томительный. Ночь наступила. Весь Полоцк уснул мирным сном. Только немногие часовые стражники на стенах стоят, перекликаясь друг с другом сонными голосами.

Дремлет княжна Рогнеда в своей опочивальне. Нет у неё сна. Мрачные предчувствия давят и мучают её. Хочет заснуть, смежает очи — нет, вместо сна наступает забытье какое-то, и то ненадолго. Сладко похрапывает во сне старуха-мамка княжны, и Рогнеда полна зависти к её безмятежному сну.

Вдруг необычный в такую пору шум заставил Рогнеду приподняться на постели. Ночная тишина была нарушена. Будто весь Полоцк проснулся среди ночи. Чует Рогнеда в доносящихся до неё отрывистых звуках смещение, ужас, горе.

Вскочила она, кое-как накинула на себя

одежды, разбудила мамку. Шум тем временем всё ближе и ближе становился. Теперь слышны уже отчаянные крики, плач, вопли, стон.

Не понимая, что такое случилось, княжна выбежала на крыльцо терема. В полусумраке исчезавшей ночи она увидела толпу женщин, детей, стариков и среди них немногих воинов, оставленных князем Рогвольдом для охраны Полоцка. При виде плачущей и вопящей толпы она сообразила, что произошло какое-то несчастье.

— Что случилось? — крикнула она. — Где отец?

Толпа сама выдвинула вперёд окровавленного, едва державшегося на ногах человека, в котором Рогнеда едва признала одного из дружинников своего отца.

— Что битва? — спрашивала она, уже предугадывая ответ. — Где отец? Где братья? Где дружины?

— Горе, княжна, горе, — хрипло простонал раненый, — новгородский князь одолел. Дружины—кто перебиты, кто разбежался, кто в полон попал — нет их. Князь Рогвольд умер, братья твои, Рогвольдовичи, тоже. Горе нам,

горе нам! Завтра ополдень новгородский князь сюда будет, Полоцк возьмёт, всех нас перебьёт!

Лёгкий стон вырвался из груди княжны, но она, пересилив невыносимую сердечную боль, воскликнула, желая ободрить всех этих жадно слушавших её людей:

— Придёт и уйдёт. В Киев за помощью пошлём, а пока за стенами отсидимся. А ты рассказывай, как беда приключилась.

Раненый, путаясь в словах, то и дело обрывая речь, рассказал о печальном для Полоцка и всего полоцкого княжества событии.

Недолго пришлось князю Рогвольду искать своего врага. Через полдня пути от Полоцка встретились обе дружины. Видно, были у новгородского князя доброжелатели в Полоцке, ибо наступавшие его дружины ожидали Рогвольда и его рать в боевом порядке. Рогвольд послал сыновей посмотреть, много ли у Владимира воинов и какие они. Рогвольдовичи вернулись и сообщили, что против полочан стоят только новгородские дружины. Отец не поверил и сам отправился посмотреть. Увидев врагов, он весело рассмеялся.

Оказалось их больше, чем ожидал полоцкий князь, но зато, как он убедился, это действительно были новгородцы. Они стояли узким полукружием, и наиболее густо в центре. Так обычно выстраивались новгородцы, рассчитывая манёвром взять врага в клещи прежде, чем тот успеет нанести решающий удар. Но чаще происходило так, что неприятель быстро перестраивал свои боевые порядки и манёвр не удавался. Именно это должно было случиться и теперь. Князь Рогвольд поставил свою главную дружину острым клином, намереваясь сперва рассечь надвое плотные ряды новгородского войска, а затем разрозненные его части уничтожить силами остальных дружин.

Удивительно ему было, что в новгородской рати совсем не видно было варягов, которые, как знал он, пришли с Владимиром из-за моря. Но он сейчас же объяснил себе это тем, что варяжские дружины оставлены в Новгороде, дабы в случае поражения Владимир мог удержать в своей власти Приильменье. Такое соображение, казавшееся вполне вероятным, так успокоило полоцкого князя, что он не

счёл нужным производить тщательных разведок и торопился начать битву, которая, по его мнению, должна была закончиться ещё до наступления темноты.

Место было неудобное для нападения. Неприятелей разделяла речка, приток Полоты. Чтобы добраться до новгородской рати, нужно было переправиться через неё, однако Рогвольд рассчитал, что места всё-таки хватит для атаки его дружины на новгородцев. По его знаку тучи стрел понеслись за реку. Оттуда ответили тем же. Со свистом летали стрелы, не причиняя, впрочем, особенного вреда; но под прикрытием стрельцов полоцкие дружины, предводимые младшим Рогвольдовичем, начали переправу.

Полоцкий князь зорко следил за наступлением своих дружин. Стрелы полочан произвели своё действие: осыпаемые ими неприятели медленно стали отходить, сохраняя, однако, своей прежний боевой порядок. Опять Рогвольд был удивлён, но и тут приписал отступление новгородцев их полнейшей неспособности выдержать натиск. Пока он размышлял, старший Рогвольдович переправил

своих воинов за реку и, построив, как приказал отец, повёл их, всё убыстряя темп, вперёд, стараясь при этом ударить острым концом живого клина прямо в середину неприятельской рати. Лишь только начался этот манёвр, младший брат сейчас же двинул за реку остальные дружины, чтобы немедленно поддержать нападавших.

Рогвольд с группой бояр и воинов остался на берегу, любуясь движением своих отрядов. Он видел, как заволновались враги, как колебались их ряды по мере того, как подходили предводимые его старшим сыном дружины.

Но вот врезался живой клин в самый центр новгородцев и с силой, которой, казалось Рогвольду, никто не мог бы сопротивляться, раздвинул пополам живую стену. Всё дальше входил клин, а новгородская рать только разделилась, а не бежала. Слышен был отчаянный шум боя. Мечи и топоры с сухим треском ударялись в щиты. Вопли раненых оглашали воздух. Второй отряд, предводимый младшим Рогвольдовичем, кинулся вперёд и тоже ударил по новгородцам. Всё пе-

ремешалось. Друзья и враги бились в одной куче. Однако новгородцы стояли на своих местах. Рогвольд вдруг задрожал. То, что произошло дальше, наполнило ужасом его душу. Раздался протяжный заунывный вопль, в котором полоцкий князь сейчас же признал боевой клич берсерков. И картина боя сразу же изменилась.

9. ПОБЕДА

Новгородский князь прекрасно знал тактику своего противника и поэтому предугадал, к какому манёвру прибегнет Рогвольд. Он на флангах своего боевого расположения поставил варягов и норманнов, спереди прикрыв их рядом воинов-новгородцев. Новгородцы занимали и центр. В резерве были ещё смешанные дружины, сам же князь с отборными воинами расположился поодаль, сбоку от главной боевой массы.

Когда Рогвольдович ударил своим «клином» в центр, то совсем быстро прорвал его. Однако, увлѣкшись лёгким боем, он продолжал гнать новгородцев, бежавших перед ним, и не остановился даже тогда, когда передовые его воины проскочили сквозь все ряды неприятельских дружин. Но тут-то с двух сторон с боевым кличем и ударили на полочан варяги, предводимые Эриком, и норманны с Освальдом. словно две стены сдвинулись и сдавили собою Рогвольдову дружину: это были привыкшие к битве в открытом поле новгородцы. С поразительной быстротой полочане были разделены, сбиты, смяты, а кинувшиеся к ним на помощь дружины младшего Рогвольдовича, плохо вооружѣнные, способные только к напору массою, а не к обороне, были охвачены с флангов, обойдены с тыла и защемлены в тесном живом кольце.

Началась уже не битва, не сеча, началось страшное избиение. Несчастливым воинам Рогвольда приходилось сражаться чуть не по одиночке. Быстро вырастали то там, то тут груды тел. Старший Рогвольдович мечом проложил себе дорогу к брату. Они стали, крепко

прижавшись спина к спине, и богатырскими взмахами меча поражали всех, кто приближался к ним. Оба брата обладали необыкновенной силой. Мечи их со свистом взвивались в воздухе. Младший сын Рогвольда рубил от плеч до пояса какого-то варяга, снувшего вперёд; старший, как бритвой, срезал мечом голову напавшего на него норманна.

Эти двое богатырей одни стоили неприятелям многих воинов. Около них всё росла и росла груда тел, когда на старшего Рогвольдовича кинулся Эрик, вождь варягов. Заметив нового врага, богатырь схватил обеими руками меч и размахнулся им над головой, готовясь нанести исполинский удар. У Эрика был только короткий меч и щит. С громким кличем кинулся старый варяг на княжича. Страшный меч опустился с силою, способной раздробить камень, но Эрик, следивший за каждым движением Рогвольдовича, быстро отпрянул в сторону, подставив наискось свой щит под удар. Лезвие страшного меча скользнуло по коже варяжского щита; взмах же был так силен, что Рогвольдович, не ожидавший

встретить перед собою пустоту, сильно покачнулся и вслед за мечом склонился к земле.

Варяг только и ждал этого; высоко подпрыгнув, он вонзил свой меч в шейные позвонки богатыря, ниже затылка. Удар был нанесён верной рукой. Со стоном рухнул на землю Рогвольдович. Его брат оглянулся назад, и в этот же миг десятки новгородских копий, разрывая на нём панцирь, вонзились в тело. Жалобный, душу надрывающий крик пронёсся по полю битвы и затерялся в бесконечном хаосе звуков. Рогвольд угадал, что происходит. Ярость, исступление, отчаяние ослепили его. Не помня себя, он тронул своего коня и стремглав кинулся с оставшейся у него кучкой воинов туда, где гибла его дружина, где умирали его сыновья. Но только он перебрался через реку, как ему наперерез кинулся с своими воинами Владимир Святославович и преградил путь вперёд. Полоцкий князь сейчас же узнал врага. Страшная злоба закипела в нём.

— А, рабынич, — захрипел он, — нашёл я тебя!

— Защищайся, Рогвольд, — закричал ему в

ответ Владимир. — Кончим честным боем нашу распрю.

Рогвольд остановился.

— Я убью тебя! — опять захрипел он.

— Сперва добудь меня! — рассмеялся новгородский князь. — Слышишь, Рогвольд, обещаю тебе: если ты победишь меня, то уйдёшь свободным; никто не тронет тебя, и твой Полоцк останется цел. Принимаешь ли бой?

— Принимаю, становись.

С этими словами полоцкий князь соскочил с коня.

— Слышите, вы, — громко закричал Владимир Святославович, — честным боем мы будем биться. Пусть Рогвольд уходит, если боги даруют ему победу. Пусть и Полоцк его остаётся тогда неприкосновенным для вас!

Молод был новгородский князь. Молодецкая удаль говорила в нём. Зазорным показалось Владимиру не принять участия в бою, да и не хотелось ему, чтобы его противник, полоцкий князь, пал от руки какого-нибудь пришельца-скандинава. И вот, рискуя собой, рискуя всем задуманным делом, он вызвал Рогвольда на поединок. Его противник всюду

славился как искуснейший боец. Даже в Скандинавии, откуда в дни своей ранней юности вышел Рогвольд на Русь, хорошо было известно его имя. Да Владимир Святославович и не хотел лёгкой победы: недаром он выучился и искусству викингов биться один на один, — и новгородский князь бестрепетно вступил в схватку.

Вокруг замерли в напряжённом молчании их воины. Такие поединки далеко не были редкими. Часто князья или предводители дружин схваткой между собой решали исход битвы. Для таких боёв вырабатывались даже своеобразные условия, согласно которым никто не смел вмешиваться в поединок и подавать противникам какую-либо помощь.

Неожиданное обстоятельство помешало немедленно схватке противников.

Запыхавшись от быстрого бега, около Владимира появился Эрик. Старый варяг нёс какой-то мешок, из которого сочилась кровь.

— Вот тебе, конунг, подарок от меня, — с хриплым смехом закричал он и, раскрыв мешок, выкинул из него две окровавленные головы.

Увидев их, Рогвольд заревел, как смертельно раненый зверь: это были головы его сыновей.

— Убери, Эрик! — крикнул Владимир, мельком только взглянув на этот кровавый трофей.

Да и не до того ему было. Рогвольд бешено устремился на него, держа в правой руке меч. Владимир едва успел отбить его неистовый удар, но остриё Рогвольдова кинжала всё-таки скользнуло по его панцирю и вырвало ряд колец. Новгородский князь успел отскочить и ловко ударил снизу верх по мечу Рогвольда. Однако и тот отпрянул в сторону и, перебрасывая с поразительной ловкостью меч из правой руки в левую, нанёс удар сбоку. Но противник следил за ним и, легко бросившись вперёд, ударил полоцкого князя в грудь своей грудью. Меч просвистел по пустому месту и, вырвавшись из рук Рогвольда, отлетел далеко в сторону.

— Клянусь Гремящим Громом, — не утерпел Эрик, с напряжённым вниманием следивший за схваткой, — молодецкий натиск и отбит по-молодецки. Вот что значит побывать в

Скандинавии!

Но Эрик быстро смолк. Рогвольд, увидав около себя так близко новгородского князя, не растерялся, принял его в свои могучие объятия. Старый богатырь напрягся и оторвал Владимира от земли, высоко подняв над собою. Казалось, что князь погиб, ибо ясно было, что Рогвольд сейчас же ударит его об землю; но Владимир могучим движением приподнялся ещё выше на руках полоцкого князя, рванулся вперёд и сверху всей тяжестью своего тела опрокинулся на плечи врага. Так же, как и Рогвольд, он был, кроме меча, вооружён коротким кинжалом, который остался у него в руке. Ещё мгновение — и остриё смертоносного оружия впилося в плечо богатыря, направленное рукой его противника за ворот панциря. Послышался жалобный стон, руки Рогвольда разжались. Владимир сейчас же выскользнул из вражеских объятий, схватил с земли упавший во время схватки меч и, отпрыгнув назад, стал, готовый отразить новое нападение.

Рогвольд стоял ещё на ногах. Голова его была закинута назад, рот широко открыт, ру-

ки хватали воздух. Так прошло несколько мгновений. Вдруг полоцкий князь зашатался, колени его подогнулись, и он с громким стоном тяжело упал к ногам своего победителя.

Радостный крик вырвался из груди воинов новгородского князя, и они, размахивая мечами и секирами, кинулись на воинов Рогвольда. Те встретили их с отчаянной решимостью погибающих. Опять застучали мечи но теперь не могло быть сомнений — Владимир одержал над полочанами полную победу.

10. ВЗЯТИЕ ПОЛОЦКА

Итва, действительно, кончилась до темноты, но только победителями из неё вышли не полочане. В первом своём сражении на пути к Киеву Владимир Святославович одолел грозного и могучего врага. Дорога на Полоцк была открыта.

Мало кто уцелел из Рогвольдовых дружин.

Варяги, норманны и рассвирепевшие, охваченные сознанием победы новгородцы не давали побеждённым пощады. Дружинам же новгородского князя победа далась малой кровью: убитых были десятки, раненых совсем немного.

Победители перешли через речку и расположились на поляне, где ещё недавно стояли рати несчастного полоцкого князя. Запылали костры, и усталые воины, всё ещё охваченные пылом только что кончившегося боя, группами собирались вокруг них, толкуя о пережитых опасностях.

Князь Владимир и его бой с Рогвольдом были у всех на языке. Владимиром Святославовичем восхищались даже отчаянные храбрецы-варяги. И восхищала их не столько самая победа князя, сколько его ловкость в этой отчаянной схватке — схватке не на жизнь, а на смерть.

Сам Владимир, однако, не был доволен. После боя Эрик приподнес ему третью голову — Рогвольдову. Когда князь вместе со своими воинами ударил на полочан, старый варяг добил Рогвольда и отрезал его голову, думая,

что таким трофеем он доставит удовольствие своему вождю.

Однако он ошибся.

— Зачем ты сделал это? — с видимым неудовольствием сказал ему Владимир. — Я только ранил его. Он мне нужен был живым.

— Только тот враг не опасен, конунг, который мёртв.

— Да, но Рогвольд-то мне нужен был живым!

— Если бы он не умер, он собрал бы новую рать.

Владимир махнул на Эрика рукой. Гнева на преданного варяга у него быть не могло, хотя он и рассчитывал привести Рогвольда и его сыновей в Полоцк пленниками и в таком виде показать их гордой Рогнеде. Это было бы его мстью за нанесённое ему княжной оскорбление. Однако судьба уготовила полоцкому князю и его сыновьям смерть на поле битвы, избавив их такой ценой от тягостного унижения.

«А я всё-таки покажу Рогнеде, как мстит рабынич», — думал Владимир, и эта мысль не оставляла его ни в ночь после битвы, ни на

другой день, когда с солнечным восходом его дружины отправились далее в поход, на этот раз уже к стенам Полоцка.

После полудня, как и говорил княжне Рогнеде печальный вестник, Владимир со своими воинами подходил к городу.

Глубокая тишина царила за стенами Полоцка.

Будто вымер весь город. Но когда осмелевшие дружины попробовали подойти ближе, в них со стен полетела такая туча стрел, что они, не ожидавшие ничего подобного, стремглав бежали прочь.

Владимир, стоявший на холме, увидел это бегство. Ярый гнев овладел всем его существом. Бегут! Его дружины, только что одержавшие славную победу над полоцкой ратью, бегут! Может быть, гордая княжна, так жестоко оскорбившая его, смотрит сейчас на это бегство, и душа её наполняется злобной радостью.

«Рабынич! Рабынич! — промелькнуло в голове Владимира воспоминание об оскорблении, полученном им когда-то от Рогвольдовны. — Так нет же, лучше смерть, чем такой

позор!»

Он что было сил ударил коленами в бока своего коня. Непривычный к такому обращению, конь сорвался, вздрогнул, запрядал ушами и вдруг, рванувшись с места, крупными скачками понёс своего всадника прямо в гущу беглецов.

Вожди, окружавшие Владимира, не поняли сперва, в чём дело. Им показалось, что конь испугался и понёс князя. Ужас объял этих суровых людей, когда они увидели, что конь ураганом мчится к полоцким стенам, сваливая грудью всех, кто попадался навстречу.

— Князь, князь! Спасайте князя! — раздались тревожные крики.

Этот вопль отрезвил бегущих воинов. Они остановились все разом. Ещё мгновение — и страх их исчез так же быстро, как и появился. Опасность положения была понята всеми.

Владимир Святославович, в сверкавших на солнце доспехах, мчался один по равнине. В правой руке его виден был на отлёте обнажённый меч. Из рта коня на белую шерсть брызгала кровь вперемешку с пеной. При оче-

редном прыжке конь споткнулся и упал на одно колено, но быстро поднялся и помчался вперёд. От толчка шлем свалился с головы красавца-князя, но он не заметил этого. Его ярко-золотые кудри развевались по ветру, он был так красив в эти мгновения, что даже его дружинники останавливались и любовались им.

И за полоцкой стеной тоже были поражены видом князя. Стрелы уже не сыпались оттуда, словно последние защитники города поддались очарованию всадника. Этим воспользовались пришедшие в себя княжеские дружины. С дикими криками бросились воины Владимира снова к городским стенам. Князь в это время с несколькими всадниками, среди которых находился Освальд, оказался уже у ворот Полоцка. Его добрый конь легко перепрыгнул ров, и Владимир очутился на узенькой тропинке около стены. В неистовом гневе рубил он мечом ворота. Но крепкий дуб не поддавался его богатырским ударам.

За стенами оцепенение уже прошло. В осаждающих сыпались стрелы, камни, лилась

потоками горячая вода и пылающая смола. Но всё-таки сопротивление было слишком слабое и не могло остановить нападавших. Они разгорячились недавним своим промахом и, видя своего князя у ворот Полоцк, удваивали усилия, стараясь успехом загладить неудачу. Ров уже местами был засыпан. Откуда-то появились брёвна, и, раскачивая что было силы, воины ударяли ими в частокол полоцкой стены. Удары были так сильны, что слышен был уже хруст и треск надламывавшихся брёвен. По-соседству с ними другие удальцы ловко вскарабкивались на тын. Едва только последние добрались до верха, разом прекратилось всякое сопротивление. Тем временем с помощью брёвен разбиты были ворота, и Владимир ворвался в Полоцк.

Но, едва очутившись за воротами взятого города, князь остановился в изумлении и чуть было не выронил меч. Его глазам предстало странное воинство, подобного которому он никогда и нигде ещё не видел. Луками, мечами, секирами были вооружены полоцкие женщины. Это они встали на защиту родного города и обратили при первом штурме в бег-

ство новгородские дружины! Теперь они все, испуганные, плачущие, побросав оружие, толпою окружили свою молодую красавицу-княжну, гордо смотревшую на грозного победителя.

Владимир громким окликом остановил штурм; он опустил своим мечом мечи варягов.

— Стыдитесь! — крикнул он. — Ведь это женщины!

В это время и через тын, и через ворота в побеждённый Полоцк вливались всё новые и новые толпы победителей. Теперь всем дружинникам было уже известно, что за воины обороняли от них эту твердыню, и им невольно становилось стыдно. В шутках да прибаутках старались они скрыть своё смущение. Глядя на них, и суровые варяги пришли в добродушное настроение. Среди них слышен был смех, порой переходивший в хохот. О битве уже никто не думал, а о победе даже забыли.

Владимир после первых мгновений невольного смущения встряхнул кудрями, вложил в ножны меч и пошёл к Рогнеде. Толпа женщин расступилась, и княжна осталась

одна пред новгородским князем. Она, гордая, словно изваяние, стояла на ступеньках, глядя сверху вниз на приближавшегося победителя.

— Рогвольдовна! — крикнул, подходя, Владимир. — Рабынич победил твоего отца. Что скажешь?

— Скажу, что злые силы были за тебя, — ответила Рогвольдовна. — Ты не победил, а осилил.

— Пусть так, но я осилил в честном бою. Я бился с Рогвольдом один на один.

— И отец умер? — тихо спросила Рогнеда.

— Вот эта самая рука поразила его, — поднял новгородский князь свою правую руку, — но клянусь, я хотел бы, чтобы он остался жив! Моя месть была бы более сладка. Но что поделать. Если бы я не поразил его, он убил бы меня.

— А братья? — спросила, замирая, княжна.

— Увы! И они легли. Пали смертью храбрых. Из всего вашего рода существуешь лишь ты.

— Вот они! — вдруг вмешался Эрик, успевший за время этого разговора приблизиться к князю.

Он раскрыл свой страшный мешок и выкал из него к ногам Рогнеды головы её отца и атьев. Отчаянный вопль вырвался из груди ражённой ужасом княжны. Она кинулась к рогим останкам и долгим поцелуем впись в окровавленный лоб головы отца.

Горе её было так жгуче, так потрясающе, о Владимир смутился и отступил назад.

11. РОГВОЛЬДОВНА

— атюшка, родимый мой, братцы мои любезные! — причитала Рогнеда. — Покинули вы меня горемычную, покинули меня. Убили вас люди злые.

Княжна не плакала, но в воплях её слышалось такое горе, что все вокруг неё притихли, давая ей излить свою печаль.

Владимир стоял потупившись.

Нехорошо было у него на сердце, не того совсем ждал он от свидания. Месть совершен-

но не удовлетворила его, не дала ему наслаждения, он чувствовал, что совесть мучает его и что лучше бы было у него на душе, если бы не было этих трёх смертей или если бы они, по крайней мере, были скрыты от Рогнеды.

— Рогвольдовна! — тихо приблизившись, сказал Владимир, стараясь говорить как можно нежнее и ласковее. — Успокой своё горе. Клянусь, они умерли, как храбрецы, утешься!

Голос новгородского князя к концу этой речи уже звучал неподдельным чувством страдания. Горе несчастной дочери полоцкого князя тронуло его до глубины души. Жгучее чувство обиды за нанесённое когда-то оскорбление стихло и на время забылось.

— Рогвольдовна, — проговорил ещё раз Владимир, — утешься!

Рогнеда, почувствовав прикосновение его руки, вдруг выпрямилась и откинулась всем телом назад. Глаза её сверкали, ноздри раздувались, высокая грудь так и волновалась.

— Прочь, убийца! — закричала она. — Как ты смел прикоснуться ко мне? А, ты убил отца, и дочь — твоя добыча! Так нет же! Нико-

гда дочь князя Рогвольда не станет твоей рабой. Я родилась свободной и умру свободной!

Что-то сверкнуло над головой молодой девушки. Это Рогнеда выхватила из складок своего платья спрятанный там длинный, острый кинжал и взмахнула им, намереваясь вонзить его остриё в своё сердце. Ещё одно мгновение — и она пала бы бездыханной на крыльцовый помост, но Владимир предвидел это движение. Он метнулся вперёд и успел схватить руку Рогнеды.

— Клянусь Перуном, ты не умрёшь, Рогвольдовна! — вскричал он. — Довольно смертей, довольно крови!

Девушка сильно рванулась.

— Пусти, княже! — хрипло проговорила она.

— Нет, нет. Брось сперва кинжал.

Он тихо опустил руку Рогнеды, всё ещё сжимавшей рукоять кинжала. Полоцкая княжна, словно пробудившись от тяжёлого, томительного сна, смотрела на него широко раскрытыми глазами. Казалось, она только впервые увидела красавца Святославовича и теперь во все глаза рассматривала его как со-

вершенно нового, незнакомого человека. Владимир тоже смотрел ей прямо в глаза своим ясным, лучистым взором. В эти мгновения эти двое людей как будто без слов говорили друг с другом.

Толпа норманнов, варягов, новгородцев, полоцких женщин, храня безмолвную тишину, стояла вокруг крыльца, не спуская глаз с князя и Рогнеды. Не одно сердце замирало теперь в ожидании исхода этого немого объяснения. Все понимали, что там, на крыльце, между этими людьми идёт борьба, и борьба последняя. Боролись их души, их сердца, и невозможно было сказать, кто будет победителем.

Вдруг что-то звякнуло. Это сама собой разжалась рука Рогнеды, и выпал из неё кинжал. Вздых облегчения вырвался из многих грудей. Князь осилил гордую волю полоцкой княжны, она покорилась. Тихие слёзы катились из прекрасных глаз Рогнеды. Её гнев, её ненависть угасли, и вместо них явилась покорность случившемуся.

— Прости меня, княже, — проговорила сквозь слёзы Рогнеда, — прости меня. Я не бы-

да права. Я верю, что ты победил в честном бою. Такоза судьба, такова воля высших богов.

— Рогнеда! — воскликнул Владимир. — Я рад, если ты так думаешь. Не плачь же, перестань горевать. Погибли твой отец, твои братья, пусть я заменю тебе их. Забудь, Рогвольдовна, прошлое, как я хочу забыть его, как в эти мгновения уже забыл его. Ты не раба, ты не моя добыча! Будь со мною княгиней. Скажи, Рогвольдовна, или не видишь ты, куда я иду? Горе Ярополку! Он слишком слаб, чтобы быть на киевском столе. Я сяду скоро на его место, и вся Русь соединится около меня. Так скажи, неужели ты будешь помнить, что я сын рабыни?

— Нет, нет, — слышался в ответ тихий шёпот, — ты князь, ты великий князь. Ты победитель.

— Да, Рогвольдовна, да, говори ещё. Твои слова ласкают мою душу. Ты первая называешь меня так, и так да будет!

Рогнеда слегка отстранила Владимира.

— Благодарю тебя, княже, за то, что не подвергаешь ты меня унижению. Но доверши

свою милость, позволь мне удалиться и выплакать своё горе. Ещё милости прошу: прикажи честно похоронить то, что осталось от братьев и отца.

— Всё будет по-твоему, Рогвольдовна, всё! — воскликнул Владимир. — Я принесу жертвы на могильном кургане, и мои воины справят великую тризну по твоим убитым. Всё. Приказывай ещё.

— Не приказываю, милости прошу.

— Что, что, Рогвольдовна?

— Не разоряй Полоцка.

— Здесь ты родилась и жила: Полоцк останется целым. Эй, Эрик, пусть твои воины не осмеливаются трогать города. Я приказываю! Горе тому, кто слушается. Рогвольдовна, иди же. Плачь, рыдай, но помни, что горе не вечно, что после горя всегда наступает радость. Ты горюешь, и я разделяю твоё горе, но я полон ожидания радости.

— Какой? — тихо спросила княжна.

— Я уже говорил. Ты не ответила только. Слово, лишь слово скажи мне, гордая Рогвольдовна. Но пусть это слово из души идёт. Пусть оно будет свободно. Такого я хочу от тебя сло-

ва. Не можешь сказать его — лучше молчи. Я пойму твоё молчание.

— Моё слово будет свободным. Что желаешь знать?

— Скажи мне. Так скажи — помни, от свободной души обещала мне сказать, — скажи мне, Рогвольдовна, меня, рабынича, разуешь ли ты?

Он вдруг смолк, устремив молящий взор на лицо Рогнеды. Владимир как будто хотел угадать её ответ.

Тихий вздох, подобный шелесту набежавшего ветра, вырвался из груди гордой дочери полоцкого князя; потом она потупилась, зарделась, и Владимир услышал, как тихо, тихо прошептала она одно только слово:

— Разую!

Князь отпрянул от неё. Лицо его пылало, глаза ярко сияли радостью, счастьем, сознанием полной победы.

— Иди же, иди, великая княгиня Киевская! — громко крикнул он, — иди плачь о своих мёртвых. Счастье впереди. А вы, дружина моя, — обратился он к своим воинам, — знайте, беру я за себя супругой Рогнеду Ро-

гвольдовну. По мне чтите её и величайте. Полоцк же её родиною будет, именем вечным, и никто не смей разорять его. Каждый же часть добычи своей от меня получит, ибо не хочу никого обижать я.

Владимир в пояс поклонился Рогнеде:

— Отныне я тебе и отец, и братья, и горе тому, что осмелится пойти против меня.

Рогнеда, сопровождаемая своими подругами и прислужницами, удалилась в терем. Князь сошёл к дружине. Оказались недовольные его решением пощадить Полоцк от разграбления и погрома; и большинство их оказалось среди новгородцев. Однако варяжская и норманнская дружины были на стороне князя. Он пристыдил своих славянских товарищей, напомнив, что и в битве новгородцы покинули поле первыми; что бежали от города, защищаемого одними лишь женщинами, и что Полоцк взят как бы одним только князем Владимиром.

Пользовавшиеся наибольшим значением вожди одобряли Владимира. Правда, уничтожена была полоцкая дружина, но оставалась ещё земля. Трудно было бы бороться со всеми

племенами, подчинившимися Рогвольду, теперь же по Рогнеде Владимир Новгородский становился законным князем всей полоцкой земли, и борьба уже представлялась не такой тяжёлой, а потому и для охраны Полоцка не нужно было оставлять многочисленных дружин.

Шумный, весёлый пир затеялся, когда всё успокоилось в княжеских палатах несчастного Рогвольда. Весел и радостен был князь Владимир Святославович. Сокрушён был оплот Киева и Ярополка, побеждена гордая Рогвольдовна. Всё исполнилось, как хотел Владимир, и ликовала его душа, хотя нет-нет, да, как облачко на синее небо, набегало на его душу воспоминание о клятве — не щадить христиан, быть их врагом, — данной им арконскому жрецу Беле.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1. ХРИСТИАНЕ ДРЕВНЕГО КИЕВА

Ирокой синей лентой извивался красавец Днепр среди своих холмистых берегов.

Многие изгибы, образовывавшие колена луки, то суживали великую славянскую реку, то вдруг выбрасывали её на безграничный простор степей. Низменный берег Днепра весь сплошь был покрыт темневшими на солнце лесами, а на гористом берегу, на высоких, значительно отступавших от воды холмах, пестрел своими бесчисленными, разбросанными по скатам постройками стольный Киев.

Конечно, тот древний Киев весьма мало походил на современный.

Мазаные домики-хаты разбегались во все стороны, словно сползая к волнам Днепра с

прибрежных высот. На макушке самого высокого из холмов виден был огороженный высоким частоколом Детинец, за ним помещались Служилые палаты, нечто вроде теперешних правительственных учреждений, небольшие вместительные палаты князя и хоромы дружинников, меньшинство которых составляли пришельцы-варяги, а большинство — «обварживавшиеся туземцы, славяне-днепровцы».

В некотором отдалении от главного холма, но совсем недалеко от воды, также на холме, резко выделяясь среди роскошной зелени, виднелось несколько славянских стыдливо притаившихся белых хаток. На самой же вершине этого холма стояла грубовато срубленная из толстых лесных деревьев небольшая церковь. Это был храм святого Илии. Он существовал с того ещё времени, когда первые варяги, Аскольд и Дир, после своего неудачного похода на Византию приняли христианство. Они часто бывали в этом храме; а когда смерть незаметно застала их, то около него они были и похоронены.

Могилы первых князей-христиан стали символом веры для всех последователей Христовой веры. Около них немедленно начали ютиться все те, кто был озарён светом великой истины; таким образом, вырос сам собой небольшой христианский посёлок. Поселялись в нём преимущественно киевские христиане и учителя христианской веры, приходившие с Юга и не встречавшие отказа в приёме. Находили здесь убежище также и те христиане, которые почему-либо должны были покинуть далёкий Север и спешить под благодатное киевское небо.

Мало-помалу образовалась христианская община, находившаяся под верховенством священнослужителей-пресвитеров, которым в их многотрудных обязанностях помогали диаконы из славян.

Как и всегда при начале какого-нибудь дела, небольшая община была тесно сплочена; члены её жили между собой дружно, не зная ни вражды, ни зависти и преследуя исключительно только общий интерес. Ни пресвитеры, ни диаконы, ни общинники не ставили своей главной неременной целью немедлен-

ное распространение в днепровской стране Христова учения: все они понимали, что для этого не настало ещё удобное время. Они стремились лишь к тому, чтобы укреплять в Христовой вере тех, кто принял её; а таковых было немало, и чем дальше шло время, тем число их становилось всё больше и больше.

Причина этого лежала прежде всего в образе жизни первых христиан Киева.

Они казались странными и непонятными для современников, полны самого чистого, самого высокого самоотречения; вся жизнь их была воплощением добра и правды, а это так было не похоже на окружающее.

Не было в Киеве и окрестностях бедняка, который, в случае надобности, не получил бы помощи от киевских христиан; не было несчастного, которому бы эти христиане не пришли на помощь. Эти люди действительно следовали словам Христа о необходимости возлюбить ближнего, как самого себя. При этом вопрос о вере, к которой принадлежал страждущий, не служил препятствием в их добрых делах. Киевские христиане, делая добро, оказывая помощь, не разбирали, кто нуж-

дается в этой помощи: христианин или язычник.

Такое отношение имело следствием то, что со всей окрестной страны в их небольшую общину стекались все сирые и убогие. И христианский маленький храм, стоявший на горе, был столь же известен среди народа, как и Десятинец с княжескими хоромами.

2. В ПРОВИДЕНИИ ГРЯДУЩЕГО

Те дни, когда Владимир Новгородский завоёвывал Полоцк, в Киеве шли торжественные приготовления к пышной встрече полоцкой княжны.

Там ещё не ведали о том, какая участь постигла её, и продолжали считать Рогнеду невестой князя Ярополка, будущей княгиней Киевской.

Первыми узнали о половецком разгроме

христиане храма святого Илии. Известие об этом вызвало там большую печаль.

— Какие времена настали, православные, — восклицал старичок священнослужитель, — брат восстаёт на брата, Владимир идёт на Ярополка; что будет далее, никому из смертных неизвестно, единому только Господу.

Многие выражали удивление жестокостью Владимира, вспоминая, что в Киеве он был совсем иным.

— Да, да, превеликой Еленой, равноапостольной бабкой своей, Владимир был возвращён, — поддерживали другие, — святые семена Христовой веры посеяны были в душе его; и рос он и юношей стал, вполне готовый к святому крещению. А как прибыл в этот Новгород, так словно другим человеком стал.

— Но разве неизвестно вам, — воскликнул на это один из общинников, — что Владимир в Арконе уже успел побывать и с тамошним жрецом-правителем дружбу и союз заключил?

— Ну, что ему Аркона, — слышались голоса. — Арконский Святовит для него то же самое, что и Перун киевский. Думается, что

Святовита, как и Перуна, он знать не хочет.

— Хочет или не хочет, глубоко то в его душе сокрыто, а только во всех его действиях перст Божий виден, — заявил священник.

— Как это так? — раздались недоумевающие голоса.

— Вот как. Послушайте меня. Божья воля всеми поступками и делами человеческими управляет. Сказано в писании, что ни единый волос не упадёт с головы человеческой без воли Божьей. Случай хороший, православные, напоминаю я вам из прошлого. Не с великой ли силой князья наши Аскольд и Дир пришли к незащитной Византии — незаметно налетевшая буря разметала их воинство. Разве слепцы только не увидели в том руку Всевышнего. Вот точно так и теперь: князь Ярополк убил своего брата Олега Древлянского, и младший брат их Владимир, сам того не понимая, выступил мстить братоубийце. Знаю, что вы возразите мне, скажете, что это дело не Божие, а я вам отвечу, что смертным не дано знать пути Божий, мы не можем ведать, откуда идёт всё то, что переживать нам приходится. Ярополк идёт на Олега, Владимир

идёт на Ярополка; что будет, если Владимир верх возьмёт и станет стольным нашим князем? Припомним, православные, что премудрой бабкой своей Еленой-Ольгой возвращён был Владимир, Елена же по воле Творца прониклась светом Христовой истины, и великую правду здесь слышал я, что семена Христовой веры глубоко посеяны в душе новгородского князя. Он не христианин теперь, он кланяется Перуну и живёт так, как жили его отцы и деды, но чувствую я и духовными очами вижу то время, когда семена христианства взойдут на добротной ниве и тот самый новгородский князь Владимир, на которого вы так негодуете теперь, станет светочем Христовой веры!

— Так, отец, — выступил один из пожилых общинников, — мы верим, что твой духовный взор проникает будущее, но позволь тебе сказать не в упрёк, а ради разрешения недоумения нашего.

— Говори, сын мой, — кротко сказал старик.

— Ты говоришь о том, что может сделать Владимир. Возможно, так и будет, как ты го-

воришь, но это ещё только будет, а между тем в настоящее время мы имеем на княжеском престоле Святославова сына, Ярополка, который до нас милостив, как ни единый из князей ещё не был; ты говоришь, что Ярополк повинен в смерти брата своего Олега, а мы знаем, что смерть Олега подстроил Свенельд в месть за сына своего Люта, князь же Ярополк ежели и повинен, то в том лишь, что начал братоубийственную борьбу. Вспомним, отец, кто такой был Олег Древлянский. Ведь если так судить, то он только один образ человеческий имел, а по нраву своему лютым зверем сказался: он ли был не убийца, он ли был не насильник? И не сделал ли доброго дела Ярополк, не пощадив его?

— Ой, ой, ой, сын мой! — сокрушённо покачал головой священник. — Вижу я, что далеко ещё сияет от тебя свет Христовой истины. Как можешь ты судить брата своего, как можешь оправдывать ты человека, пролившего кровь ближних? Одно только может служить тебе оправданием: лишь Промысл Господний управлял Ярополком, и если бы не было воли свыше на то, не коснулся бы он брата своего.

— Пусть так, — упрямо ответил общинник, — и спорить я не буду об этом, и не к тому я речь свою вёл. Я вот что хотел сказать. Мы ещё совсем не знаем, каков будет Владимир Новгородский, если воссядет на престол брата своего. По его делам да поступками думать можно, что хорошего от него ждать нечего, а от Ярополка мы уже видим хорошее. Разве он не хорош к нам, христианам, не милостив, разве не бывал он здесь, у этого храма, не вёл ли благочестивых бесед со старцами нашими? А потом, разве притеснял он тех дружинников, которые были с ним, не покидая веры Христовой, или гнал кого за то, что исповедывал тот эту Христову веру? Нет, отец, мы, овцы твоего стада, от Ярополка видели лишь добро, а увидим ли от Владимира, того не знаем.

— Сын мой, — перебил говорившего старец, — прав ты во всём, что сказал. Добрый, милостивый к нам князь стольный Ярополк Святославович, куда добрей, чем Олег Вещий и Игорь, и Святослав, его отец; но только доброта его такая, что пользы народу не приносит: Ярополк добр потому лишь, что не любит

он трудов и забот, весь в деда своего Игоря, его не трогают, и он не трогает, но ежели нашепчет кто ему в уши, что мы вот здесь, все собравшиеся, вред приносим, так он повелит казнить нас и труда себе не даст разобрать, справедливо ли он поступил. А нашёптывать ему зло есть кому; все вы знаете Нонне, его первого советчика, все вы знаете, что из Аркона Нонне прислан за тем, дабы нам, исповедникам Христовой веры, вредить. Думаю я, и не только что думаю, а и сведения имею, что Владимир Новгородский стакнулся с великим жрецом Святовита и действует при помощи арконских властителей; за тем и Нонне из Арконы прислан. Думают в Арконе, что ежели сядет на стол отца своего Владимир, так уничтожит он нас, исповедников Христа, и восстановит Перуна во всей его мощи. Только, братья мои, не будет этого; стол Ярополка поколеблен, и ежели Богом суждено, то он погибнет; но когда Владимир над Киевом владычествовать будет, помяните вы мои слова, старое время пройдёт и не останется от Перуна даже и подножия его. Кто свет увидел, тот во мрак не вернётся. Так же будет и с Влади-

миром: не станет он возвращаться к язычеству! Следуя предначертаниям Промысла, он сам пойдёт и весь свой народ поведёт к Источнику вечного, немеркнущего света. Но, братья, я вижу к нам идёт Зыбата; он христианин хороший, хотя и редкий гость промеж нас; ежели явился он сюда незванный, значит, есть у него важные вести. Послушаем, что он скажет.

3. ЯРОПОЛКОВЫ ДЕЛА

Руг прихожан христианского храма почтительно расступился пред Зыбатой.

Он подошёл, ласково и приветливо улыбаясь, и прежде всего склонился в глубоком и почтительном поклоне пред священнослужителем.

— Да будет благословение Господне над тобой, сын мой, — проговорил тот, — прими

также душевный привет и от меня, смиренного служителя алтаря Бога Живого.

Он благословил Зыбату. Тот облобызал руку пастыря, который в ответ на это поспешил расцеловать его.

— Давно ты не был среди нас, Зыбата, — продолжал священник, — мы соскучились по тебе. Какие причины задерживали тебя? Верно, весело живётся в княжеских хоромах.

— Не могу сказать, отец, чтобы весело, — ответил Зыбата, — а и какое веселье может быть теперь, когда на Киев надвигается гроза.

— Откуда, какая гроза? — слышались со всех сторон тревожные вопросы.

— Разве вы ничего не слышали? — спросил Зыбата.

— Нет! А что, разве есть какие-нибудь новые вести?

— Много вестей.

— Откуда? Что случилось?

Зыбата отвечал не сразу.

Кругом все молчали, устремив на него вопросительные взгляды.

— Говори же, сын мой, всё, что ты знаешь, — сказал священнослужитель, — мы

здесь живём, как отрешённые от мира, мало что доходит до нас, ты же близок к князю и знаешь всё, что делается на белом свете; так прошу тебя поделиться с нами твоими вестями.

— Я, отец мой, затем и пришёл сюда. Вам ведь ведомо уже, что Владимир Святославович вернулся в Новгород?

— Да, да! — воскликнуло несколько голов. — Ты же сам о том рассказывал.

— Да, я был в то время в Новгороде и видел Владимира. Ой, не понравился он мне тогда.

— Что же в нём переменялось? — осторожно спросил один из стариков, — забыл разве он все те истины, которые воспринял от мудрой бабки своей?

— Нет! Того я не думаю. Не забыл Владимир ничего, но, как я видел, озлобился он.

— На кого же это избиделся он?

— Выходит так, что на старшего брата!

— На князя Ярополка?

— На него. Видимо, Олав Норвежский сумел распалить эту злобу. Только думаю я, что есть здесь в Киеве человек, который сообщает Владимиру об Ярополке всё худое и тем серд-

це его на брата поддерживает.

— Ты говоришь про арконца Нонне?

— Да, я думаю, что это он, но я доскажу свой рассказ. Ведомо вам также, что Владимир победил Рогвольда Полоцкого и князь Ярополк напрасно поджидает теперь свою невесту, княжну Рогнеду. Но как ни преступны эти распри, однако и они ещё не страшны; я думаю, что Владимир задумал более ужасное.

— Что именно?

— Братоубийство.

— Как! — отступил в ужасе священнослужитель, — неужели опять Господь попустит. Ярополк — Олега, Владимир — Ярополка. Да когда же это, наконец, кончится? Доколе ненависть будет изводить с Божьего света внуков праведной княгини Елены? Нет, Зыбата, нет, я хочу думать, что ты ошибаешься, я мысли не смею допустить, чтобы Владимир стал братоубийцей.

— Отец, — тихо произнёс Зыбата, потупляя глаза, — я думаю, что Владимир и сам не хочет этого, но его подталкивают на такое страшное дело.

— Кто подталкивает? Всё тот же Нонне?
Зыбата ничего не ответил и стоял поту-
вшись.

Кругом все тоже молчали.

— Я понимаю, сын мой, что значит твоё
ущение, — произнёс священнослужи-
ль, — ты подозреваешь, что виновник всей
апоубийственной распри этот хитрец Нон-
, но не решаешься во всеуслышание обви-
ть его; но скажи нам, из чего ты заключа-
ешь, что Нонне возбуждает брата на брата?

4. ТЁМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

— Хорошо, я скажу, что думаю, — тихо промол-
вил Зыбата, — вы же, отцы и братья, остано-
вите меня, если я ошибусь.

— Говори, что знаешь.

— Всё говори, Зыбатушка.

— Слушайте! Владимир со своими новго-

родскими и варяжскими дружинами идёт на Киев, чтобы завладеть им, у Ярополка же в Киеве сила немалая, и князь наш мог бы отсидеться здесь. А знаете ли вы, что задумал Ярополк?

— Что, что? Говори, Зыбата, скорей.

— Он задумал идти навстречу брату своему и молить о мире.

— Как так! Зачем?

— А затем, что в Киеве, как ему наговорили, народ весь волнуется. И правда то: на площадях народ громко кричит, что хочет на великом княжении иметь не Ярополка, а Владимира. Ярополк же, сами знаете, телом тучный и нравом мирный, и сердцем кроткий, ему бы все пиры да весёлости, а о сопротивлении и не думает. Вот ему-то Нонне, как я прекрасно знаю, и нашёптывает постоянно, что нужно спастись, что Киев изменников полон и что выдадут его брату, а брат тогда не пощадит и лютой смерти предаст. Нонне с воеводой Блудом у Ярополка первые советники, и князь наш делает всё, что они ему ни присоветуют. А тут прослышал я, что, советуя так Ярополку, Нонне сам же смуты в народе заводит и в то

же время постоянно сносится с Владимиром и сулит ему выдать своего князя. Вот поэтому-то я стал думать, что ищет Нонне головы Ярополка, о советах же Арконы князю и о переговорах его с Владимиром я доподлинно знаю от друга моего Варяжко. Разведайте теперь сами, право или криво я сужу.

— Ой, Зыбата, — проговорил старец-священнослужитель, — и думать я не смею, чтобы ты неправду говорил. Я тебя знаю с детства, да и отца твоего помню и воспитателя твоего, старца Андрея, также, а потому не смею не верить твоим словам. Только вот чего в толк не возьму: скажи ты мне одно, зачем Нонне всё это понадобилось? Чем он недоволен? Ведь Ярополк в служении идолам усерден и хоть знает о Христовой вере и многие истины её хвалил, но, сколько раз ни выходили у нас с ним разговоры, всегда он отказывался, как и отец его, Святослав, от святого крещения; в чём другом, а в этом отказе он твёрд был. Владимир же более, чем старший брат, светом истины просвещён и наставлен в вере православной премудрою своею бабкою. Так зачем же Нонне понадобилось свое-

го друга верного выдавать Владимиру, который, неизвестно ещё, будет ли ему другом? Ведь Нонне, как он ни свиреп, всё-таки умён и без расчёта не поступит; прямой же расчёт — сберегать Ярополка всеми силами. Не сможешь ли ты нам разъяснить это наше недоумение?

— Не знаю, что и ответить тебе, отец, и вам, братья, — проговорил Зыбата, — великой опытностью умудрены вы, и многое есть, что мне непонятно, вам же как Божий день ясно. Если же хотите думы мои знать, то я скажу вот что. Как ни упорствует Ярополк в своей приверженности к язычеству, всё-таки, повторяю я, кроток он и сердцем жалостлив; Нонне же только затем и прислан из Арконы, чтобы как можно скорее извести всех христиан на Днепре. Скажу я вам вот что. Владимир на пути в Новгород в Аркону заезжал, как известно вам, и там ему даны были дружины Святовита, а Нонне вместе с тем послан был в Киев. Нонне не один раз уже советовал Ярополку и умолял его истребить всех нас, христиан, до единого, но Ярополк на это не соглашался, напротив, всегда говорил, что христи-

ане ему нисколько не мешают, что пусть они как хотят веруют своему неведомому Богу, ему до этого дела нет, как и отцу его, Свято-славу. Я думаю, что в Арконе жрецы дали помощь Владимиру лишь затем, чтобы овладеть Киевом и извести христиан; вот Нонне и торопится доставить Владимиру княжеский стол. Он уверен, что, как только станет Владимир киевским князем, все христиане погибнут.

— Нет, нет! — раздались крики. — Никогда Владимир не решится на это.

— Да мы и сами не сдадимся. Что у нас, копий да мечей, что ли, нет? — задорно крикнуло несколько человек из тех, кто помоложе.

— Поднявший меч от меча погибнет, — остановил их священник, — нашим мечом должен быть только один крест и только одна молитва; они нас защитят и оградят от всякой напасти. Помните, братья любезные, что в Святом повествовании сказано: ни единый волос не падёт с головы человеческой без воли Божией. Не злобный отпор должны мы давать врагам, а молиться за них, и злоба тогда по молитве отпадёт прочь, и добро победит

зло, а ежели суждено нам страдание, то да будет на то воля Господня!

— Именно так! — в один голос крикнули все, кто ни стоял около храма.

— Сын мой Зыбата! — обратился священник к воину. — Благодарим тебя за те вести, что ты принёс, будем готовиться принять всё то, что назначено нам судьбой, но скажи мне ради Бога, что ты сам думаешь делать, как ты намерен поступить?

— Я, — с некоторой дрожью в голосе отвечал тот, — поведу дружины Ярополка. Если суждена смерть, то погибну, защищая его. Я не могу иначе: я обещал так.

— Как поведёшь? Разве Ярополк решил уже идти на Владимира? — тревожно спросил священник.

— Увы, да. Правда, он не идёт сразу на Владимира, а только хочет идти из Киева, которому он не верит. Ведь я сказывал вам, что Нонне наговаривает Ярополку, будто все киевляне готовятся изменить ему.

— А куда же он пойдёт? — спросил кто-то из ближайших.

— Пока не ведаю. Слышал я, что хочет

князь Ярополк затвориться в Родне.

— Это на Роси-то?

— Да, там. Уж почему он только думает, будто там тын крепче, чем в Киеве, доподлинно не ведаю; смекаю так, что не один Нонне князя нашего смущает.

— А кто же ещё-то?

— Да и Блуд-воевода! Вот кто!

— Воевода Блуд?

— Он самый.

— Ну, уж тогда, ежели Блуд только на сторону Владимира перешёл, пожалуй, и в самом деле пропал князь Ярополк. Предупредить бы его.

— Пробовали предупредить.

— Кто?

— Варяжко.

— Что же князь?

— Не верит, никому не верит. Что Блуд да Нонне скажут, то он и делает. — Все в смущении молчали. — Вот, отцы и братья мои, сказал я вам всё, зачем пришёл, — продолжал Зыбата, — будьте готовы; быть может, тяжёлое испытание ниспошлёт вам Господь, а, может быть, ещё и пройдёт мимо гроза великая.

Теперь же прощаюсь с вами, вернусь к дружинникам своим. Благослови меня, святой отец: кто знает, увидимся ли мы. Суждено мне погибнуть — погибну, защищая своего князя, не суждено — так опять вернусь к вам, и тогда примите меня к себе, грешного.

Зыбата низко-низко поклонился сперва старцу, потом всем остальным.

5. КНЯЗЬ ЯРОПОЛК

Седа с людьми одних и тех же убеждений и верований облегчила и успокоила Зыбату.

Он вернулся в Детинец уже весёлый и бодрый и сразу прошёл в княжеские хоромы.

Там он нашёл своего друга — одного из варяжских телохранителей по имени Варяжко. Этот Варяжко не был вполне христианином: исповедуя и Христову веру, он кланялся в одно и то же время и Одину, и Перуну. Но это

нисколько не мешало обоим воинам быть искренними друзьями. Впрочем, в те времена из-за религиозных верования у славян никогда не было распрей и вражды.

— Что скажешь, Зыбата? — встретил Варяжко пришедшего.

— Вот узнать пришёл, как и что: здесь останемся, аль в Родню пойдём.

— Ой, Зыбатушка! Кажись, что в Родню, — сокрушённо вздохнул княжий телохранитель, — во всём Блуд и Нонне глаза отводят Ярополку; он теперь и слышать ничего, кроме как о Родне, не хочет.

— Что же она ему так по сердцу пришлась? — усмехнулся Зыбата.

— Да, вишь ты, больно уж он разобиделся на Владимира за Рогнеду, хочет с ним теперь не мириться, а на бой идти. Вот и надумал он такое дело: в Киеве народу всякого много, где же разобрать, кто княжескую сторону держит, кто Владимирову, а в Родне-то лишь те соберутся, кто за князя умереть желает. Ярополк думает, что там его ворогов не будет, все лишь верные слуги соберутся, а ежели кто из сих зашатается, так в Родне-то скорее это

усмотреть можно, чем в Киеве, вот потому-то и собираются уходить.

Зыбата покачал головой.

— Кабы Нонне да воеводу Блуда он в Родню послал да попридержать их там велел, так и самому не нужно бы было туда идти, — проговорил он.

— Верно, — согласился Варяжко, — эти два и мутят все, они всему злу заводчики.

Из внутренних горниц донёсся шум голов.

— А отодвинься-ка, — слегка отстранил Варяжко Зыбату, — никак сам князь жалуется. Так и есть, да ещё не один: и Нонне, и Блуд тут же.

Действительно, в палату из внутренних покоев вышел Ярополк, а с ним — Нонне и воевода Блуд, старый пестун киевского князя. Нонне совсем не изменился в сравнении с тем, каким он был на Рюгене в Арконе. Он и здесь был таким же жалким, приниженно, подобострастно заглядывающим в глаза всем и каждому, — это придавало ему вид лисицы. Воевода Блуд был толстый, добродушного вида старик, носивший на глазах нечто вроде

очков. Когда он говорил, то каждое слово сопровождал смехом, улыбками, и при этом двигался он постоянно и даже без надобности, причём эта подвижность переходила в неприятную суетливость, совсем не шедшую ни к его летам, ни к фигуре.

Ярополк был ещё молод; но бездеятельностная жизнь, постоянные пиры начали его старить раньше времени, он весь опух и обрюзг, страдал одышкой, был неповоротлив и в движениях неуклюж. Речь его была отрывистая, будто мысль не могла подолгу оставаться на чём-нибудь одном и быстро переходила с одного предмета на другой.

— А-а, Зыбата! — закричал он, входя в палату. — Тебя-то нам и нужно; слышь ты, Зыбата, я тебе верю, ты постоишь за князя своего?

— Как же, княже, не стоять, — вздохнул тот, — положишься на меня: скорее сам умру, чем тебя выдам.

— Ну, вот, это хорошо; я тебе, Зыбата, верю, — повторил Ярополк, — и я тебя с собой возьму, ты знаешь, мы в поход идём; мы, Зыбата, на Владимира идём. Уж мы его, вора новгородского, поучим. Так, Блуд, али нет?

— А нужно, князь, его поучить, нужно. Вишь, он на какое дело пошёл, лиходей этакый: Рогвольдовну у тебя отнял! Разве так братья поступают?

— Вот и я тоже говорю, что так нельзя поступать! Я Князь Великий, а он что? Новгородский князь, да и то ещё без моего согласия в Новгороде княжить стал. Что, Нонне, так ли я говорю?

— Так, княже, так! — подтвердил арконский жрец. — Это ты хорошо придумал, если проучить его пожелал так: ты князь, ты всё можешь.

— Спасибо вам, добрые мои, вижу, что вы меня любите и мою сторону держите, а киевцы — это вороги, это изменники, они спят и во сне видят, как бы князя извести. А я ли им не хорош был, я ли им пиров не устраивал, сколько мёду-то перевёл, чтобы киевских пьяниц напоить. Так-то, так-то, Зыбатушка, ты уж там дружинников своих приготовь. Как скоро собраться можешь?

— Как ты прикажешь, князь, так я и готов буду, — поклонился Зыбата, — сам знаешь, наше дело дружинное: князь велел, ну и иди

В поход.

— Верно, верно! Княжеское слово, Зыбатушка, великое слово: что князь ни скажет, всё исполнять нужно. Вот, что хорошего, что брат Владимир из послушания вышел: иду на него войсками своими и жестоко накажу, уж тогда он будет просить у меня милости, а я возьму да и не помилую. Так ты распорядись там, Зыбатушка, а мы, други любезные, в столовую палату пройдем: время такое, что поспать да выпить малость требуется, а потом поспать, а что дальше, то видно будет. Ты, Нонне мне сказку ещё какую ни на есть расскажешь. Больно ты мастер сказки говорить, так бы всё тебя и слушал: ты-то рассказываешь, а с души всякий гнев да страх спадает, и легко так на душе. Идемте же, други любезные.

Он, слегка переваливаясь с ноги на ногу, пошел через палату в лежащий направо покой.

Блуд и Нонне, с усмешкой переглядываясь между собой, следовали за ним.

— Вот так-то у нас всегда, — покачал головой Варяжко, — поесть да попить, да сказки

послушать, другого ничего князь и не знает и княжье дело своё забывает. Что, Зыбата, ведь нам и в самом деле готовиться нужно. Кто их там знает: времени князь не назначал, подзудят его Блуд и Нонне, так он, пожалуй, нежданно-негаданно с места сорвётся да и пустится в поход.

— И то правда: от Ярополка всего ждать приходится. Пойду приготавлиюсь, только и не хорошо же будет, если он, как тать, из Киева убежит.

6. БЕГСТВО ИЗ КИЕВА

редчувствие не обмануло Зыбату. Прошло всего два дня, а когда вечер сменил третий, Блуд через Варяжко приказал Зыбате готовить дружины в путь, как только ночь окончательно спустится на землю.

Среди дружинников кое-что было известно о предстоящем отъезде князя, но слухи до-

ходили до них смутные.

Однако дружина собралась быстро. В огромном своём большинстве княжеские дружинники были варяги, люди одинокие, бесемейные, и возиться со сборами им было нечего.

Они даже довольны были, что приходится отправляться в путь.

До сих пор Ярополк предпочитал жизнь во дворце всяким походам, а если и собиралась дружина, то лишь для того, чтобы пройтись с ним куда-либо недалеко, на охоту. И теперь дружинники с радостью собирались выступить в путь. Но Варяжко, один из ближайших людей князя, был не на шутку удивлён и опечален внезапностью княжеского отъезда.

— Ой, не к добру князь поспешил, — говорил он Зыбате.

— Вестимо, что не к добру, — ответил тот, — из этого-то спеха ничего не выйдет путного, да и где выйти-то? Ведь идём мы на ратное дело, а разве так-то соберёшься?

— И уговорить его нельзя, чтобы оставил своё намерение, — вздохнул Варяжко.

— Что отговаривать, — вздохнул Зыбата, —

что кому определено, то и быть должно.

— Ой, близится князя Ярополка судьба! Сам он так к своей гибели и идёт.

Варяжко вздохнул.

— Велика ли дружина-то пойдёт? — спросил Зыбата.

— Ой, не велика! — утешил Зыбата.

— Отборная она, за князя все постоять сумеют.

— Постоять-то постоят, да мало нас.

— А у Владимира, — перебил его собеседник, — рати отборные; с ним не одна только его дружина, а и варяги арконские, да из Рогвольдова княжества дружины, да рати новгородские, и много их. На верное князь Владимир идёт. Ой, чует моё сердце, быть греху великому, быть пролитой крови братской.

Зыбата даже не стал успокаивать друга, да и что он мог ему сказать: ведь и сам чувствовал то же самое, что высказывал Варяжко.

Настроение вождей вскоре передалось и дружинникам.

Они хотя и собирались безропотно, но не было заметно ни обычного воодушевления, ни бодрости; шли неохотно.

— Как тати в нощи, уходим, — слышалось в рядах дружинников, — так проку не будет.

Зыбата пробовал убеждать воинов и тоскливо поглядывал на хмурые, угрюмые их лица.

«Ой, — думал он, — ненадёжные они, как бы не выдали они князя, когда подойдёт беда».

Ярополк навёл на дружинников ещё более уныния.

Он, считавшийся вождём, главой всей вооружённой киевской силы, на этот раз не пожелал предводительствовать в походе, а предпочёл совершить путь более спокойно — в колымаге.

Когда княжеский поезд выбрался из Киева и отошёл на порядочное расстояние, им путь преградил густой лес, памятный Зыbate по приключениям его молодости.

Подвигавшегося в этом лесу старца Андрея, духовного отца Зыбаты, просветившего его истинам Христовой веры, уже давно не было в живых; а на том месте, где жил Андрей, теперь поселился другой пустынный. Зыбата знал и его. Это был суровый старик,

чуждавшийся людей. Если же он появлялся среди них, то для того, чтобы обличить в несправедливой жизни и возвестить им грозный суд Божий. Его грозных обличений и пророчеств боялись, а потому при его появлении все убегали.

Этот отшельник-нелюдим отвергал все удобства жизни и даже не имел хижины. Летом проводил ночи под открытым небом на голой земле или в жалком шалаше, а зимой — в выкопанной собственными руками глубокой яме, в которой он тут же жёг не угасавший никогда костёр.

Когда княжеский поезд проходил мимо места обитания этого пустытника, он вдруг появился с двумя головнями в руках, чем страшно напугал лошадей.

— Ой! Кто там? Что там? — раздался вопль из колымаги князя. — Дикий зверь не напал ли? Тогда спасайте, слуги верные, своего князя!

Как раз в это время колымага поравнялась с отшельником. Знал ли тот, что в колымаге находится князь, или по голосу узнал его, но только выпрямившись во весь рост, он начал

размахивать неистово головнями, разбрасывавшими вокруг себя бесчисленные искры. Лошади, запряжённые в колымагу, перепугались, захрапели и упёрлись, отказываясь идти дальше.

— Иди, иди, — каким-то торжественным, пророческим голосом воскликнул пустыжник, поднимая молитвенный взор к небу, — иди, ждёт тебя могила. Каждый твой шаг близит тебя к ней. Иди же, спешి. Ты думаешь, что бежишь от смерти? Нет, ты спешишь к ней. Каждый человек рождается для того, чтобы умереть в назначенный ему правосудным Богом миг, и ты вскоре умрёшь, потому что не умеешь жить. Пусть же волки сгрызут твоё тело острыми зубами, пусть черви источат твои кости. Иди же и умри! Такова воля Всевышнего, которому я служу!

— Что он говорит? Кто это? — с ужасом вскочил Ярополк.

— Это, княже, один из христиан, — поспешил нагнуться к его уху Нонне, — вот они, те, за кого ты постоянно заступался! Они только и мыслят, что о твоей гибели, им ты ненавистен, они твои враги. Что же ты, князь, мед-

лишь? Приказывай скорей наградить этого негодника, удостой его своей высокой милостью, не медли, княже.

Нонне говорил всё это не громко, а чуть слышно на ухо Ярополку. Так он всегда производил наибольшее впечатление на слабого киевского князя.

Под влиянием змеиного шипенья арконского жреца слабовольный Ярополк вдруг запылал весь гневом.

— Убейте, убейте его скорее! — закричал он.

— Княже, — выступил Зыбата, — дозвожь мне молвить слово.

— Убей его, убей! — продолжал неистово вопить тот.

— Княже, да выслушай же.

— А, ты тоже христианин и тоже из этой своры? — уже не помня себя от гнева, завопил Ярополк, которому Нонне продолжал нашёптывать свои ядовитые речи. — И ты точно такой же изменник, как все они? Так нет же, я выведу измену. Я князь, я всё могу! Эй, слуги, взять Зыбату!

К предводителю княжеской дружины

нерешительно приблизилось несколько челядинцев.

— Что же вы стали? Берите, — грустно улыбаясь, проговорил Зыбата, — или вы не слышали, что князь приказал взять меня?

— Вязать его, вязать! Сколько ещё раз я должен приказывать! — иступлённо закричал Ярополк. — А ту собаку убейте!

Вдруг среди дружины раздался глухой ропот:

— Ежели ты, князь, казнишь Зыбату, так будет тебе ведомо, и мы за тобой не пойдём.

Нонне поспешил что-то шепнуть Ярополку.

— Да кто вам сказал, — вдруг разом утешился тот, — что я его казнить думаю? Не того я хочу: он мне, князю своему, поперечил, так и не желаю я, чтобы он моей дружиной владел, не верю я ему больше! Пусть Варяжко вами начальствует, а Зыбату хочу прогнать.

— Вот так оно и лучше, пожалуй, — согласился говоривший дружинник, — уж ты, Зыбатушка, нас прости, а в таком приказе князю мы не поперечим: его воля, кого наверху поставить,

— Что же, — улыбнулся Зыбата, — делайте, что князь приказывает, а я готов ему покориться.

— Так уходи ты от нас.

— А меч твой и секира пусть при тебе останутся. Худого ты нам ничего не сделал, лишь поперечь пошёл, — объявил Ярополк, — потому ты мне и не нужен.

— Идём, идём, — взял Зыбату за руку старец, — чем дальше от мертвецов, тем больше жизни.

Он быстро увёл его в лесную чащу.

Княжеская дружина, кое-как приведённая в порядок, тихо двинулась в дальнейший свой путь к Родне.

7. В ГОСТЯХ У ОТШЕЛЬНИКА

Сё это произошло настолько быстро, что Зыбата не успел даже опомниться, дать себе отчёт во всём происшедшем.

Одно только он сообразил: князь Ярополк, которому он служил, навсегда отказывался от одного из немногих оставшихся ему верными дружинников.

— Иди, иди, сын мой, не оглядывайся, — торопливо вёл его за руку отшельник, — эти безумцы стремятся туда, куда влечёт их судьба! Что тебе до них? Они следуют велениям своего рока, тобой же управляет твоя судьба. Ты видел, как в туманную тёмную ночь пичужки неудержимо стремятся на огонь и падают мёртвыми в пламя, безжалостно их сжигающее. Подумай, разве им нужна смерть, жизнь составляет единственное их благо, но они, неразумные, жалкие, ничтожные, сумасбродные, стремятся сами в огонь. Так вот и этот безумец, этот жалкий киевский князь, сын великого, могучего Святослава, внук мудрейшей Ольги. Он погибнет. Вспомни это, когда увидишь его мёртвым. Но погибнет не один он — погибнет Блуд, погибнет и враг Божий Нонне. Я чую, я знаю это, я вижу смерть, уже витающую над ними.

Старик говорил всё это быстро, как бы выбрасывая слова одно за другим.

Спустя час или полтора тяжелейшего пути оба путника выбрались на прогалину.

Начинало уже светать, и Зыбата смог рассмотреть приютившийся у подножья вековых сосен шалаш пустытника.

— Ты отдыхай здесь, — сказал старик, — спи, старайся восстановить запас сил.

— А ты? — спросил у него Зыбата.

— Я спать не буду.

— Почему так?

— Видимо, близок день. Скоро над землёй взойдёт солнце, и я должен молитвой встретить светило дня и восславить нашего Творца.

— Я тоже христианин, и мне должно молитвой встретить дневное светило.

— Нет, ты спи; ты христианин, но ты мирянин, Господь по Своей неизъяснимой благодати многое допускает вам, мирянам, хотя и от вас требует тоже великих трудов в Свою вящую славу. Ложись же, спи и не смущай меня: не мешай мне молиться.

В тоне старика звучали уже повелительные нотки, и Зыбата почувствовал, что он не может послушаться, и вместе с тем подумал,

что если старик говорит так, то имеет на то свои основания.

На мгновение склонившись на колени, он принёс горячую молитву за своё спасение и к ней присоединил молитву о несчастном Ярополке.

Молитва, как ни была она коротка, успокоила душевное волнение, и Зыбата, забравшись в шалаш, скоро заснул крепким, живительным сном.

Разбудили его громкие крики, звон оружия и ржание коней. Зыбата открыл глаза, но ослепительный свет разгоравшегося дня заставил его сейчас же закрыть их, а шум и говор голосов кругом всё разрастался.

Зыбата, сам начальствующий дружиной, понял, что число ратных людей на лесной прогалине всё увеличивалось. Сделав над собой усилие, он сбросил последние остатки сна и поспешил выбраться из шалаша. Прогалина, действительно, обратилась в становище какихто совершенно незнакомых ему дружинников.

Зыбата заметил, что большинство из них были различны между собой и по внешнему

виду, и по вооружению. Тут были высокие, кряжистые, словно дубы, бородачи, крикливые, вечно против чего-то протестующие, вечно чем-то недовольные. В них Зыбата сейчас узнал новгородцев. В стороне от них держались воины в панцирных рубашках, низких плоских шлемах, тоже сильные, но не столь рослые, а сухощавые и подвижные. Они вооружены были короткими, обоюдоострыми мечами и тяжёлыми секирами. В них нельзя было не узнать детей далёкого скандинавского севера и его фьордов — суровых пришельцев-варягов. Совсем в стороне расположились великаны с угрюмыми лицами, обросшими почти сплошь волосами. Эти были одеты прямо в звериные шкуры, привязанные к телу кожаными ремнями. Вид их был суров и даже дик. Там и тут мелькали низкорослые обитатели болотистых берегов Нево, тоже юркие, тоже подвижные, но казавшиеся совсем детьми среди рослых товарищей.

«Что это? — подумал про себя Зыбата. — Никак Владимировы дружины. Я вижу здесь новгородцев, варягов, полочан. Однако же, скоро один князь другому на смену спешит».

Он с любопытством принялся разглядывать этих людей.

Почему-то никто из воинов не обращал внимания на Зыбату, хотя невозможно было не заметить его.

Некоторые даже взглядывали на ярополкова воина, но опускали сейчас же глаза, стараясь делать вид, что не видят Зыбаты.

8. НОВГОРОДСКИЙ КНЯЗЬ

Друг всё становище зашевелилось, как муравейник.

Шум голосов и звон оружия стихли, и вместо них покатилося тихое, ласковое, сдержанное приветствие:

— Здрав будь на многие лета, князь наш любимый, солнышко наше красное! Здрав будь, пресветлый Владимир свет Святославович!

Зыбата замер на месте, обратив глаза в ту сторону, куда смотрели все в ожидании пока ещё не видимого вождя.

Вдруг на прогалине всё замолкло, воцарилась мёртвая тишина, и так продолжалось несколько мгновений. Потом раздался треск ломавшихся сухих ветвей, и на прогалину выехал на статном коне красавец новгородский князь Владимир Святославович.

Он был без воинских доспехов, в новгородском длиннополом кафтане и северно-русской шапке-колпаке, с отворотами вместо полей.

Позади него на тяжело выступавшей лошади ехал, шумно дыша, гигант-богатырь Добрыня Малкович, а за ним старшие вожди новгородских и полоцких дружин.

Владимир ласково улыбался и кивал головой в ответ на приветствие своих воинов.

Около его стремени шёл приютивший Зыбату старик-отшельник.

— Здрав будь, Владимир, здрав будь, — восторженно пророчески говорил он, — ныне вступаешь ты на землю киевскую, и два солнца сияет теперь над нею. Одно солнце, — ука-

зал старик на небо, — там, солнце Божьей славы, другое — ты, Красное Солнышко Руси. Пути неисповедимые влекут тебя к Киеву, Промысел Божий ослепил брата твоего и предаёт его тебе, и всё для того, чтобы ты мог совершить спокойно то, что предуготовано тебе свыше. Я, смиренный раб Господа Бога Живого, приветствую тебя и кланяюсь тебе. Благословен грядущий и во тьме путями Господними.

— Довольно, старик, благодарю тебя, — ласково улыбаясь, прервал его Владимир, — благодарю тебя за то, что ты благословляешь меня идти, чтобы вернуть отцовское наследие и покорить под свои ноги лютых супротивников.

Вдруг взор лучистых глаз Владимира остановился на Зыбате.

— Кого я вижу! Это ты Зыбата? — радостно воскликнул он. — Когда мы расстались с тобой в Новгороде, я думал, что уже больше не встретиться нам. Но боги опять даруют нам радость свидания! Поди же ко мне, мой верный друг и противник! Ты один из тех, кого я не хочу считать своим врагом.

Зыбату словно какая-то сила толкнула вперёд.

Он стремглав кинулся к новгородскому князю. Тот в одно мгновение легко соскочил с седла и с увлажнёнными от слёз глазами принялся объятья своего верного друга детства.

Добрыня Малкович тоже с заметным удовольствием смотрел на статную фигуру Зыбаты.

— Ишь ты, какой стал теперь, — промолвил он, — я-то тебя малышом помню. На ладони носил и не думал, что эдаким-то молодцом подынешься. Ну, ну, подойди ко мне, я тебя поцелую.

Зыбата смущённо подошёл к старому богатырю, и тот широко раскрыл для него свои объятья.

Ярополков воин был высок ростом и широк плечами, но когда сын любичанина Малка обхватил его и прижал к своей груди, то он как будто совсем потонул в объятиях великана.

9. ДРУЗЬЯ ДЕТСТВА

Ока происходила эта встреча, на прогалине раскинут был уже походный княжий шатёр, и вокруг засуетились княжеские отроки и слуги, спеша приготовить своему любимому повелителю утреннюю трапезу.

Владимир позвал с собой в шатёр Зыбату, Добрыня последовал за ним без приглашения, и скоро они остались втроём.

Внутри раскинутого шатра всё уже было убрано мехами, а на самодельном столе видны были жбаны и кубки, из которых распространялся аромат привозных заморских вин.

— Э-эй! Вся-то ноченьку торопился я сюда, — говорил новгородский князь, с наслаждением протягиваясь на груди заменявших и постель, и сиденье мехов, — думал, что застану здесь Ярополка, да вишь ты, улетела птичка. Куда, о том я тебя, Зыбата, спрашивать не буду, потому что служишь ты ему, брату моему Ярополку, и нехорошо, если бу-

дешь мне его выдать с головой.

— На это и без Зыбаты есть около Ярополка другие, — засмеялся Добрыня, — да, может, ты-то, Зыбатушка, к нам перейдёшь служить, а?

— Прости, Добрыня Малкович, — ответил спокойно Зыбата, — не посетуй, обещал я служить князю Ярополку до самой смерти, и останусь я верен слову своему. А суждено ему умереть — ну, тогда и я буду от обещания свободен, и ежели примете меня к себе, пойду к вам на службу с радостью.

— Другого ответа и не ждали мы от тебя, Зыбата, — произнёс Добрыня, — хвалю за него. Так и нужно: держишь ты Ярополкову руку и держи до конца. Уж ты не бойся. Мы тебя обидеть не обидим. Вот Владимир хочет тебя при себе оставить.

— Да, да, Зыбата, — воскликнул Владимир Святославович, — ты не думай только, что будешь у меня пленником. Нет, ты оставайся при мне, будь гостем моим; не бойся, я тебя против Ярополка служить не заставлю. Я знаю, он прогнал тебя, мне уже говорил про это старик.

— А ты, князь, куда же теперь направлялся? В Киев?

— С вечера, как в путь пускался, думал, что в Киев пойду, а теперь назад воротить приходится.

— Почему так?

— Ну, вот почему. Ведь Ярополка же нет в Киеве, а без него и мне что там делать? Надобно, Зыбатушка, мне его сперва обезвредить, а потом уже и стольный Киев от меня не уйдёт.

— Так повертайся тогда! — Оба они смолкли. Потом, после некоторого молчания заговорил Зыбата: — Я не знаю, Владимир Святославович, что и подумать.

— О чём? — спросил новгородский князь.

— Да вот всё о том же. Прости, позволь слово молвить.

— Говори, Зыбата.

— Верить я не хочу, думать не хочу, чтобы ты посмел на старшего брата руку поднять, в крови его искупаться; ведь вы дети одного отца, неужели же ты сможешь забыть это?

— А он забыл! — поднялся на своём ложе Владимир, и глаза его сверкнули огоньком

гнева. — Или ты не помнишь об участии Олега?

— Да нет, не забыл я об этом, как можно забыть. Но ведь ты-то теперь знаешь, как всё это произошло, а я тебе скажу ещё раз: Ярополк плакал, когда узнал, что древлянский князь убит. Ведь без его ведома то случилось! Свенельд за своего Люта мстил и княжьим именем прикрылся. Но если бы и виноват был Ярополк в смерти брата своего Олега, так зачем же ты будешь такое же худо делать, какое он сделал?

— Не будем, Зыбата про это говорить, — нахмурился Владимир, — боги указывают мне путь к великому столу, и если я не сяду на него, то пойду против воли богов. Я пойду в Родню и посмотрю, что-то у меня там выйдет с Ярополком.

— Не хотел бы я твоей гибели, князь, — грустно покачал головой Зыбата, — но не хотел бы, чтобы и кровь брата твоего легла на тебя. Оба вы мне дороги, обоих я вас с малого детства своего помню и тяжело мне знать, что брат на брата идёт, что злое дело должно совершиться. На Руси нашей и так уже худого

много, и без того в народе везде предательство, убийство, а тут вот ещё и такое произойдёт, по княжескому примеру и народ пойдёт, а это, Владимир Святославович, тяжёлое дело.

— Кто тебе сказал, что Владимир Ярополка убить ищет? — вдруг грубовато, добродушно засмеялся Добрыня. — Никогда Владимировой руки на брате не будет, в том я тебе поручаю.

— Ну, зачем же тогда в Родню идти?

— А вот зачем! Распря между ними идёт. Будто ты того не ведаешь? Ежели Владимир Ярополка не одолеет, Ярополк Владимира одолеет, а ведь каждый человек жить хочет, о своей жизни заботится.

— Бросим все эти разговоры! — вдруг весело воскликнул Владимир. — Что угодно богам, то пусть и будет! Я готов свою участь встретить всегда. Смерть увижу — не струшу, смело ей в глаза погляжу, а удача подойдёт — тоже зевать не стану. Так-то, Зыбатушка.

Владимир казался беззаботно весёлым.

Зыбата ясно понимал, что удача окрыляет этого красавца-князя, и в душе его снова расталось угасшее было чувство любви к

нему.

10. ПРЕД ОСАДОЙ РОДНИ

Е воины, которых видел Зыбата на лесной прогалине, составляли передовые дружины новгородских и полоцких ратей, простояли они на этом месте лагерем до следующего утра.

Наутро Зыбата был свидетелем того, как к новгородскому князю явились на поклон киевские старейшины.

Они принесли Владимиру дары: меха с древлянской земли, соты свежего мёда, хлеба всякого великие горы и много драгоценностей, выменянных у византийских гостей. Низко кланяясь, старейшины звали Владимира немедленно в Киев, обещали ему, что весь народ встретит его как давно желанного, как давножданного освободителя.

Они заранее обещали исполнить всё, что

ни потребовал бы от них победитель Ярополка.

Одного только не уступали киевляне Владимиру: своих вечевых прав. Они заранее оговаривались, что он князь над дружинами и высший судья над народом, но внутренний уклад в Приднепровье принадлежит народу в лице его веча.

Владимир в пол уха слушал эти условия. Ведь такой порядок был тогда по всей земле славянской, а в Новгороде князь даже подчинялся вечу.

Новгородский князь хотел только сесть на отцовский стол, справедливо соображая, что в Киеве, находившимся вблизи Византии и бок о бок с её колониями на северных берегах Чёрного моря, князь всегда будет иметь более значения, чем в заброшенном на далёком северо-западе Новгороде. Кроме того, у Владимира были ещё и свои соображения. Новгород был ближе к Рюгену и Арконе, а там всемогущие жрецы Святовита через своих посланцев могли в конце концов приобрести в Новгороде власть большую, чем он, князь. Поэтому-то младший сын Святослава и стремил-

ся уйти как можно дальше от берегов Варяжского моря.

Милостиво согласился он на все условия, предложенные ему киевскими старейшинами, но вместе с тем сказал, что войдёт в Киев только тогда, когда покончит с Ярополком.

— Не жизни я его ищу, — проговорил новгородский князь киевским посланцам, — на что мне его жизнь! Дам я ему в княжение иные города, пусть себе там живёт. Он и сам, брат мой старший, того не любит, чтобы делами заниматься. Ему бы весёлости да пиროвания всё, а что толку в том, ежели княжескими делами здесь Блуд да пришелец Нонне правили? Будет жить на кормлении, и покойно ему, и радоваться он вечно будет. А жизнь его мне не нужна!

Голос его звучал искренностью, и Зыбата вполне уверился в том, что Владимир и не думает о братоубийстве.

На другое утро передовой отряд снялся с места и, провожаемый киевскими старейшинами, отправился на Рось к Родне.

Главная дружина у Владимира стояла в двух переходах, и когда передовые дружины

соединились с нею, то князю доложили, что Ярополк уже прибыл в Родню и затворился там.

— Что же, — засмеялся при этом известии новгородский князь, — ежели затворился, то пусть и сидит, не нам ему в том мешать; нам же лучше, ежели он, как мышь, в ловушку попадёт. Тут мы его и возьмём. И биться не будем: измором возьмём. Идём же, други любезные, на Родню, покончим с этим делом, а там и вернёмся в Киев, чтоб весело в нём запировать.

Зыбата пошёл вместе с князем. При Владимире он действительно был гостем, а не пленником. Он пользовался полнейшей свободой, и Владимир был неизменно ласков с ним.

— Ой, Зыбатушка, о Ярополковой участи не печалуйся, — говорил Зыбате и Добрыня Малкович, не менее ласково относившийся к нему, — посмотри-ка ты, какими слугами Ярополк окружён. Так его за одно это княжеского стола лишить надобно: как смел к себе изменников приближать да их слушать! Это не князь, что себе ближних слуг из воров выбирает. Коли на это ума нет, так и не место тебе

на княжеском столе; а ежели ты князь и народ тебе предался, так ты никого не должен слушать, а думать должен о том, чтобы всему народу хорошо было. Увидит народ, что ему под твоей княжьей рукой хорошо, бунтовать не будет, других князей к себе звать не станет, а как предался, так и останется тебе предан. Так-то, Зыбатушка! Я, вон, и при Ольге был, у неё уму-разуму учился, и при Святославе-князе также всё видел, всё знаю; так уж на теперешнее-то время и совсем руками разведу.

Старый богатырь, действительно, развёл в обе стороны свои неуклюжие, толстые, что брёвна, руки, показывая этим жестом, что всё совершающееся он может обнять целиком.

Зыбата слушал такие речи и невольно смущался.

Он, нельзя сказать, чтобы любил Ярополка, а если и оставался ему верен, то только в силу принятого на себя обязательства. Не будь его, он при Ярополке не оставался бы ни дня. Его давно уже томила бездеятельность старшего сына Святослава.

В сущности, Ярополк был не плохой князь,

и при нём мирным путём достигнуто было, пожалуй, даже более того, чего достиг Свято-слав силой оружия. Венгры и ляхи не беспокоили Русь. Торговля быстро развивалась. Караваны гостей с далёкого Севера через Нево, Волхов, а потом волоками и реками через Днепр то и дело подходили к Киеву, который рос за счёт торговли буквально не по дням, а по часам. Расширение торговли и безопасность её ведения делали славян богатыми, бедняков в киевском княжестве становилось всё меньше и меньше.

Но, тем не менее, недовольство Ярополком в народе всё возрастало. Вдумываясь в причины этого, Зыбата находил, что они лежали в самой личности Ярополка. Народу, помимо сокрытой деятельности, нужна была и показная, наружная, так сказать; народ хотел видеть в князе выразителя своего собственного величия, своего могущества; дряблость народу была противна. Сознание того, что князь живёт не своим умом, а лишь советами приближённых своих, унижало народ и восставляло его против злополучного правителя. Все добрые начинания Ярополка, как бы

они ни были благодетельны для народа, обращались ему же самому во зло. Народ видел в них не блага, а обиду для себя.

Между тем, по всей славянщине только и речи было, что о новгородском Владимире. Князь-красавец, князь-удалец, князь-герой, который сам выходил на бой с богатырями и побеждал их, князь шумно-весёлый на раздольных пирах и отчаянно храбрый в битвах, князь, ни во что не ставивший никакие богатства и беззаботно расшвыривавший в народ всё, что составляло его достояние, такой князь становился в глазах славян каким-то идеалом верховного правителя, и их сердца и помыслы клонились к Владимиру. Ярополк же с каждым днём падал всё ниже и ниже в мнении даже преданных ему людей.

Теперь же речи старика Добрыни наводили Зыбату ещё и на новые помыслы. В намёках Владимирова пестуна молодой воин ясно видел подтверждение того, что и ранее подмечал он сам. Теперь Зыбата ни на миг не сомневался, что Ярополка окружает измена, и ему только не хотелось думать о том, что и воевода Блуд, выпестовавший Ярополка, так

же предаёт его в руки врага, как и хитрый арконский жрец-предатель Нонне.

Чем дальше шло время, тем всё больше и больше грустью наполнялось сердце Зыбаты, а Владимировы дружины шли, не уставая, вперёд, к устью Роси, где стояла Родня — городок, которому суждено было прославиться в русской истории.

11. ПУТЬ НЕВЕДОМЫЙ

Когда Владимир со своей свитой пришёл на Оберега Роси, Родня оказалась уже обложенной его передовыми дружинами.

Прямо с похода новгородский князь отправился осматривать осаждённый городок.

Зыбата был с ним.

— Изрядно потрудились мои храбрые дружины! — восклицал Владимир, объезжая отдельные становища дружинников. — Как хищный волк в капкане, сидит теперь Яро-

ПОЛК.

Добрыня в ответ грубовато засмеялся.

— Чего это ты, Добрынюшка? — взглянул на него князь.

— Про хищного волка говоришь ты, — перестав смеяться, отвечал тот, — а я думал, что не волк он.

— А кто же по-твоему?

— Мышь.

— Уж будто?

— А разве не так, — продолжая смеяться, отвечал Добрыня, — ну, какой же, в самом деле, он князь: разве князь сделал бы то, на что он пошёл? Запереться бы ему в киевском Детинце, так мы бы никаким измором там не взяли его, и подступиться нам к тому Детинцу невозможно было бы, а тут, ты погляди! Только двинемся всё разом, так голыми руками этот частокол разворотим.

Владимир не отвечал. Он смотрел на открывшуюся перед ним Родню. Городок лежал у берега реки и был очень мал. Детинец его, или крепостца, был совсем ничтожный, и уже передовым дружинам новгородского князя удалось окружить его так, что все пути сюда

были отрезаны и последнее убежище старшего сына Святослава должно было скоро пасть от недостатка пищи для засевших в нём немногочисленных дружин.

Об этом именно и думал Владимир.

— Ой, князь молодой, — заговорил опять Добрыня, — стоит ли возиться с Роднёй-то? Скажи слово, ударим мы на неё разом, и голова моя порукой тебе в том, что сразу же Ярополка заберём.

— Не хочу я того, — отмахнулся досадливо новгородский князь.

— Что так?

— Измором возьмём.

— Измором, говорю, возиться не стоит! Покончить бы с ним, да и делу конец.

— Нет, не следует того.

— Али дружины жалеешь? Али в победе не уверен?

— Да нет же! — сердито крикнул Владимир. — Рогвольд Полоцкий покрепче был, да и то я братъ его не задумался. А тут я крови не желаю больше. Я дело затеял и не хочу, чтобы народ говорил, будто я через труп брата на киевский стол взошёл. Хочу я, чтобы Ярополк

сам пришёл ко мне, челом мне ударил, меня просил его над Киевом заменить. Хочу также, чтобы всё это знали, чтобы все ведали. Мало сего: хочу я, чтобы Ярополк сам увидел, какие люди его окружают и чего они стоят. А голова его мне не нужна. Пусть посидит, нашим же дружинам и без того отдохнуть нужно: сильно притомились они в столь долгом пути, так не всё ли равно, где отдыхать? Сторожевую же службу нести, пожалуй, нетрудно будет. Ты, Малкович, о том позаботься, чтобы поменьше времени люди на стороже стояли.

— Эй, ой, Владимир, — засмеялся Добрыня, — говоришь ты так и от меня же свои думы скрываешь. Всё я знаю; куда и на что ты метишь. Хочешь ты, чтобы Блуд и Нонне тебе Ярополка выдали.

— Коли знаешь это, дядя, так и держи про себя, — оборвал его Владимир, — будешь болтать много, добра из того выйдет мало, так-то.

Зыбата слушал этот разговор, и ещё более наполнилось грустью его сердце. Впервые при нём во всеуслышание были произнесены имена Блуда и Нонне, и теперь ему стало ясно, что эти люди готовы были предать киев-

ского князя в руки врага.

Владимир заметил смущение, явно отразившееся на лице его друга детства.

— Ты, Зыбатушка, не печалься, — направил он к нему лошадь, — ты, вон, христианин, а вы, христиане, всегда воле Господней покорны, так покорись и теперь ей, предоставь Ярополка участи, какая ему суждена, и не горюй, не мучайся за него. Помятуй, что не погибнет он, коль не суждено ему погибнуть. Я же, Владимир, головы его не ищу, и крови мне его не надобно. А ты, Зыбатушка, лучше вот что: приходи ты ко мне в шатёр; я там у своего ложа занавес приказал раскинуть. Так ты побудь за тем занавесом малое время; да что услышишь, о том умом пораскинь.

— Зачем же потайно буду слушать, княже? — спросил Зыбата.

— Надобно так, Зыбатушка, надобно. Тут я гостей к себе жду дорогих, так ты и послушаешь, что они мне говорить будут. Так же я делаю для того, чтобы не винил ты меня после в Ярополковой судьбе, чтобы мог бы возразить каждому, кто бы ни сказал, будто я руку на брата поднял, — что не виновен князь Влади-

мир ни в чём, что с братом его случилось. Так-то, Зыбатушка, так-то. А теперь вот что: ведомо мне, что много друзей да приятелей в Родне у тебя. Пройди-ка ты к ним туда да поговори с ними, да разузнай, всё ли Ярополк на своих советчиков надеется или колебаться начал?

— Ой, князь, не хочу я идти на Родню.

— Отчего же так?

— Да всё оттого. Люди меня встретят и будут думать, что я как друг к ним пришёл, а я как твой разведчик к ним явлюсь; предательствовать, значит, ты меня заставляешь.

— Не хочу я того, — возразил Владимир, — ты для себя пойди в Родню, а потом у меня в шатре послушай, а что после того сам надумаешь, так мне, ежели пожелаешь, уже в Киеве скажешь.

— А будем-то мы в Киеве? — улыбнулся Зыбата.

— Ой, Зыбатушка, будем. Помяни ты это моё слово, будем.

— Князь, — тихо и вместе с тем серьёзно спросил воин, — а на что тебе Киев? Разве мало тебе Новгорода твоего? Ведь ведомо мне,

что ты и на Готском берегу гость дорогой и среди викингов своим считаешься. Ведомо мне, что и к франкам ты ходил и в другие западные страны забирался. Так ведь тот край, Северный, весь тебе принадлежит, зачем же ещё тебе киевская страна?

Владимир ответил не сразу.

— Вот как ты меня теперь спрашиваешь, — раздумчиво наконец вымолвил он, — так-то и сам я себя не раз спрашивал. Всего-то у меня в Новгороде много, сказать по чести — куда больше, чем в Киеве. Таких диковинок, как к нам в Новгород заморские гости привозят, в Киеве, почитай, и не видывали. А нет, вот, не сидится мне там. Словно сила какая-то, Зыбатушка, так и тянет меня к Киеву. Ночью ли я сплю — вдруг меня тот же голос будить начинает. Просыпаюсь я и слышу, потайной голос мне над ухом говорит: «Иди в Киев, иди, там твоё место!» И много раз я себя испытывал. Куда, в какой поход я ни пошёл бы, всё меня так вот к Киеву и тянет, будто в жизни у меня только и дороги есть, что туда. А зачем, того и сам не знаю. Детство мне, что ли, вспоминается, бабка, что ли, меня зовёт,

или сам Бог всесильный ведёт. И иду путём неведомым. А куда иду, в Киев или под курган могильный, не знаю. Только, вот, смотри, и теперь я судьбу испытываю. Что мне стоит Ярополка взять: удар один, и нет его! А я не хочу. Вон, все вы думаете, что я головы его ищу, а я не хочу его головы. Ежели же нужно ему жизни лишиться, чтобы мне к киевскому столу путь освободить, так и без меня он погибнет. Это уже будет мне последнее испытание, больше уж я останавливаться не буду, так прямо в Киев и пойду. Войду в него и сяду на стол отца своего, Святослава, а там я посмотрю, что сделаю. Вот, Зыбатушка, хочешь ты, иди к Родне, хочешь, не иди. Не предательства твоего я ищу, а, быть может, через тебя свою судьбу пытаю. А теперь, прости, вон Добрыня знак подаёт, к нему пойду.

Владимир кивнул головой Зыбате и, припустив лошадь, помчался к отделившемуся от них на далёкое расстояние Малковичу.

12. ПОД СТЕНАМИ РОДНИ

Ыбата, оставшись один, решил воспользоваться предложением Владимира. Он и

сам был не прочь побывать в Родне, где находилось теперь столько его друзей; но более всего тянуло его в осаждённый город желание повидать обречённого на гибель Ярополка.

Он поспешил сказать о своём намерении Добрыне, который, очевидно, был уже предупреждён племянником.

— Что же, побывай, дело неплохое, — отзывался тот, — посмотри, как там живут, лучше киевского али нет. Ты иди, как стемнеет, там, в передовых дружинах, я скажу, тебя пропустят дозорные.

Зыбата с великим нетерпением дождался вечера.

Наконец вечер настал.

У Зыбаты оказался осёдланный конь, и он с удивлением заметил, что чьи-то заботливые руки привязали к его седлу всяких припасов.

«Зачем это?» — подумал молодой воин. Он

хотел было оставить припасы, но потом раздумал и решил их взять с собой.

Когда совсем стемнело, он смело пустился в путь.

Дозорные беспрепятственно пропускали его, и вскоре добрый конь вынес Зыбату почти что к самой Родне.

С удивлением увидел бывший начальник Ярополковой дружины, что Родня вовсе не охранялась; ни на валах, ни у рвов не было выставлено стражи.

Он достиг осаждённого Детинца без помех. Почти уже у самых ворот до его слуха донёлся слабый, едва слышный голос:

— Ежели добрый человек, отзовись!

И перед Зыбатой появилась какая-то тень

— Кто здесь? — воскликнул молодой воин.

— А ты кто? Как будто из новгородского стана. Уж не к нам ли, в Родню, передаёшься?

Звуки голоса показались Зыбате знакомыми.

— Стемид, — воскликнул он, — никак это ты?

— Я, я. А ты-то кто будешь?

— Не узнаешь? Я Зыбата.

— Зыбата? — голос дозорного звучал радостью. — Ты, Зыбата? Быть того не может. Зачем ты к нам?

— Проведать вас.

— Ой, Зыбатушка, посмеяться ты над нами приехал.

— Да что же с вами? Расскажи ты мне толком. — Зыбата соскочил с коня. — Ты мне скажи, Стемид, ведь ещё же кто-нибудь есть, кроме тебя?

— Ой, есть, Зыбатушка, есть. Да вот ещё кое-как на ногах держусь, а остальные-то многие, пожалуй, и подняться не могут.

— Что же с ними такое?

— Изголодались мы. Не трогает нас Владиморова дружина, не знаю, почему. А лучше, кабы разом ударили. Хуже той беды, которая у нас теперь в Родне, и на Руси никогда не бывало.

— Да что же вышло? Как?

— Так и вышло, Зыбатушка. Ведь налегке пошёл наш князь Ярополк сюда из Киева, ничего с собой не захватил. Всё здесь найти думал, а здесь-то ничего и нет. Как окружили нас новгородские дружины, так мы, почитай,

В день али в два все запасы проели, а теперь вот с голоду мрём. Худо, Зыбатушка.

— Бедные, бедные, несчастные, — воскликнул воин, — и всё-таки вы верными князю остаётесь.

— Да как же не оставаться-то? Обещание дали, нужно. Ежели мы да изменим, то что же тогда будет. Ой, Зыбатушка, молю я тебя: не ходи ты к нам, не показывайся.

— Это почему?

— Да боюсь я, как увидят тебя дружинники-то наши, так кто их знает, ещё больше духом смутятся, и бросят князя своего. Не ходи ты. Ежели что передать желаешь, так мне скажи.

Сердце Зыбаты так и трепетало от боли; уже по тону, каким говорил эти слова его бывший товарищ, он видел, что в Родне голод свил себе прочное гнездо.

— Вот, — сказал он, отвязывая от седла так неожиданно пригодившиеся припасы, — отдай ты. Мало здесь, ну, сколько есть, а князю поклон скажи. Обидел он меня, а я зла на него не имею.

— Ой, Зыбатушка, — воскликнул Сте-

мид, — вот что я тебе скажу! Ведомо нам всем, что с Владимиром вы большие друзья и при нём ты в ближних людях состоишь; так я тебе одно скажу: хочет наш князь к вашему князю на поклон идти, хочет мира у него просить и милости, сам себя с головой ему выдаёт. Так поговори ты с Владимиром, может быть, и не поднимет он руки на брата своего.

— Не ищет Владимир головы Ярополка.

— Ой, ой! Он-то не ищет, да другие хотят.

— Кто другие?

— Ой, будто не знаешь?

— Нонне, что ли?

— И Нонне, и Блуд. Что только им Ярополк сделал, понять не могу, а злобятся они на него, и оба они лютые его враги.

— Так что же Ярополк не идёт к Владимиру? Ведь, ежели бы он с поклоном к брату пришёл, так, может быть, и в самом деле милость у него заслужил бы?

— Да, видишь ты, не хочет он, старший брат, младшему кланяться. Хочет Ярополк до конца свою судьбу испытать. Блуд и Нонне задумали Владимиру передаться, а сами князю Ярополку то же советуют, то ещё его отгова-

ривают, подбивают в венгерскую землю бежать. А Ярополк им верит. Он не знает, на что и решиться, а всё равно ждать не долго. И теперь-то нас новгородские рати голыми руками взять могут, а ежели только князя не будет, так сами передадимся. О-ой, Зыбатушка, прости меня, не гневайся, поспешу я скорее к товарищам с подарками твоими. Они и не знают, какое счастье, привалило. Пир мы устроим, какого и не видывали давно; и Варяжко, друга твоего, позовём, поклон от тебя скажем.

— А дозор-то как же? Разве можно бросать?

— Что дозор, всё равно никто сюда не придёт, никому мы не нужны. Так поезжай же ты, родимый, обратно.

Голос Стемида дрожал.

Зыбата угадывал, что он ждёт не дождётся, когда можно ему будет вместе с товарищами приняться за так неожиданно доставшиеся им припасы.

— Ну, прощай, Стемид, быть по-твоему, вернусь я в стан. Варяжко поклон скажи и князю челом ударь.

Повернул лошадь и тронулся обратно от неприветливой Родни.

«Судьба Божия неисповедимая сказывается, — думал он, — никто, как Бог всеведующий, предаёт Ярополка в руки Владимира, а что из сего будет — не человекам предугадывать. Может, и в самом деле Промысел Божий неведомыми путями ведёт новгородского князя: в могилу, в язычество погружен он, а кто знает, не засияет ли через него над всей Русью свет великой Христовой истины?»

13. ТЁМНЫЕ ЗАМЫСЛЫ

Родне, действительно, приходилось очень плохо всем осаждённым. Легкомыслие князя особенно поразительно выказывалось в той неосмотрительности, с какой он принял здесь осаду. Трусливый Ярополк загнал здесь сам себя в такую ловушку, из которой, как

только появились новгородские войска, не оказалось для него ни малейшего выхода.

Он знал, что дружины Владимира смелы, воинственны, решительны, что если они идут против врага, то думают лишь о том, как бы одолеть его. И вдруг словно какое-то затмение нашло на киевского князя: он вообразил, что Родня настолько неприступна, что новгородские дружины разобьются об неё, как разбиваются волны о неподвижные утёсы среди моря.

Ярополк ожидал, что Владимир как придёт, так и ударит сразу по крепостце, и не думал даже, что новгородский князь решится на длительную осаду.

Если бы Владимир пошёл на приступ, то, очень может быть, силы его и разбились бы о стены Родни. Но он повёл осаду, и в результате осаждённые, застигнутые за стенами почти что без всяких запасов еды и даже воды, несмотря на близость Роси, очень скоро попали в критическое положение.

Грустный и сильно взволнованный, повернул Зыбата от Родни в свой стан. Зато Стемид, трепещущий от радости, пошёл к товарищам,

чтобы поделиться с ними подарками их бывшего начальника.

Заботливость Зыбаты была всеми оценена по достоинству.

— Спасибо Зыбатушке, — говорили окружавшие Стемида товарищи, — вот это вождь. Не позабыл в беде своих.

— Христианин он, оттого и не забывает.

— У христиан и враги должны любить друг друга.

— А, может быть, он с умыслом подъезжал-то?

— С каким там умыслом, что за умысел.

— Как, с каким. Может, его новгородский князь подсылал, чтобы нас на измену смазать.

— И ни слова он об измене не говорил, — запротестовал обидчиво Стемид, — жалеть жалел, сердечно так жалел, как братьев родных, а чтобы переманивать, не было этого.

— Не таковский Зыбата, чтобы переманивать. Кабы тогда князь-то наш ни за что, ни про что на него не разгневался, так и он с нами остался бы.

— Вестимо, остался бы. Не волей ушёл он и

теперь об нас вон как заботиться.

— Доносили те, кто в лагерь высматривать ходили, что у новгородского князя он как гость живёт, а против Ярополка никогда не идёт.

Все эти разговоры происходили, пока Стемид делил на равные части Зыбатовы подарки.

— А это я Варяжке снесу, — проговорил он, откладывая в сторону одну из частей, — он, Варяжко-то, как и мы, мучается.

— Вольно ему свою долю отдавать.

— Да ведь кому отдаёт-то? — возразил Стемид. — Князю самому.

— То-то, что князю. Ярополк будто не понимает, откуда ему так всего вдоволь подают, а Варяжко мучается. Принесёшь ты, Стемид, так он и теперь всё Ярополку отдаст.

— Что ж, это его дело, — ответил тот, — были бы мы покойны, что товарища не обделили, а там он со своей долей пусть, что хочет, то и делает.

Стемид забрал отложенные куски и пошёл прочь.

Идти ему нужно было довольно далеко, че-

рез обширную площадь Детинца, посредине которой стояла большая изба, отведённая под помещение князя Ярополка; около этой избы было ещё несколько строений, где жили воевода Блуд, арконец Нонне и другие приближённые к киевскому князю люди.

Стеמיד подходил уже к этим зданиям, как вдруг увидел в темноте две человеческие фигуры; он кинулся на землю и залёг за первый попавшийся бугорок.

Как ни было темно, а Стеמיד узнал по массивной фигуре воеводу Блуда. Рядом с ним виднелась маленькая фигурка тощего Нонне.

Арконский жрец и Блуд беседовали так горячо, что даже не заметили Стемида и не услышали произведённого им довольно сильного шороха; они шли очень тихо и то и дело останавливались; толстый Блуд, страдавший одышкой, обычно старался не двигаться слишком скоро, хотя, при надобности, был весьма подвижен.

Они остановились так близко от Стемида, что тот мог слышать их разговор.

— Нужно кончать это дело, Нонне, — говорил Блуд, — этакая, ведь, напасть. Такой, по-

жалуй, никогда ещё и не слыхано было. Святослав в Доростоле сидел, так и то ему свободнее было, чем нам; видимо дело, что Владимир измором хочет взять.

— Видимо дело, — хихикнул Нонне, — точно не ты ему советовал.

— Я то я, да разве я знал, что так выйдет? Коль и советовал я, так думал, что потерпят, потерпят дружинники, да и пойдут против князя. Сами собой руки и развязались бы. А они вон как, с голоду вспухли, а за Ярополка стоят. Что он им только дался.

— Слову верны, — коротко заметил Нонне.

— Слову-то слову, да, ведь, Ярополк-то им чужой. Будь-ка другие на их месте — давно бы такого князя мечами посекли и к Владимиру перешли.

— И теперь, — вдруг с каким-то змеиным шипением громко проговорил Нонне, — теперь ты сам своими руками себе ловушку хочешь устроить?

— Это как? — и в голосе Блуда зазвучало нескрываемое удивление.

— Да вот как: Ярополк сам истомился, знаешь, поди, его: он и попить, и поесть любит

так, чтобы до отвала. А ты что надумал?

— Да то и надумал. Поклониться брату, ударить ему челом и признать его за старшего.

— Ну, вот видишь, а знаешь ты, что из того для тебя быть может? Владимира-то я видел и знаю. Когда так Ярополк сделает, он всё сердце для него позабудет, и помирятся братья. А ежели помирятся, то Владимир тебя перед Ярополком не покроет, всё ему расскажет, как ты переносился с ним, какую ты ему гибель готовил.

— Ну вот, боюсь я, — засмеялся Блуд, но теперь в его голосе звучал уже страх: он, видимо, почувствовал близкую опасность и уже начал придумывать способ выпутаться из неё.

Нонне, проницательный и хитрый, подметил эти нотки в тоне своего собеседника.

— Уж там, боишься ты или нет, — проговорил он, — дело другое, а беды тебе не избежать. Если помирятся Владимир и Ярополк, так Ярополк у Владимира большую силу возьмёт, никогда Владимир не забудет, что он ему старшим братом приходится. Смекаешь ты?

Ни-ког-да, — протянул с особенным подчёркиванием арконский жрец, — а умирать-то киевский князь даже и не собирается.

— Что же ты думаешь, Владимир меня ему с головой выдаст?

— Отчего же ему и не выдать? Ты ему чужой, а Ярополк и он одного отца сыновья, так-то. Ты вот обо всём подумал, а этого-то не сообразил; а для тебя всего опаснее, ежели братья сойдутся.

Нонне зло засмеялся.

Блуд молчал; он вздохнул и тихо пошёл вперёд, арконский жрец следовал за ним.

Стеמיד, как только они отошли, поднялся из-за своего бугра и чуть не бегом поспешил к княжеским хоромам. Однако Варяжко он там не застал, но узнал, что Ярополков любимец пошёл к варяжским воинам, охранявшим Родню с противоположной стороны.

— Ага, знаю, где он, — сообразил Стеמיד. — Есть у него там приятели. Пойду-ка, да и, наверно, найду его там, — и он снова пустился по Родне на противоположную сторону её Де-тинца.

14. ПРЕДАННОЕ СЕРДЦЕ

Варяжко, действительно, он застал у вождя одной из варяжских дружин, по имени Феодор. Варяг Феодор родился в Киеве, куда пришли с далёкого Севера его родители. До вступления в Ярополкову дружину он находился при мудрой Ольге и, как все, кто служил ей, был христианином. Нравом он был кроток, сердцем незлоблив.

Варяжко любил его не менее, чем Зыбату, и теперь, когда Зыбаты около него не было, он только и отводил душу, что в беседах с Феодором.

Стеמיד застал их обоих за разговором.

Оба воина, как и все в Родне, были на вид истомлённые и истощённые, исхудалые до крайности и походили скорее на тени, чем на недавно ещё могучих воинов киевской дружины.

— Спасибо тебе, Стемидушка, спасибо, —

ласково благодарил Варяжко, — Зыбату, говоришь, видел, челом бил. Эх, жалко, что его нет вместе с нами, но, однако, и радуюсь за него. Круто приходится, круто. А всё-таки держаться будем, не выдадим Князя Великого. Хотя бы всем головы сложить пришлось, а стоим за правду.

— Хорошее ты слово сказал, Варяжко, — улыбнулся ему Феодор, — за правду нужно постоять, правдой земля держится; и вижу я, что одна она, правда-то, и у вас, Перуну кланяющихся, и у нас, что Истинного Бога познали. Вот мы сошлись здесь, и вы, и мы, и так нас крепко правда связала, что терпим из-за неё муку, а против неё не идём.

Варяжко грустно покачал головой.

— Где уж тут идти. Куда тут пойдёшь. Никуда нам не уйти, здесь и останемся.

— Ой, Варяжко, вижу я, в отчаяние ты впадать стал, а я вот думаю, что Господь нам милость окажет и уйдём мы отсюда, и в Киев вернёмся. И всё по-хорошему будет. У меня, в Киеве-то, дитя осталось, сын, Иоанном его назвал; оставил его, уходя, на чужих руках, душой скорбел, а теперь словно голос мне какой

говорит, что увижу я его, что ещё далеко конец мой; и на душе у меня и легко, и покойно.

— У тебя-то покойно, — перебил Варяжко, — а у меня нет. Ты о сыне, малолетке, думаешь, а я о князе. У тебя сын в надёжных руках оставлен, а я как погляжу — около князя одни враги, только и думающие, как бы погубить его. Да не удастся! Вот все думали они, что как будет морить здесь нас новгородский князь, дружины поднимутся на Ярополка и убьют его. Не выходит этого — дружины верны остаются. Теперь, проведал я, на другое решились. Нонне, арконец, так вот Ярополку и шепчет в уши, чтобы он челом ударил Владимиру. И что ему за охота пришла братьев мстить, когда он же их друг на друга натравливал, совсем не знаю.

Стеמיד, до того молча слушавший беседу, тут вмешался в неё. Он почти слово в слово передал ту беседу между арконским жрецом и Блудом, которую ему пришлось невольно подслушать.

Варяжко с величайшим вниманием отнёсся к рассказу дружинника.

— Ничего я сообразить не могу, что теперь

Нонне с Блудом затевают. Думаю я, желает он Блуда извести. Только, с чего он за таковое принялся, не ведаю. Должно, Блуд ему в чём-нибудь мешает, вот он и злобится. Эх, этот Нонне. Весь грех от него идёт.

— Ты бы князя-то предупредил, — заметил Феодор.

— О, предупреждал я, не слушает меня князь. Так поддался Блуду да Нонне, что и теперь, когда в мышеловке мы и уже дитяти неразумному видно, что завёл в эту ловушку нас воевода-пестун да жрец арконский, и то он никому, кроме них, не верит, словно разума лишился. А силой взять? Так нешто силой против князя пойдёшь.

— Да зачем идти, — раздумчиво произнёс Феодор, — ежели суждено ему что от Господа, то и будет. Божьи пути неисповедимы. Без Его же воли ни единый волос не падёт с головы человеческой.

Он хотел ещё что-то сказать, но в это время вбежал один из княжеских отроков.

— Варяжко, Варяжко, иди скорее! — закричал он. — Приказал князь тебя сыскать и пред его очи привести.

— Что такое? Зачем я понадобился?

— Ой, Варяжко, совсем нам худо.

— Что ещё?

— Нонне-арконец.

— Что Нонне-арконец?

— Ушёл из Родни. Должно, к новгородскому князю.

Варяжко взглянул на Стемида.

— Или ты ошибся?

— Да нет же, не мог я ошибиться. Своими глазами Нонне видел, и Блуд был вместе с ним.

— Эх, — вздохнул ярополков любимец, — чувствуется мне, что беда всё ближе и ближе. Пойду к князю, а ты, Феодор, дружины свои обойди. Кто знает, что ночью случится, может, вот теперь-то новгородцы и ударят на нас. А тебя, Стемид, за память благодарю, не посовещусь, возьму твои гостинцы, пригодятся. Они, может быть, скудны, но и у князя очень скудно, так скудно, что и сказать нельзя.

Они разошлись.

15. ДВА СОВЕТНИКА

Варяжко застал Ярополка в страшном припадке горя. Князь, поражённый бегством своего ближайшего советника, не понимавший причин этого побега, плакал, как женщина; около него суетился Блуд.

— И когда же это арконец бежать-то успел? — выкрикивал Блуд притворно-жалобным голосом, — всё это время, почитай, вместе мы были, о делах разных говорили, как беду изжить, совещаались. Он взял да и убег. И куда — ума не приложу.

Варяжко смотрел на него пристально; он и сам недоумевал, как могло это случиться. Он верил Стемиду, к Блуду же у него не было ни малейшего доверия.

— Варяжко мой, — воскликнул Ярополк, — что же нам теперь делать? Покидают все. Вот Нонне убежал, а потом ты убежишь. Останемся мы с тобой, Блуд, одиноки.

— Княже, за что ты меня обижаешь? —

вскричал Варяжко, — служу я тебе честно, а ты вместо того, да такую обиду.

— Ой, Варяжко, прости ты мне, не я говорю — горе моё говорит. Только двое теперь вас и осталось у меня: Блуд да ты; ни на кого больше положиться не могу. Посоветуйте же мне, что я делать должен. Ведь, видимо дело, в Родне нам не отсидеться. Дружинники, что мухи под осень, еле с голоду ноги таскают. Ударит Владимир — сразу всех так и захлопнет. Вот, Варяжко, при тебе я Нонне спрашивал, а теперь уж ты мне присоветуй. Блуд, вон, говорит, чтобы я брату младшему челом ударил и примирился с ним, а ты мне что посоветуешь?

Варяжко так и вострепнулся, когда услышал эти слова.

— Совета моего желаешь, княже? — сказал он. — Скажу тебе то, что давно думал.

— Скажи, скажи, Варяжко. Вон, Блуд правду говорит. Нам от Владимира в Родне не отсидеться, возьмёт он нас здесь всех, чует моё сердце, возьмёт и убьёт. А я жить хочу! Я ещё молодой, я ещё не все утехы в жизни видел. Не помириться ли с Владимиром? Что ж, ну

поклонюсь ему, а он, быть может, и помилует.

— Княже, — горячо и резко прервал его Варяжко, — ты моего совета желал, так слушай же. Не следует тебе к брату на поклон идти. Не водится так, чтобы старший брат меньшему челом бил. Да ещё помилует тебя Владимир аль нет, кто то знает? А ты говоришь: «Жить хочу!» Стало быть, жизнь для тебя дорога; а за то, что человеку дорого, постоять нужно, нечего отдавать так, задаром, даром-то отдать её, жизнь-то твою, всегда успеешь.

— Ой, Варяжко, да что же мне делать-то? — уже совсем испуганно воскликнул малодушный князь.

— А вот что: не ходи ты, княже, к Владимиру. Пойдёшь — тут тебе погибель.

— Куда же идти-то мне?

— Как куда! Ночи тёмные. Новгородцы Родни почти что не стерегут. Сядем на коней да к печенегам. Их только кликни — они все соберутся да придут, и за тебя же постоят.

— Ой, нет, Варяжко, нет. Не по сердцу мне совет твой, — замахал на него руками Яро-

полк, — идти к печенегам, бежать такую даль. Поди, погоня будет, лошади у нас плохие, погоня настигнет, и убьют меня, а то ещё печенеги не примут. Ведь они отца-то моего, князя Святослава, помнят и из-за него на меня злобятся. Нет, Варяжко, не хочу я идти к печенегам.

— Воля твоя, княже, — печально проговорил Варяжко и с тяжёлым вздохом опустил голову на грудь.

— И ты тоже, — с деланным негодованием накинулся на него Блуд, — ишь ведь, какие вы на советы: к печенегам бежать! Да если князь пойдёт к печенегам, так Владимир ещё пуще разгневаётся, и тогда он него никакой пощады ждать нельзя! Тут-то, ежели поговорить с ним хорошо, так и умилоstitивить можно, а уж тогда никакие просьбы не помогут. И потом, мне так сдаётся. Слушай-ка, княже. Ведь Нонне неспроста ушёл к Владимиру. Имел я с ним беседу, сегодня имел; видимо дело, после нашей беседы он в бега ударился. А в беседе той арконец проговорился, будто уйдёт он и разведает, как Владимир, на мир с тобой склонен ли. Он сам Владимира-то знает,

как тот ещё в Арконе был, на Рюгене. С тех пор они знакомцами стали. И вот ещё Нонне вспоминал, что он Владимиру и дружины варяжские подбирал, так что, ежели они теперь сойдутся, Владимир от него скрытничать не станет, всё, что на душе, перед ним выложит, а Нонне потом со мной перенесётся. И как разузнаем мы, склонен Владимир к миру, али нет, тогда и порешим. Вот что я думаю. Кто его знает, новгородского князя-то. Может быть, он одного почёту только желает, а враждовать с тобой и не думает, тогда что же? И челом тебе ему бить не придётся, сойдётесь вы, обнимитесь, как братья милые, и никакой распри между вами не будет.

— Ой, княже, не ходи к Владимиру, погибель там твоя, — глухо произнёс Варяжко, склонив голову.

Ярополк опять так и замахал на него руками.

— Оставь, Варяжко, оставь. Напрасно я твоего совета спросил. Ежели мечом управлять, так ты, пожалуй, и Зыбате не уступишь, а совет подавать не твоё дело. Вон Блуд всё рассудил, и склоняюсь я на его слова. Ежели уж и

к печенегам идти, так после того, как узнаем, что Владимир о мире думает. Ведь к печенегам мы всегда уйти успеем, а только зачем, ежели мир между нами будет? А я верю, что Нонне не бросил меня, что ежели он ушёл, так добра мне желаючи. Иди, Варяжко, иди. Ой, Блуд, и лихо же нам здесь, в Родне: голодно, беда, и попить нечем, хоть бы мир скорее!

— Так как же, княже, решаешь: к печенегам? — вкрадчиво спросил Блуд, перебивая Ярополка, — или по-моему поступишь? Мне твоё решение знать надобно. Может, на утро от Нонне вести придут, так я думаю, твоё дело, княже, вершить. Может, Владимир себе Киева потребует. Ведь если на мир идти придётся, так и Киев ему уступить надобно. Как ты, княже?

— А что мне Киев, — досадливо махнул рукой Ярополк, — не в одном Киеве жить можно, да ещё как жить-то! Да будет по совету твоему: возьму, что брат мне уступит.

— Княже, опомнись! — уже не своим голосом вскрикнул Варяжко, забываясь. — Не ходи к Владимиру, погибнешь.

— Иди вон, Варяжко, — рассердился Ярополк, — видеть тебя не хочу! Попал князь в беду, так и вы всё по-своему его хотите заставить делать. Не будет того! Я князь — моя воля! Как решаю, так и будет. Иди вон! А ты, Блуд, останься, ты мне ещё посоветуешь, как лучше с братом встретиться.

На глазах Варяжко от сознания незаслуженной обиды проступили слёзы, но он видел, что все его дальнейшие уговоры будут бесполезны, и вышел.

16. НОЧНАЯ ВСТРЕЧА

Э то время Зыбата, задумчивый и страдавший сердцем за изнемогших товарищей, возвращался уже к новгородскому стану.

Его пропускали так же свободно и обратно; ночь между тем уже быстро близилась к свету, край с востока алел предрассветной полоской.

«Что же это такое, — думал Зыбата, — или впрямь сбывается над этими людьми судьба? Кто знает её неисповедимые пути? Владимир сказал, что он испытывает её; и хочется думать, что она стоит за смелого сына Малуши. Но что же тогда? Если так, то следует покориться её велениям и предоставить несчастного Ярополка своей участи. Что ж, пусть сбывается, что предрешено, но жаль, бесконечно жаль князя».

Топот лошади заставил Зыбату отвлечься. Теперь он с недоумением размышлял, кто бы мог так поздно возвращаться из осаждённого города к новгородцам.

Едва он подумал это, как мимо него, совсем тенью, проскользнул обгонявший его всадник.

Как ни слаб был свет наступавшего утра, тем не менее Зыбата узнал в проехавшем арконского жреца.

— Нонне! — тихо воскликнул он.

Голос его раздался чуть слышно, но, должно быть, внимание арконца было напряжено до последней степени, ибо он сейчас же придержал лошадь и глухим шёпотом спро-

сил:

— Кто знает меня здесь? Кто назвал моё имя?

Зыбата не счёл нужным скрываться и выступил вперёд.

— Это я, Зыбата.

— А, христианин, — глухо раздалось в ответ. — Как же, узнал, вот где свиделись. Ты уж не из Родни ли?

— Да, оттуда. А ты не в новгородский ли стан?

— Да, туда, — засмеялся Нонне. — Как живёт князь Владимир?

— Чего ты меня спрашиваешь Я думаю, ты это так же хорошо знаешь, как и я, — ответил Зыбата.

Нонне глухо засмеялся.

— Мало ли, что я знаю, Зыбата, мало ли что. На то я служу всемогущему Святовиту, чтобы знать всякие тайны. Да, Зыбата, всякие тайны. Никому и не снится, что ведаю я. Я всё ведаю, мне всё известно: и как растёт всякий цветок из-под земли, и что говорят звёзды на небе. Знаю я, Зыбата, о чём каждый человек думает, и не только это знаю, но и то, что

каждого человека ждёт впереди.

— Это знает только один всеведущий Бог! — воскликнул Зыбата.

— Ты говоришь про своего Бога, про Бога христиан, — в голосе Нонне теперь послышалось сдержанное бешенство, — а я тебе скажу, что так верить, как вы веруете, христиане, значит верить в свой сон, в свою мечту. Верить в то, существование чего подвержено сомнениям, значит лишь обманывать самого себя.

— Нет, Нонне, нет! — с силою воскликнул Зыбата. — Ты не можешь так говорить; в тебе клокочет ненависть, и твой разум затемнён ею! Бог христиан велик и всемогущ, ваши же Святовит, Перун, Один, Тор — одни лишь создания человеческой мечты, и в них нет ни тени Божества. Ты говоришь, твой Святовит всеведущ, так пусть же он скажет твоими устами, что ждёт, ну, хотя бы меня, христианина, в будущем.

Нонне ответил не сразу; он, видимо, понял, что Зыбата в этих словах сделал ему вызов, и ответил с обычной осторожностью и привычкой давать решительные ответы не иначе,

как обдумав и сообразив все обстоятельства, окружающие их.

— Ты спрашиваешь меня, Зыбата, — тихо и внушительно произнёс он, — а я должен ответить тебе, и я отвечу. Но я не буду говорить о тебе одном, а о всех тех, кто единоверцы тебе. Солнце взойдёт на небе три раза и столько же раз сойдёт с неба, как Владимир уже будет на киевском столе князем, а когда оно сядет на покой четвёртый раз, то ни одного христианина в Киеве не останется.

Голос его звучал торжественно, и Зыбату невольно охватило предчувствие чего-то ужасного. Он хорошо понимал, что Нонне во все не предвещает, внезапно просвещённый силой своего божества, а просто говорит ему известное о том, что непременно должно случиться. Зыбата, одарённый от природы большой сообразительностью, сразу смекнул, что Нонне имеет с Владимиром Новгородским уговор, согласно которому князь, овладев Киевом, должен был истребить всех тех, кто следовал вере его мудрой бабки Ольги. Вместе с тем молодой воин понял, что Нонне открыл ему то самое, что он должен был услышать се-

годня в шатре Владимира.

— Ты поражён, Зыбата, — торжествовал между тем арконец, — ты уверен, что мои предсказания исполнятся непременно. Помни же это и страшись. О тебе я ничего не скажу. Принимай мои слова как знаешь. — Злобный старик захохотал, позабыв даже всю осторожность.

— Нонне, Нонне! — восклицал действительно смущённый Зыбата, — неужели ты решился на такое кровопролитие?

— На какое, Зыбата?

— Ведь то, что ты говоришь, будет вовсе не делом твоего Святовита. Это будет, Нонне, делом рук твоих, и ты никогда не заставишь меня думать, будто гибель христиан прошла без твоего участия.

— Как хочешь, так и думай, Зыбата, в этом ты волен, а только помни, что я сказал. Быть может, я попрошу Святовита, и ты умрёшь последним, так что увидишь, как будут гибнуть твои единоверцы. Но до тех пор я с тобой говорить ни о чём не буду. Ты же, если уцелеешь, вспомни мои слова и, оставшись живым, прославь великого властителя тайн

жизни и смерти, которому поклоняются на Рюгене.

Он тронул лошадь, как будто желая показать этим, что никаких разговоров между ними больше не может быть. Вскоре он скрылся из виду.

— Боже правый, всеведущий, всемогущий! — произнёс тихо Зыбата, поднимая глаза к заалевшим утренней зарей небесам. — Огради силою Твоею несчастных, не дай им пострадать безвинно, и да посрамится этот злой человек силою своей же ненависти!

Он произнёс это, и сразу же на душе у него стало легко, отпала страшная тягота, лёгшая на его сердце, и словно какой-то тайный, но мощный голос зашептал молодому воину на ухо: «Без воли Божией ни единый волос не упадёт с головы человеческой».

17. НАВСТРЕЧУ СВОЕЙ УЧАСТИ

Ыбата возвратился в стан сильно утомлённый своей ночной поездкой и заснул как убитый, едва добравшись до своего шатра.

Когда он проснулся и вышел наружу, то увидел, что весь стан осаждающих находится в необыкновенном движении.

Новгородцы, с радостью сияющими лицами, снимали стан, вьючили лошадей, словно готовились к какому-то новому походу.

— Друже, скажи, что происходит? — остановил Зыбата одного из дружинников. — Куда уходим мы?

— Как, Зыбата, ты такой близкий к князю человек и не знаешь? — искренно удивился спрошенный.

— Я уходил из стана под вечер, а вернулся лишь наутро.

— Бросаем мы Родню, уходим.

— Куда же?

— В Киев.

— На Киев! — изумился Зыбата. — Это зачем? А как же Ярополк?

— Ярополк прислал послов, челом бьёт нашему Владимиру, чтобы не было между ними распри, а помиловал бы его Владимир и по-

жаловал, чем только его милость будет.

— И что же Владимир?

— Владимир ответил: пусть Ярополк приходит в Киев, там, дескать, они и помирятся, а что здесь, у Родни, он никакого разговора вести не будет; милость же свою Владимир сейчас показал: он объявил, что уйдёт от Родни и лишь малую дружину оставит, дабы Ярополка на пути к Киеву от всяких напастей охранять.

— Вон что случилось, — пробормотал Зыбата, — а я и не знал. Действительно, скоро дела стали делаться. А где теперь князь-то? Надо бы пойти к нему.

— Поди, поди, если догнать можешь.

— Как догнать! Разве Владимира нет в стане?

— То-то и оно, что нет. В Киев ушёл он, и Добрыня Малкович с ним. Тут к нему ночью, пред рассветом из Родни один человек явился.

— Нонне-арконец? — воскликнул Зыбата.

— Уж не знаю, как его зовут. Стар человек. С виду, что лиса, хитроватый такой; с ним да с Малковичем князь и помчался; ополдень и

мы, пожалуй, пойдём.

Зыбата ничего не ответил, да и что он мог ответить? События совершались с непостижимой быстротой. Он понял, что-то случилось, но что именно — этого он совершенно не понимал и решил терпеливо выжидать, что будет далее.

После полудня весь новгородский стан, действительно, уже снялся и отправился в поход, на Днепр. Осаждённым в Родне были посланы обильные запасы.

Зыбата сперва хотел было пойти к своим друзьям, находившимся около Ярополка, но потом раздумал; он решил остаться при Владимире, тем более, что теперь, когда приближалась развязка, зловещие слова арконского жреца не давали ему покоя.

Зыбата думал и был уверен, что никакого истребления христиан не будет, разве только всемогущий Господь попустит совершиться этому делу. Но в то же время он спешил присоединиться к единоверцам, дабы разделить с ними ту участь, которая, может быть, готовилась им.

В Киев он прибыл, когда Владимир уже

вступил туда. Столица Приднепровья была охвачена невыразимым ликованием. На лицах всех, что только ни был в Киеве, светило радостное оживление: всем казалось, что с приходом великого князя настанут новые дни; что в Киев возвратятся славные времена Олега, Ольги и Святослава.

Зыбата, возвратившийся в Киев, не пошёл к Владимиру, а поселился у старого пресвитера, совершавшего богослужение в храме святого Илии. Когда молодой воин рассказал старцу об угрозах арконского жреца, тот в ответ только покачал седой головой.

18. ПОБЕЖДЁННЫЙ КНЯЗЬ

Был ясный солнечный день, когда Зыбата вместе с толпой киевлян, среди которых было много христиан, спешил на гору к киевскому Детинцу. Давно небывалое оживление

замечалось в народных массах: слышались крики то восторга, то негодования против неугодного народу князя. Молодой христианин не желал выделяться в толпе, ему хотелось издали посмотреть на въезд князей. Он знал, что Владимира в этот день не было в Киеве и что установлен своеобразный церемониал для встречи братьев. Побезданный Ярополк должен был прибыть к княжеским хорам и там ожидать возвращения Владимира с охоты, на которую тот уехал ещё накануне вечером.

Зыбата понимал, что, конечно, всё это было неспроста. Владимиру хотелось не то, чтобы унижить перед народом своего старшего брата, а просто испытать чувства народа к Ярополку: мало ли что могло произойти в то время, которое провёл Ярополк в ожидании брата. Ведь не могло быть сомнения, что в Киеве и у него были, хотя и не многочисленные, сторонники. Владимир же не хотел, чтобы его упрекали в том, что он завладел великокняжеским столом силою, а не по воле народной; слава и победы давно уже наскучили новгородскому князю; он видел, что завоевания ме-

чом непрочны, а прочны только те завоевания, которые творятся любовью. И вот он хотел войти в Киев по доброй воле народа. Если же народ, сжалившись над Ярополком, снова вернётся под его власть, то ему, Владимиру, и не нужен Киев, не нужен потому, что он искренно желал примирения со старшим братом, которого он в душе считал для себя вместо отца.

Зыбата понимал всё это, да и старый пресвитер, у которого он жил эти дни, не раз говорил ему, что в данном случае Владимир поступает чересчур великодушно. Теперь, стоя в гуще толпы, Зыбата с любопытством присматривался к лицам, собиравшимся у Детинца людей и прислушивался к раздававшимся вокруг него разговорам. Некоторых в толпе он знал. Но теперь Зыбату никто не узнавал, быть может, потому, что он снял с себя ратные воинские доспехи и был одет, как все киевляне.

— Ой, боязно, как бы не примирился Владимир с Ярополком, — слышал Зыбата, — добр Владимир и сердцем мягок; примирятся братья, и всё пойдёт по-старому.

— Не бывать этому, — горячо воскликнул другой, — скорее Днепр вспять пойдёт, чем будет так. Не желаем Ярополка.

— Кто его желает? На Владимира поглядеть да потом на Ярополка — что небо и земля. Ярополк-то и толстый, и слюнявый, и пыхтит, как лошадь опоенная, а Владимир-то словно солнце красное.

Последние слова услышали многие киевляне.

— Солнце красное, солнце красное, — полился по толпе переливами рокот, — солнце, солнышко красное!

И вдруг все разом стихли. Толпа, за мгновение до того оживлённая, радостно шумевшая, замолчала. Воцарилась мёртвая тишина, люди раздвигались, очищая путь к воротам Детинца.

— Ярополк, — как-то сумрачно раздалось в толпе. Показалось несколько верховых, впереди ехали новгородские дружинники, потом варяги, а за ними видна была колымага, грузно катившаяся по неровной почве, дальше следовало ещё несколько варягов.

— В колымаге-то Ярополк с Блудом, —

услыхал около себя Зыбата. — Ишь ты, прячется, на народ киевский взглянуть совестно, а Нонне-арконца не видать.

— Где же увидишь? Он ведь при Владимире.

— Чего там; его и в Киеве, и в Ярополковом стану видели.

— Ну, приехали все теперь. Теперь Владимира ждать будем.

У Зыбаты стало невыразимо тяжело на сердце: ни один клич, ни одно приветствие не встретило недавнего ещё владыку Приднепровья; он вступил в свой стольный город всеми отверженный.

«Вот оно, величие, вот она, слава земная! — шептал про себя Зыбата. — Неужели же живёт человек и возносится лишь для того, чтобы с высоты упасть в бездну?»

19. КРОВАВОЕ ДЕЛО

То-то слегка тронул Зыбату за плечо. Он быстро обернулся и увидел позади себя варяжского воина Феодора, бывшего на этот раз тоже без доспехов и тоже в простом киевском платье; около него стоял подросток с нежными чертами лица и задумчивым взглядом больших серых глаз. Зыбата понял, что это был сын Феодора Иоанн.

— Ой, Зыбатушка, — заговорил варяг, — как будто совсем не приходится хорошего ожидать, как будто дурное что-то надвигается, и такое дурное, что сердце замирает, как подумаю.

— Для кого дурное? — чувствуя невольную тревогу, спросил Зыбата.

— Для князя нашего, для Ярополка.

— Полно, Владимир не имеет на него зла, братья примирятся.

— Братья, братья. Да если бы участь Ярополка только от Владимира и Добрыни зависела, так нечего и бояться за него.

— Но кто же ещё ему грозит?

— Два у него страшных врага: Блуд и Нонне-арконец.

— Эй, Феодор, что же они могут тут сде-

дать? Владимир в Киеве хозяин.

— Не знаю и сказать ничего не могу, а вот только мне ведомо, доподлинно ведомо, что Нонне призвал к себе двух арконских варягов, с Рюгена; те варяги и в Киев пришли ещё вместе с Нонне; знаю я их, для арконца они псы верные; на кого он их натравит, на того они и бросятся.

— Ну, что же из того?

— То, Зыбата, что им Нонне приказал быть в той избе, которая для Блуда приготовлена, и быть он им там приказал потайно. И вот сегодня я прознал, что Ярополк Владимира будет ожидать не в княжеских хоромах, а как раз у Блуда. — Феодор не успел договорить, как отчаянный вопль пронёсся среди всеобщей тишины.

— Убили! Убили!

Толпа, словно подхваченная порывом ветра, кинулась к воротам Детинца и бурным потоком влилась через них. Зыбата, подхваченный толпой, очутился в передних её рядах. Он увидел своего друга Варяжко, покрытого кровью, но державшегося на ногах и в страшном негодовании кричавшего так, что его го-

лос слышен был даже в рёве толпы.

— Заманили князя, заманили и убили! — кричал Варяжко. — Предатели... На безоружного руку подняли. Он к вам с добром и любовью шёл, он вам мир нёс, он ради того, чтобы крови вашей не пролить, смирился и гордость свою победил, а вы вместо того убили его из-за угла!

— Да кто кого убил? Кто? Как смеют нас убийцами называть?! — шумела толпа.

— Князя вы убили. Ярополка.

Зыбата заметил, что с крыльца соседней избы, у дверей которой стояли Блуд и Нонне, вдруг кинулись к Варяжко два зверского вида, вооружённые короткими мечами варяга. Обезумевший от горя любимец несчастного Ярополка и не заметил угрожающей ему опасности, и варяги моментально изрубили бы его, если бы Зыбата вдруг не кинулся вперёд, и заграждая Варяжко своим телом, не крикнул как мог громко:

— Прочь! Как вы смеее! Ежели Варяжко неправду говорит, то пусть князь его рассудит.

Смелые слова Зыбаты произвели впечат-

ление на толпу.

— Да, да, пусть князь рассудит, пусть он разберёт, кто Ярополка убил, и мы ли, люди киевские, в его смерти повинны.

Зыбату, Варяжко и Феодора окружило живое кольцо. Арконцы-варяги подняли было мечи, чтобы врубиться в людскую массу, но в это время воздух задрожал от громкого клича, вырвавшегося сразу из нескольких тысяч грудей.

— Здравствуй навеки, князь наш Владимир! Привет тебе, Солнышко Красное! — В ворота Детинца на красивом статном коне, окружённый толпою блестящих воинов, въезжал Владимир.

— Опоздал, опоздал, — прошептал Зыбата.

20. НАРОДНЫЙ ГОЛОС

В

Ладимир сразу заметил: произошло что-то

необыкновенное. Он зорко всматривался, пытаясь отыскать взглядом Ярополка, но того нигде не было видно. А вокруг редела толпа, воодушевлённая неподдельным восторгом. Но когда Владимир чуть приостановил коня, первым возле него отказался трепетавший от гнева Варяжко. Он схватил окровавленной рукой поводья и неистово закричал:

— Князь Новгородский, суда требую! — Вид Варяжко был страшен, лицо перепачкано кровью, которая текла по его одеждам и кое-где уже подсохла и запеклась. Однако Владимир даже не дрогнул, увидев перед собой этого человека, требовавшего суда. Он сразу узнал его.

— Над кем тебе мой суд нужен? — спросил он. — Кого ты к ответу зовёшь?

— Тебя, князь Новгородский! — хрипло захохотал Варяжко.

— Меня? В чём же ты меня обвиняешь? — удивился Владимир.

— В вероломстве виновен ты. Ты, ты. Что на меня смотришь с таким удивлением? Ты заманил в западню несчастного брата и приказал убить его.

— Я? Ярополк убит? Я его убийца? — в голосе Владимира зазвучали нотки неподдельного изумления. — Нет, это неправда.

— Поди и взгляни, — указал Варяжко на те хоромы, которые были отведены для Блуда, — поди и взгляни, новгородский князь, на свою жертву. Ты сам увидишь, что в притворе он лежит, зарубленный мечами твоих слуг, бездыханный. Кругом него кровь, кровь твоего отца, твоя кровь, — и ты смеешь ещё говорить, что неповинен в смерти его. А-а, совесть-то и в тебе заговорила. Бледнеешь ты, убийца вероломный!

Действительно, красивое лицо Владимир покрылось вдруг мертвенной бледностью; он даже слегка качнулся в седле, как будто весть о смерти Ярополка поразила его тяжёлым ударом. Кругом стоял народ, безмолвный, смущённый. Глаза всех были потуплены; на Владимира смотрели только горящие ненавистью очи Варяжко.

— Кровь своего отца ты пролил! — гремел исступлённый воин. — Печенегам лютым уподобился ты! Да и печенеги-то отца твоего, Святослава, в честном бою убили: Куря, их

князь, на единоборство с ним вышел. А ты заманил брата, милость ему обещал свою, а как пришёл он, так мечи его по твоему приказу и приняли.

Владимир задрожал. Бледность быстро исчезла, лицо его вдруг запылало; он приподнялся на стременах, окинул гордым взором молчавшую толпу и звучно крикнул так, что каждое его слово отдавалось во всех уголках Детинца:

— Народ киевский, слышишь ли ты? В коварстве винит он меня, — указал Владимир на Варяжко, — говорит, что повинен я в крови брата своего, Ярополка, что убил его, как вероломный предатель, заманив к себе. Так прими же ты мою клятву. Тем, кто в Перуна верует, Перуном я клянусь, кто Одина чтит, Одином и Тором клянусь, кто Невидимому Богу христианскому служит, пред теми я именем их Бога клянусь, что и в мыслях у меня не было поднять руку на брата моего старшего. Сердцем хотел я примириться с ним. Не по великокняжескому столу Ярополк был, но всё-таки смерти он не заслуживал; в мыслях моих было отдать ему удел любой, какой он ни

пожелал бы, чтобы жил он там как душе его угодно. Крови его не хотел я, и в ней неповинен я. Веришь ли мне, народ киевский?

Ни один голос не отозвался на этот вопрос; очевидно, все были уверены, что смерть Ярополка не обошлась без участия Владимира.

Горькая улыбка заиграла на губах князя.

— Ой ли, вижу я, — так же звучно проговорил он, — что нет мне веры! Все молчат, никто ответить мне не хочет, так пусть же тогда сам народ меня казнит. Отдаюсь во власть его. Пусть умру я, если думают киевляне, что повинен я в вероломстве. Но пусть только скажет мне народ, что не верит он моей клятве.

— Я, Владимир, верю тебе и без клятвы твоей, — вдруг выдвинулся Зыбата, — Богу Невидоному, христианскому служу я и знаю, что не попустил бы Он клясться Своим именем, если бы была на тебе кровь брата твоего. Эй, народ киевский! Неповинен в злодеянии Владимир князь, так же неповинен, как Ярополк не был повинен в крови Олега Древлянского. Убил его Свенельд за Люта, сына своего, а укор за кровь без вины на Ярополка пал. То

же и с Владимиром теперь. Неповинен он, а ежели умереть тут ему суждено, так я и умру вместе с ним.

— Спасибо, Зыбатушка, — тихо проговорил князь.

Он хотел ещё что-то сказать смелому христианину, но вдруг около него, словно шум морского прибоя, загудели голоса:

— Неповинен князь Владимир, неповинен в Ярополковой смерти! Другие тут руки поработали. Хотим его князем своим! Хотим его князем над нами! Никого другого, кроме тебя, не желаем! Красное Солнышко, в Ярополковой гибели не виним тебя! Привет тебе, стольный князь Киевский!

Собиравшаяся буря рассеялась; снова засияло солнце любви, и Владимир понял, что с этого мгновения он становится в Приднепровье, а пожалуй, и во всей Руси, большим владыкой, чем и отец его, Святослав, и славный киевский князь Вещий Олег.

— Спасибо тебе, народ мой! — крикнул он, нашедши мгновение, когда крики несколько смолкли. — Спасибо тебе! Обещаю тебе, что по княжьей правде своей разберу я, кто вино-

вен в Ярополковой смерти, и покараю вероломцев. Ты же, Зыбата, и ты, Варяжко, идите в хоромы мои. Ты, Варяжко, верный был слуга моему злосчастному брату, и ради памяти его дам я тебе мои великокняжеские милости. Но теперь хочу я поклониться телу Ярополка, хочу плакать близ него, вспоминая детство наше. А потом суд мой праведный.

Он тронул коня.

А кругом к нему жались народные массы, и всё громче и громче нёсся клич:

— Солнышко, солнышко наше красное, Владимир свет Святославович!

Примечания

Пергамент — тонкая выделанная кожа, которая использовалась в древности вместо бумаги.

[^^^]

2

Гепард, охотничий зверь, который славится
быстротой и бесстрашием.

[^^^]

964 по современному летоисчислению.

[^^^]

4

Перун — древнерусский бог грома и молнии, главный из языческих богов.

[^^^]

Волжская Болгария — государство на Средней Волге, существовавшее в X — первой половине XIII вв.

[^^^]

6

Тур — древний бык с длинными, загнутыми вперед рогами; из рогов тура изготовляли дальнобойные воинские луки.

[^^^]

Гривна — шейный обруч из серебра, служивший украшением; гривнами называли в Древней Руси также слитки серебра, заменявшие деньги.

[^^^]

Вира — штраф за убийство, который платили серебряными гривнами; если убийцу не находили, то община, на земле которой произошло убийство, сообща платила князю дикую виру.

[^^^]

Перестрел — древнерусская мера длины, равная полёту стрелы (примерно 100 шагов).

[^^^]

10

От дыма — то есть от каждого двора, где был очаг.

[^^^]

Закатная сторона — запад.

[^^^]

12

Побратим — названный брат.

[^^^]

Полуденная сторона — юг.

[^^^]

Тадун — сборщик дани.

[^^^]

Земля варягов — Скандинавия.

[^^^]

Студёное море — Северный Ледовитый океан.

[^^^]

Царьград (Константинополь) — столица Византийской империи.

[^^^]

Кормчий — рулевой у кормового весла, старший на судне.

[^^^]

Кара-хазары — чёрные хазары.

[^^^]

Тризна — поминальный пир.

[^^^]

Аргамак — старинное название породистых верховых лошадей, которых разводили в Средней Азии и на Кавказе.

[^^^]

Суружское море — Азовское море.

[^^^]

Босфор Киммерийский — Керченский пролив.

[^^^]

Фема — провинция Византийской империи.

[^^^]

Таврика — Крым.

[^^^]

Катапульта — механизм, предназначенный для метания камней или горшков с горючей смесью в осажденную крепость.

[^^^]

968 год.

[^^^]

Гимеи Родопские — горы на границе Болгарии и Греции.

[^^^]

Стратиоты — наследственные византийские воины, получившие за военную службу земельные владения; из них формировалось войско катафрактов — тяжеловооруженных всадников.

[^^^]

Фракия — область в восточной части Балканского полуострова между Черным, Эгейским и Мраморным морями.

[^^^]

Фаланга — глубокий пехотный строй, состоящий из многих рядов воинов.

[^^^]

Рюген — остров Балтийского моря, отделенный узким проливом от континента. Берега его очень извилисты, образуют множество заливов. Поверхность острова ровная, но заметно поднимается к западу, с северо-востока представляет отвесные меловые скалы. Больших рек нет, но много речек и озер. Первоначальное население было германское, но затем его вытеснили славяне-венды.

[^^^]

Святовит — языческий бог древних славян, живших на Рюгене, был богом всякого обилия и успеха.

[^^^]

Аркона — самый северный мыс на острове Рюген, на полуострове Витове, на западном конце которого находился город, носивший то же наименование. В этом городе жили жрецы Сятовита, храм которого был на высоком холме, значительно поднимавшемся над морем.

[^^^]

Божество грома и войны у скандинавов.

[^^^]

Париж.

[^^^]

Ирландия.

[^^^]

Новгород.

[^^^]

Бог солнца, любви, искусств у скандинавов.

[^^^]

Божество подземного огня у древних сканди-
навов.

[^^^]

Ныне река Нева; в IX веке она была проливом и разливалась на огромное расстояние в обе стороны.

[^^^]